

УРАЛЬСКИЙ
следопыт

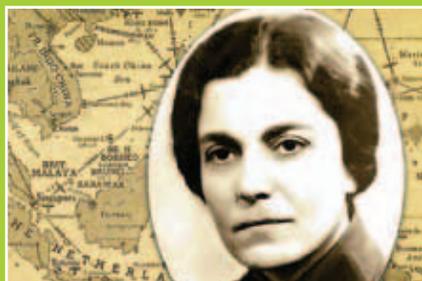
ISSN 0134 - 241X

11 (785) ноябрь, 2022

www.uralstalker.com

Хоровод традиций

ВЯТСКАЯ МУЗА ЭНШТЕЙНА

ЗУБЫ ШУРАЛЕ

ДИКИЕ ЗВЕРИ

9 770134 241006 22011

Ноябрь 2022

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –
Н.В. Дудко, Е.Ю. Базаров, Б.А. Долинго.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Корректор – Л.В. Ким.

Интернет – Е. Марков.

На обложке –

1 стр.: фото Юлии Шелентовой.

4 стр.: фото Дмитрия Жданова.

Редакция, издатель – АНО «Уральский следопыт».

Редакционный совет – Геннадий Пращкевич,
Вадим Панов, Юрий Казарин, Дмитрий Байкалов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2022 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:
620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7(343)269-22-34

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №11 (785), 2022 г.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных

технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,

выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **«тема»**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком , публикуются на правах рекламы.

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Уважаемые читатели,
оформить подписку на журнал
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com»
вы можете через:

- Почтовые отделения России;
- Каталог Агентства «Почта России», индекс П6316
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС»

**Аэлита
Журнал
в журнале**

«Уральский следопыт.uralstalker.com» №11, 2022 г.
Подписан к печати 30.10.2022 г. Дата выхода 05.11.2022 г.
Цена свободная. Печать офсетная. Тираж 11000.
Отпечатано ООО «Периодика», 623751,
Свердловская область, г. Реж, ул. О.Кошевого, д.16.
Телефон: +7 (34364) 33-66-5.
Заказ №

Встречный ветер

Юнкоры пишут

Е. СТЕПАНОВА
По Береговой
гуляли, наличниками
любовались 17

Фотолетопись

Н. ДУДКО
Черемшанские
карьеры 28

Живи активно!

В. БАЛДИН
Неизведанных
мест много 32

**Путешествие
по Уралу**

П. ДОРОШЕНКО
Айгир 34

Фотолетопись

Д. ЖДАНОВ
Долгие горы 40

**Путешествие
по Уралу**

А. ЗАТОНСКИЙ
Перевал
Песцовый, 25 44

Природа в ладонях

Добрые попутчики

А. КАПРАЛОВ
ProЛес 25

Животный мир

М. БОКАЧЕВ
Канюк 26

Животный мир

С. ЗИМИН
Дикие звери: друзья или враги? 38

Река времени

Традиции

С. ПУДОВ
По оленьему
следу 3

Штрихи к портрету

Н. ЗАПОРОЖЦЕВА
Гений
и Жемчужина 8

Народы Урала

Е. БАЗАРОВ
Хоровод
традиций 12

Штрихи к портрету

Б. ГАССЕЛЬБАТ
Фактический
воротила 20

ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ
АВТОНОМНЫЙ
ОКРУГ

▼ Берег Карского моря. Фото О. Белякова

По оленьему следу

...Осколками разбитого зеркала бликуют озера, тень вертолёта пересекает причудливо извивающиеся речки. Нигде, до самого горизонта, ни жилища, ни дорог, ни следов деятельности человека. От однообразия пейзажа взгляд замыливается.

Сергей Пудов

Трудовую биографию начал в многотиражке «Звезда» на строительстве Серовской ГРЭС (Свердловская обл.). Работал в газетах Кемеровской, Свердловской, Тюменской областей. В пос. Комсомольском Советского района был главным редактором студии телевидения. Автор трех книг: «Радуга жизни» (2006), «Под небом Заполярья» (2012), «Без права на забвение» (2014). Живет в Югорске Тюменской обл.

Мысли понесли в обратную сторону, будоража память. Всплыли картины первых дней прибытия на Крайний Север. Мы, молодые супруги, подхваченные ветром перемен, на крыльях романтики летели в дальние края за счастьем и судьбой. Приземлившись в заполярный Ямальский район, получили жилье. Третьим членом нашей семьи была печка-каменка. Мы любили ее, обнимали, ласкали ладошками в морозные дни и ночи. Вначале она не восприняла нас всерьёз — пыталась выкурить едким дымом и была права: мы старались разогреть ее сырыми осиновыми дровами. Свалили нам под окно три осиновых бревна. Кора на них тонкая, ярко-зелёная, живая, словно вчера ещё на этих деревьях трепыхались листочки. Мы учились добывать тепло для домашнего очага. Одолжили у соседей пилу и, по прин-

Фото А. Калмыкова

Фото С. Карлукина

ципу «тяни к себе и отдай товарищу», принялись пилить. Новое ремесло всегда даётся с трудом и сопровождается слезами или смехом. Мы смеялись над собой и оглядывались — не смеются ли над нашим неумением.

Сегодня я по заданию редактора впервые лечу на десять дней в оленеводческие бригады. ...Мерный гул двигателей и легкая дрожь салона вертолёта убаюкивали, смежались веки... Очнулся от нахлынувших воспоминаний, когда борт как-то резко накренился. Выглянул в иллюминатор — внизу стойбище из нескольких чумов. В дверях кабины пилотов стоит Юрий Георгиевич Кеерт. Он показывает штурману на карте, где следует приземлиться, чтобы посадить пассажиров.

Первой вышла молоденькая nenчка с первенцем на руках. Я живо представил, как сейчас в чуме женщина распеленает ребёнка, приданое, подаренное роддомом, уберёт и использует на хозяйственные нужды, а младенца завернёт в мягкую шкурку оленёнка, предварительно подложив пучок сухого мха. Мох гидроскопичен и является хорошим антисептиком. Многовековой опыт аборигенов Крайнего Севера успешно использовался в госпиталях при дефиците ваты.

Мы ещё два или три раза садились в стойбищах, высаживали оленеводов, вернувшихся из посёлков. И, наконец, нас осталось только трое: я, молодой зоотехник и представитель районной власти из местных ненцев — Енсу Павлович Вануйто.

Я взглядом спрашиваю Кеерта: «Когда же ты, Юрий Георгиевич, высадишь нас на эту необитаемую землю?» Он подсел ко мне и закричал в ухо с прежней лукавой улыбкой — свистя-

щий звук работающих турбин не позволял к задушевной беседе:

— Ты летишь вместе с весной на север. Смотри в окно — как только увидишь кромку снега, так в ближайшем стойбище и сядем. А пока весна бежит впереди нашей «лопоухой» авиации.

Я откровенно люблюсь им. Красавец мужчина. Тонкий профиль, гусарские усики, молодцеватая стать, интеллигент питерского воспитания. Он по распределению был направлен на Ямал после окончания Ленинградского ветеринарного института — «коннобалетной академии», как в шутку он называл свою альма-матер, — и назначен главным ветврачом районного Управления сельского хозяйства. Мы дружили семьями. Он часто с восхищением рассказывал о встречах в тундре с интересными, самобытными и мудрыми людьми, любящими оленей, знающих природу и вековые традиции местного населения. За время длительных кочевий со стадами ему пришлось побывать во всех уголках

Ямальского полуострова: на факториях Усть-Юрибея, Мордыяхи, Тамбея, Дровяного, на полярной станции МараСале, полярной станции острова Белый, на острове Литке, куда в 1862 году после гибели шхуны «Ермак» вышли русские матросы с командиром Павлом Крузенштерном и были спасены от голода и холода богатым оленеводом Сэрэтэт-то Сейчем. Юрий Георгиевич оставил следы своих резиновых сапог фабрики «Красный треугольник» на южном берегу Карского моря.

Я всегда слушал его рассказы, что называется, с раскрытым ртом и просил отправить меня в тундру с кем-нибудь из специалистов — один в первый раз я не решался. И вот представился такой случай. Кеерт вернулся к пилотам. Я взглянул на часы — летим уже три часа. Накануне Юрий Георгиевич показал мне на карте маршрут движения нашей комплексной бригады зооветспециалистов. Нас высадят в стойбище отстающей в движении на север оленеводческой бригаде. Отстающая

Фото Е. Анабушева

Уральский следопыт, ноябрь 2022

▼ Почта. Фото А. Калмыкова

не значит плохая — на пути ее касания слишком много природных препятствий: не освободившиеся ото льда многочисленные речки и озёра. Стада идут с апрельским приплодом, и форсирование ледяных купелей всегда сопровождается массовыми простудными заболеваниями ещё не окрепших оленят. Я ловлю себя на мысли, что с подачи Ю.Г. Кеерта начинаю разбираться в основах оленеводства.

Наконец борт резко накренился и, сотрясаясь всей железной утробой, пошёл на посадку. Всё немногочисленное население высъпало нам навстречу. Я ступил на твердь какого-то незнакомого континента. Женщины и мужчины одеты в шкуры оленей. На их лицах не было ни восторга, ни удивления — только интерес: кто прилетел и зачем? Вануйто в двух словах объяснил хозяевам, и бригадир Худи Няочи пригласил нас в чум на чашку чая. Ненцы остаются язычниками. Не смогли миссионеры навязать им христианство. Остяков, вогулов, зырян обратили

в православную веру, а ямальцы умело разбегаются по тундре и тем самым сохранили свою неповторимую этнокультуру. После обильного чаепития я отправился побродить по окрестностям. Вокруг голая равнина — ни спрятаться, ни присесть, ушёл километра за два. Сегодня первый день тепла, солнышко прогревает освободившуюся от снега землю, над её поверхностью легкое, зыбкое марево испарений вечной мерзлоты. И в Заполярье пришла весна! Солнце с середины мая не заходит, а катится колесом по горизонту, как бы извиняясь за долгомесечное отсутствие. Боже! Какая чудесная погода! Воздух хрустальный, так и пил бы его бесконечно. Наша бригада пополнилась ещё двумя зоотехниками, их привезли из соседнего стойбища мои спутники. Спать легли очень поздно. Я укутал голову мягкой шкуркой оленёнка, пахнувшей кислым хлебом, и приятно щекочущим лицо мехом и провалился в глубокий сон.

Сегодня воскресенье — выходной день, а здесь — в стадах — выходных не бывает. Погода резко испортилась. С утра густой туман, на озёрах дико кричат птицы — их пугает отсутствие видимости. К полудню сильный ветер разогнал туман и принёс тяжелые тучи. Пастухи ловят оленей для упряжек. В шесть часов вечера выезжаем в следующую по маршруту бригаду. Енсу Павлович уговаривает меня остаться — дорога предстоит очень трудная. Я возражаю:

— Мне за несколько дней командировки необходимо посетить максимальное количество оленеводов.

Надел меховые чулки зоотехника, на них — резиновые сапоги бригадира — и вперед!

Дорога действительно оказалась сложнее, чем я мог предположить. Дорога... какая здесь дорога?! В тундре вообще нет дорог, есть лишь направления, и у каждого — своё. Погода скверная, сильный ветер, на траве изморозь. Сверху свинцовое низкое небо, внизу — хлябь господняя. Я в курточке и тонких брюках — на дворе ведь календарное лето! Как же ты меня обмануло, северное лето... Первобытный холод облил спину, кольнул в поясницу, забрался под воротник, да там и остался. Я попросил Всевышнего сделать хоть на полтора градуса теплее обычного. Он ничего твердо мне не обещал. Пушкина, кстати, вспомнил: «Наше северное лето — карикатура южных зим».

Олени бегут то по воде, так что нарты заливают, то бредут по брюхо в мокрой снежной каше. На пригорке показался одинокий чум и рядом трое запряжённых нартов: это бригадир уехал раньше и приготовил горячий крепкий чай для обогрева и смену упряжек.

Мой каюр, взглянув на меня, предупреждает, что дальше дорога будет ещё сложнее, уговаривает остаться в чуме. Я непреклонен. Наскоро пьем чай. На мою нарту положили лодку, в нее усадили меня; упряжку поставили в конец колонны и привязали к предыдущей нарте, опасаясь, что я отстану и потеряюсь в тундре. Олени буквально бредут по воде, а мне сухо! Даже если потонут нарты, я в лодке останусь на плаву! Сижу, радуюсь такой прекрасной мысли. И только погода портит настроение. Я весь дрожу от холода, а впереди ещё многие километры. Вспомнил напутственные подбадривающие слова редактора: «Тундра летом — это же дом отдыха!» Посмотрел бы он сейчас

▲ Домашний очаг. Фото А. Калмыкова

на меня, как я здесь «отдыхаю под палящими лучами у южного побережья Карского моря!». Пытаюсь отвлечься от замороженного состояния, смотрю по сторонам. На озёрах черно от уток, по берегам важно вышагивают гуси и бегают кулики. Вблизи от нарт пробегают любопытные куропатки. Остаются, посмотрят удивлённо и бегут дальше. Вот где охотничий рай! Птица спокойная, непуганая.

Подъехали к речке. Она быстрая и глубокая. Один из моих спутников перешлёпывает на лодке и бросает нам верёвку. Её натягивают и переплавляют упряжки с пустыми нартами, затем на лодке перевозят нас. И снова впереди бескрайняя тундра. Ехать предстоит ещё сутки. Замёрз окончательно.

В четыре часа ночи неожиданно показалось стойбище из четырёх чумов. Обычно ненцы ставят три чума, четвертый был поставлен для нас, «путешественников». Внезапное появление тепла было для меня приятным сюрпризом — ведь мы ехали всего десять часов, а меня пугали сутками. В чуме Сенгани пьём крепкий чай. Не могу согреться — зубы выбивают мелкую дробь по эмалированной кружке. Наконец падаю на приготовленную постель из толстых оленьих шкур, на меня набрасывают огушки — женские шубы, постепенно согреваюсь и засыпаю...

Спали долго. Народу набилось в чум под завязку. После чая в бригаде началось всеобщее оживление: пастухи ловят и запрягают оленей, женщины разбирают чумы и грузят амгари на нарты — собираемся кататься на новое место, дальше на север, в следующую бригаду.

День немного разгулялся. Яркое солнце, белые облака, голубое, словно выстиранное, небо. Наконец всё уложено на нарты и мы аргишем — длинным караваном — с мобильным жилищем и нехитрым скарбом аборигенов снова в пути.

Дорога лучше, чем вчера. Снега здесь ещё много. Едем напрямик через реки и озера. Лёд толстый, крепкий, с голубоватым оттенком. Весна ещё не докатилась до середины Ямала. Ветер с Карского моря грудью упирается — не пускает весну в Заполярье. Олени не любят весеннюю распутицу, пытаются по снегу выйти к морю. За стадами, едва послевая менять стойбища, спешат бригады оленеводов. Ехали два часа. К вечеру на высоком сухом холме облюбовали место для стойбища. Женщины сноровисто установили чумы, выстелили на утоптанном снегу толстые оленьи шкуры, разложили амгари, и стойбище обрело вид населённого пункта в миниатюре. Вануйто уехал в соседнее стадо за ветврачом и фельдшером. Обещал к ночи вернуться.

На нарте лежит маленький оленёнок. Ему, наверное, от роду дней десять. Он дрожит от холодного ветра. Я прижался лицом к его мягкой пушистой шёрстке. Но вот его снимают с нарты и начинают душить... Какая ужасная картина! Тут же на снегу сдирают с него шкуру и едят теплое сырое мясо, запивая горячей кровью. По утверждению ученых, занимающихся северным оленеводством, в ста граммах сырого мяса оленя содержится суточная потребность человека в витаминах.

► В стойбище оленеводов. Фото Е. Елабушева

Мы не вправе осуждать обычаи своих соседей. Пищевой набор наших кочевников невелик. Сухари, чай плиточный, сушки, масло сливочное, соль, сахар, сгущёнка. Всё остальное даёт им олень. А также в рацион иногда попадает птица и рыба из местных озёр и речек. В девять часов вечера пьём чай. На ночь хозяйка варит мясо и заправляет лапшой. Ненцы обычно завтракают, обед отдают врагу, ужин едят сами, а потом целый день ползут кишки чаем. Ко сну отходят очень поздно, иногда далеко за полночь, словно господа аристократы, и так же поздно встают. Подобный режим дня и у детей. В три часа ночи ложимся спать.

Поднялся сильный ветер. Под его натиском зашатался чум, но устоял. Сквозь сон слышу — вернулся из соседней бригады Енсу Павлович, с ним две женщины: молоденькая мировая девушка-фельдшер и ветврач Маша Талеева. Наш ковчег сразу наполнился девичьим смехом и щебетанием. Сна как не бывало.

Фото И. Рынщина

Уральский следопыт, ноябрь 2022

Достаю блокнот, смотрю на свои часы и записываю время нашего часового меридиана. Зачем? Здесь, за Полярным кругом, совершенно другое времяисчисление. Здесь забываешь общепринятые понятия: утро, день, вечер, ночь, сутки, недели... Четыре месяца длится полярный день. Солнце, как бы извиняясь перед тундровиками за восемь месяцев беспросветной полярной ночи, сутками не покидает северян.

Четвёртый день моего «отдыха». С утра и весь день воеет ветер, поднимая жуткую метель. В такую погоду отправляться в тундру опасно.

Девятый час вечера, а за тонкими стенами чума, не умолкая, воеет ветер, нагоняя какую-то пещерную тоску. Здесь, видимо, никогда не бывает благоприятных времён года. А так хочется тепла, жаркого солнышка...

«Гуси потянулись на север — бабы полетели на юг!» — вспомнилась фраза местного остролова. И действительно, давно сложилась традиция у северян: уезжать в льготный отпуск один раз в два года. В одно лето выезжают пер-

вые руководители, на второй год — их заместители. Женщины с детишками отдыхают на юге каждое лето. Вспомнился случай, рассказанный моей знакомой. «Выхожу, — говорит, — из самолёта со своим несмышлёнышем. Он как увидел траву — на весь аэропорт закричал: «Мама! Смотри, какой зелёный снег!». Пассажиры взглянули на него с улыбкой, а на меня — с осуждением».

Вчера к ночи разбушевался настоящий буран — в трёх шагах ничего не видно. Всю ночь ветер бил в тонкие стены нашего жилища и, казалось, вот-вот опрокинет и всех нас накроет жердями и толстыми тяжёлыми шкурами. Стараясь заглушить первобытный страх перед стихией, читаю журналы, режемся в карты и много смеёмся. Смех весёлым не назовешь — он какойто истеричный. Здесь я узнал разницу между поземкой, метелью, бураном и пургой. По этим явлениям природы оленевод планирует свои действия на ближайшие дни.

По ночам слышим гул реактивных самолётов. Странно. Реактивная авиа-

ция — и древний, ровесник египетских пирамид, чум. В Египте — пирамиды, в России — конусы. И разницы-то в геометрических фигурах. В пирамидах лежат мощи фараонов, в вечной мерзлоте тундры — мощи мамонтов. Пирамиды вскрыли в поисках золота, тундру тоже вскрыли и тоже нашли золото, только чёрное и голубое, и меняем его на золото жёлтое... Какие только мысли не приходят в бессонные ночи!

И всё-таки ненецкое жилище, чум, — самое удобное и оптимальное в условиях тундры. Конструкция его выверена веками. Она предельно проста, в ней нет ничего лишнего, а все детали незаменимы. Чум собирают из 2540 (иногда из 50) шестов, расставляют их по кругу на утрамбованном снегу, сверху скрепляют ремнём три шеста и на них кладут все остальные. Остов покрывается четырьмя нюками-покрышками, каждая спита примерно из пяти десятков шкур оленей — и всё, пристанище тундровика готово. Кстати, на всё про всё уходит меньше часа. Пока мужчины ловят и запрягают оленей, женщины разбирают жильё и укладывают на нарты. На новом месте мужчины распрягают, женщины устанавливают чум.

Следует отдать должное женщинам тундры. Место бывшей стоянки чума принято оставлять чистым. Как только уложат на нарты части чума и вещи, они подбирают всякий мусор и сжигают его. Этот обычай связан с представлением о том, что сразу после откочёвки людей на чумовище появляется дух Мядинда, который собирает всё то, что было оставлено, и может через эти предметы причинить вред уехавшим людям. Считалось особенно опасным оставлять волосы или остриженные ногти.

При установке чума, конечно же, учитывается направление господствующих ветров. У ненцев насчитывается более тридцати типов и наименований чумов по конкретной необходимости. Вход в чум никогда не смотрит назад, только вперед, только в будущее! И в каждой из этих черт проявляется особая философия жизни неутомимых и неунывающих людей тундры... **УС**

◀ Маргарита Воронцова
в подростковом возрасте

Гений и Жемчужина

Вятская муза Эйнштейна

У каждого гениального творца есть своя Муза, вдохновляющая его на великие дела и открытия. За великими мужчинами всегда стояли незаурядные женщины. Именно такой Музой была для скульптора Конёнкова и ученого Эйнштейна наша землячка из вятского уездного Сарапула — Маргарита Воронцова.

Она была женщиной яркой, пленительной, отважной, далёкой от стереотипов провинциальных барышень начала XX века. Классический архетип древнегреческих Муз — это молодость, красота, женственность, сексуальность. И непременно ум, потому что Музы в переводе с греческого — мыслящие. Все эти качества в избытке были у на-

шей Маргариты. Она стала идеалом женской грации для скульптора Конёнкова и последней любовью учёного Альберта Эйнштейна.

«Жемчужина» — так переводится с греческого имя Маргарита. По семейному преданию, цыганка предсказала дочери Воронцовых большое будущее. Так и случилось. Музы пребы-

Удмуртия

Наталья Запорожцева

Главный библиотекарь краеведческого отдела Центральной городской библиотеки им. Н.К. Крупской города Сарапула, Удмуртия, член Российского союза писателей с 2019 г. Постоянный автор «Уральского следопыта».

Фото предоставлены автором

▶ Мать Маргариты —
М.В. Воронцова
с сыном Рафаилом

◀ Дача Башенина в провинциальном Сарапуле

▲ Отец Иван Тимофеевич Воронцов — известный адвокат города Сарапула в начале XX века

вали на Парнасе. Наша «вятская жемчужина», покинув провинцию, блистала в высшем свете Москвы и Америки. Воронцова-Конёнкова прожила бурные, счастливые годы в США и трагические по возвращении в СССР. После публикации писем Эйнштейна вокруг её имени появилось много пересудов и небывлиц. Как защитить от них память нашей славной землячки? Ведь человек имеет право на частную жизнь даже после смерти, считал Эйнштейн.

В январе 1913 года сарапульская газета «Прикамская жизнь» писала: «Спектакль драматической студии «Девичник» можно было назвать торжеством юности, благоуханием молодости и белых платьев... В заглавной роли невесты Нагаши выступала Маргарита Воронцова. Изящное белое платье, грациозная фигура, живость и наивность институтки — всё это делало её интересной и выделяло из белого букета».

Как росла будущая Муза

Все дети адвоката Воронцова — три дочери и сын Рафаил — получили приличное дворянское воспитание: обучались хорошим манерам, музыке, танцам, а Маргарита подавала большие надежды в драматической студии. Девочка с детства практиковалась дома в языках, так как бабушка, швейцарская немка Мария Михель, практически не говорила по-русски. Мать, Маргарита Васильевна, отличная пианистка, владела французским и немецким и занималась с детьми. Помимо этого, возглавляла благотворительное общество. Сёстры окончили сарапульскую женскую гимназию — одну из лучших в России. Из нашей гимназии вышли не только писательницы и художницы, музыканты и педагоги, но и жен-

щины в погонах, служившие отечеству, подобно своей предшественнице, кавалерист-девице Надежде Дуровой.

Семья Воронцовых

Семья Воронцовых в Сарапуле была незаурядной. Отец, сын костромского мещанина, Иван Тимофеевич, имел такую тягу к знаниям, что пешком дошёл до учительского института в Казани. Затем четверть века учительствовал. Выйдя в отставку, сдал экзамены на присяжного поверенного. «Крестьянского» адвоката с окладистой бородой уважали как чиновники, так и простой люд. Иван Тимофеевич писал острые статьи и фельетоны в «Прикамскую жизнь», заботясь о развитии города. Он был грозой «золотой молодёжи», бездельников и казнокрадов в городской думе. Он нежно любил свою жену и назвал её именем старшую дочь.

После гимназии в 1913 году Маргарита поступила на курсы Полторацкой в Москве, затем на юридическое отделение университета. Она поселилась у знакомого отца, доктора Бунина на Поварской. В гражданскую — переехала в гостеприимный дом Шляпиных и купалась в обожании певца и его сына Бориса, который был младше её на восемь лет и был готов ради неё на всё. Маргарита подружилась с дочерью Шляпина Ириной и легко вошла в круг московской богемы. Фёдор Иванович, гастролируя, редко бывал в Москве. Приехав домой, он надевал шёлковый халат и красные туфли и распевал по утрам, затем читал газету, принесённую любимым бульдогом Булькой, обученным слугой-китайцем. Верными друзьями Шляпина были Рахманинов, Коровин и Горький. Шутки,

представления, домашние концерты у Шляпиных были необыкновенными. Вся эта богемная московская жизнь захватила девушку.

От матери она унаследовала изящество, артистизм, художественное чутьё, знание языков, от отца — ум, твёрдую волю и прагматизм. Вокруг прелестной расцветающей девушки разгорались нешуточные страсти. Она произвела чарующее впечатление не только на Шляпиных, но пленила Рахманинова, Блока, скульпторов Петра Бромиского и Сергея Конёнкова. Сорокалетний Конёнков, увидев её фото, влюбился: «Девушка на снимке была так прекрасна... Особенно прекрасен был поворот головы... и необыкновенно прекрасные руки с тонкими изящными пальцами. Таких рук я никогда не видел!». А Маргарита в чернобородом мастере увидела подобие отца. Когда она уехала на каникулы в Сарапул, влюбленный Конёнков ринулся за ней просить её руки у родителей, но получил отказ из-за большой разницы в возрасте. Вернувшись в Москву, он создал из дерева портрет девушки. Маргарита, увидев его, поняла, что роль Музы знаменитого ваятеля очень ей подходит. И стала его натурщицей, заботливой женой и другом до конца жизни.

Пластика работ скульптора изменилась. В мастерской появились изящные обнажённые женские фигуры, привлекавшие посетителей. Так началось полувекое служение Маргариты: позирование, приём гостей, переписка, устройство выставок, заказов.

◀ Магнолия, скульптура С. Конёнкова

Встреча с Эйнштейном

В 1935 году Конёнкову поступил заказ на серию портретов профессоров Принстонского университета, среди которых был и 56-летний Альберт Эйнштейн. Едва переступив порог конёнковской мастерской, Эйнштейн влюбился в обнажённую женскую скульптуру, но еще больше его поразил сам оригинал — обольстительная Маргарита. Сергей Тимофеевич требовал движения от своей модели, и во время сеанса жена, прекрасно знавшая английский, должна была разговаривать гостя. Учёный с удовольствием беседовал с Маргаритой, придумывая шуточные примеры теории относительности, и интерес в глазах молодой женщины окрылял его. Эйнштейн был женат второй раз, что не помешало ему пойти в атаку. Отказе влюбленному гению она не смогла. Маргарита знала многих талантливых и блестящих мужчин, но такого не встречала никогда. От этого человека с нимбом седых волос исходило поразительное сияние ума и чистоты. Когда его жена Эльза умерла, встречи влюблённых стали регулярными. Это был союз зрелых людей, желанных друг другу как физически, так и интеллектуально. Эйнштейн был счастлив. Он выпросил у знакомого врача Баки справку для мужа Конёнковой о мнимых болезнях любимой и так выманил её в курортное место на озеро Саранак в Адирондакских горах. Это были незабываемые дни для влюблённых. Их «гнездышко» получило название «Альмар» путем сложения их имен. Их встречи были наполнены беседами, прогулками на яхте, стихами и музыкой, которую Альберт исполнял на скрипке. Рядом были домашние питомцы — хозяйский эрдельтерьер,

Но богини обитали на Парнасе, а Маргарита мечтала о загранице. В Америку с выставкой направлялась советская делегация, куда уже был включен Конёнков. А как же она? И тут не обошлось без лукавого. Привлекательная образованная женщина со знанием языков и юриспруденции, Конёнкова стала находкой для спецслужб и оказалась в гуще политики. Так она стала агентом влияния «Лукас», которая должна была держать связь с резидентом ОГПУ в Америке Михайловым. Заметим, что за возможность многолетней обеспеченной и бурной жизни в США Маргарита дорого заплатит.

Гражданский брак с Конёнковым перерос в официальный, и Маргарита Ивановна тут же вошла в состав делегации в качестве переводчицы и освоилась в Нью-Йорке как рыба в воде. Её энергия была ключом: она устраивала светские приёмы, затмевая первых красавиц, заводила многочисленные полезные знакомства. Конёнковы поселились на 5-й авеню в Манхэттене. Их квартира была одновременно и мастерской, и гостиной, и художественным салоном. Тут всегда было лодно: приходили соотечественники — художники Бурлюк, Фешин, учёный Павлов, конструктор Сикорский, старые друзья Рахманинов и Шалапин, бывали чиновники и банкиры, общественные деятели. С каждым Маргарита умела найти общий язык. Скульптору посыпались заказы. Наталья Кончаловская писала о ней: «Тяжёлый узел золотых волос на прелестной голове, загадочный прищур глаз, светская деликатная улыбка, длинная сигарета в тонких пальцах с изумрудными ноготками. Она всегда следовала моде и была больше похожа на американку, чем на москвичку в Нью-Йорке».

ручные крыски Маргариты — Снежок, Крошка и Тучка. Сложился любовный треугольник, разбить который было не под силу никому из них. «Гравитация не может отвечать за тех, кого любовь сбивает с ног, — говорил Эйнштейн. — Политика сложнее физики».

Комитет помощи воюющей России

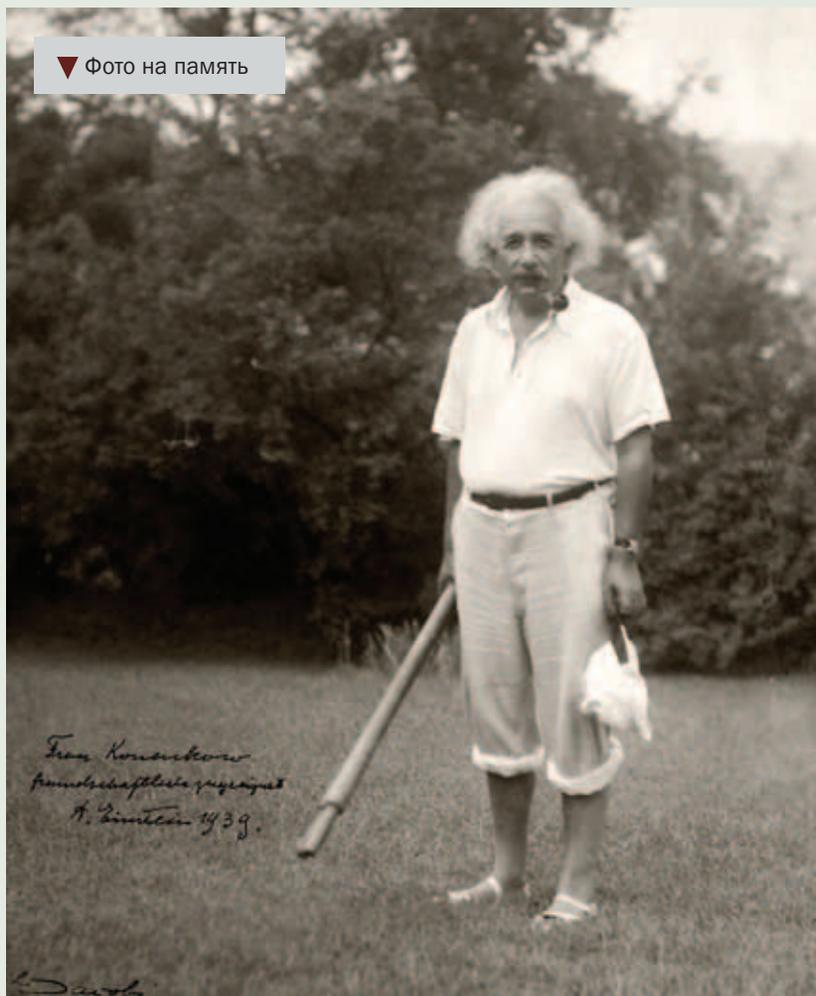
На одном из светских приемов в 1942 году Маргарита встретила и подружилась с соотечественницей Зарубиной — умной, красивой брюнеткой, свободно изъяснявшейся на шести языках. Елизавета Юльевна Зарубина-Розенцвейг была опытной советской разведчицей, давно работавшей с мужем в резидентуре ОГПУ за рубежом. Она помогла Маргарите создать патриотический комитет помощи воюющей России, председателем его назначили Конёнкова, секретарём — Маргариту Ивановну. Популярность Маргариты возросла, её портреты замалькали в газетах. Она стала вхожа в самые высокие круги общества, познакомилась с американскими влиятельными политиками и бизнесменами, сблизилась с женой Рузвельта Элеонорой и стала вхожа в Белый дом. Было открыто более 40 отделений комитета по всей Америке, где работали тысячи человек. В помощь родине были собраны миллионы долларов, отправлены тысячи посылок с продуктами, одеждой, мылом, медикаментами. Но Зарубина потребовала от Маргариты передавать резиденту разговоры учёных в доме Эйнштейна, сблизиться с «отцом ядерной бомбы», антифашистом Робертом Опенгеймером, который затем был завербован Зарубиными. Советским разведчикам был дан приказ выведать у разработчиков «Манхэттенского проекта» (МАП) секрет атомной бомбы и не допустить применения её в Германии. Задача была выполнена. Доносить о любимом

Эйнштейн и Маргарита в США, фото 40-х ▲
▲ С. Конёнков с супругой в Москве в конце 50-х
◀ Натурщица М. Воронцова

▼ Фото на память

▲ Портрет Маргариты Конёнковой. Художник Н. Фешин

«Любимейшая Маргарита! Тебе не вырваться из семейного круга. Это наше общее несчастье. Сквозь небо неотвратно и правдиво проглядывает наше будущее. Голова гудит как улей, обессилели сердце и руки. Приезжай ко мне в Принстон — тебя ожидает покой и отдых. Мы будем читать Толстого, а когда тебе надоеет, ты поднимешь на меня глаза, полные нежности, и я увижу в них отблеск Бога... Надеюсь, что ты найдешь на старой родине, к которой ты так сильно привязана, новую радостную жизнь».

«Старая родина» встретила их неласково. Они не узнали Москву, которая представляла резкий контраст с городами США. Прохожие косились на модные костюмы супругов. Коллеги бойкотировали чету за то, что те «отсиделись» за границей в войну. Маргарите пришлось обратиться к Берии за поддержкой. После этого Конёнкову дали мастерскую в центре Москвы, он получил хорошую пенсию, награды и звания, она — звезду героя соцтруда.

Эйнштейн ушел из жизни в 1955 году, отказавшись от операции по удалению аневризмы. Конёнков прожил 98 лет и был с почестями похоронен в 1971 году. Маргарита осталась одна во власти злобно-мстительной домработницы Олимпиады, которая обворовывала хозяйку и толком не кормила её. Маргарита умерла в 1980-м, потеряв интерес к жизни, и была похоронена рядом с мужем. В Сарапульской галерее «Дача Башенина» с 2008 года проходили выставки, посвященные Маргарите Конёнковой. Фото, письма, стихи, скульптура юной обнаженной девушки напоминают сегодня о судьбе прелестной «вятской жемчужины». **УС**

◀ Разведчица Е.Ю. Зарубина

«атомная бомба». «Я не знаю, каким оружием будут сражаться в Третьей мировой войне, но знаю, что в Четвертой мировой — палкой и камнями», — предрекал он. Он был влюблен в Маргариту, как в первый день знакомства: «В тебе — тайна. Вот уже десять лет ты каждую ночь другая, а я как восточный вельможа, обладатель большого гарема, состоящего из одной тебя».

В сентябре 1945 года разгорелся шпионский скандал: из Канады сбежал шифровальщик Гузенко с секретными шифрами. Нашим агентам грозило разоблачение. Начались аресты. Был арестован Опенгеймер и ряд других ученых. Попал в опалу и Эйнштейн. Срочно были отозваны на родину Зарубины, следом за ними — Конёнковы. Отъезд супругов был как бегство. По приказу Сталина для вывоза скульптур Конёнкова на родину был зафрахтован пароход «Смольный». Погрузку и выгрузку скульптур, а, возможно, и других экспонатов осуществляли военные. 1 ноября 1945 года Эйнштейн навсегда расстался с Маргаритой в порту Ситла. Вдогонку он писал:

претило Маргарите, но пути ОГПУ связывали её всё сильнее. Впрочем, Эйнштейн догадывался обо всем и относился к этому с юмором. Его не подпускали к МАП. Он был теоретик, а не практик, к тому же антифашист. Он сам перед войной написал письмо Рузвельту о необходимости исследования атома, пока немцы их не опередили. Поэтому мучился, считая себя причастным к открытию чудовища под названием

Хоровод традиций

Марийская вселенная

Евгений Базаров

Редактор раздела краеведения журнала «Уральский следопыт». Комиссар отряда «Товарищ» (философский факультет УрГУ, 86 г.).

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Мы знали, что марийские национальные костюмы очень красивы, особенно женские. Мы знали, что их песни напевны, а обряды необычны. Но нам ещё никогда не удавалось побывать внутри их вселенной.

И вот ранним осенним утром мы отправились в путь к центру марийских поселений Свердловской области — селам Тавры и Сарсы. Дорога в эти места очень живописна: свернув с московского тракта на Нижние Серги, мы оказываемся в уральской Швейцарии, где горки и долины с зелёными елями сменяются просторами артинских полей. За Арти нас уже поджидал марийский Манчаж, известный своим натуральным молочным производством. Через несколько десятков километров петляний за чистой Уфой мы увидели поворот на Юву и вскоре въехали в Сарсы. По пути, меж-

ду желтеющих полей, нам попадались башкирские и татарские названия деревень: Усть-Бугальш, Еманзельга и др. Река Тавра (марийское наим.) впадает в Ай (Луна — по-башкирски), которая несет свои воды в Уфу.

В Сарсах нас ждут. Мы въезжаем в село со стороны тракта и Мо-

настырской горы, у основания которой бьёт целебный родник. Преежаем мимо конторы, памятника трактору и машине, мимо садов и огородов, ухоженных домиков с национальным орнаментом на наличниках и останавливаемся у необычного дома, на ограде которого написано: Марий Порт! У меня возникла ассоциация, что именно отсюда нам удастся депортировать в иную реальность.

И мои ожидания оправдались. Войдя в дом, мы очутились в другом мире, где звенел колокольчик и читались молитвы на красивом гортанном языке. Обыденность дороги сменилась чудом встречи с иным. Нам приоткрыли окно во вселенную Мари. Гости замерли на пороге от неожиданности, а затем нас пригласили к столу, где зазвучали здравницы в честь выращенного своими руками ржаного

хлеба гостеприимных хозяев и добрых гостей. Лёд отчуждения «инокультур» быстро растаял, сменившись общим весельем, желанием слушать и петь. Залетали бабочки. Это Сарсаде Яллан, господа, вы не ошиблись!

На планете Сарсаде оказался писатель и певец, агроном и пчеловод, учитель и добрый человек. Нам не хотелось уходить, мы были дома, хотя впереди нас ждал мини-тур по сельским и лесным уголкам этой хлебосольной планеты: в настоящий полевой стан и пчеловодческое хозяйство на окраине леса. Культ природы, культ единения с землёй, лесом и травой стал нам мгновенно понятен и очевиден. На этой планете всегда было так, по крайней мере, со времён заселения этих чудных мест. Тавра, согласно легенде, — это отзвук прародины уральских мари.

Простившись с хлебосольными хозяевами, испив воды из родника под Горой, мы двинулись на Юву, где нас ждала Роза — хозяйка эксклюзивной коллекции национальных костюмов и кукол. Здесь же нас встретил разновозрастный национальный ансамбль. Свои костюмы, язык, песни и танцы — это инструменты сохранения особого и удивительного мира Мари! Мы подплясывали и подпевали, жалея, что не выучили хотя бы несколько строк на этом чудесном наречии. Мы обещали вернуться сюда. Дорога назад быстра и легка согревающими нас воспоминаниями о пережитом... **VG**

Кёр Сăри — Чувашский Oktoberfest

Чтобы увидеть самобытные традиции потомков поволжских булгар, необязательно ехать за тридевять земель в Чувашию. Достаточно посетить резиденцию их местной национально-культурной автономии в Екатеринбурге, что расположена в микрорайоне «Парковый». В идеале это лучше сделать в день их национального праздника, когда цвет диаспоры, чтущей традицию, собирается на общее завораживающее действо.

Команде «Уральского следопыта» повезло: в середине октября нас пригласили на праздник пива, вернее на «Праздник осеннего пива», что по-чувашски означает Кёр Сăри. Мы увидели обряд осеннего благодарения духам предков, которые всегда помогают трудолюбивому народу. Благодарили за новый урожай, за возможность испечь хлеб и пироги, испить свежего душистого пива. Оказывается, пиво — национальный чувашский напиток, кото-

рый варится ими по особой технологии уже более двух тысяч лет. Скромность, радушие, гостеприимство — национальные черты чувашей. Мы увидели выступление фольклорного коллектива «ЕНТЕШ» с зажигательными и проникновенными песнями. Лишь позднее мы узнали, что руководителем коллектива является известная солистка нашего оперного театра Наталья Макеева (опера «Царица ночи»).

Яркие национальные костюмы, орнамент вышивки, являющий символы дома, рода, семьи и благополучия, обряды и песни, — все это создавало атмосферу доверия и радости от встречи с замечательными людьми. Пиво лишь добавляло нотку тепла и взаимопонимания. Нам обязательно нужно вернуться сюда снова, чтобы побывать на очередном празднике и больше узнать об особенностях мироощущения этого звонкого и светлого народа. **УС**

Уральская Молдова

Молдавская культура всегда ассоциировалась у нас с весельем, южным теплом, виноделием и достатком. Для более близкого знакомства с ней нам не потребовалось лететь в Кишинёв. Нам посоветовали побывать в деревне Соколова на северо-востоке Свердловской области, где уже давно обосновалась семья Кожокарей.

Нас уверили, что здесь живут настоящие молдаване, сохранившие лучшие традиции своего народа. И мы не обманулись в ожиданиях. Дорога до местной молдавской дестинации занимает менее трех часов. Мы выехали около восьми часов утра в сторону Алапаевска, проехали Реж, санаторий «Самоцвет», Арамашево и свернули на Коптелово, не доезжая до Алапаевска. Эти места чудесны сами по себе: здесь начинаются пахотные земли, освоенные нашими предками еще в первой половине XVII века. В окрестностях старинного села Невьянское (1621) река Реж соединилась с Невой и дальше понесла свои воды в сторону Ирбита под именем Ница. «Где ты поселился семьей?» — спрашивали сородичи в далеком 1989 году молодого и решительного Георгия. «Около Ницы», — отвечал он с достоинством. Эта красивая река протекает у их виноградной «плантации», лаская глаз. Жора показал свои владения, где они выращивают арбузы и виноград. Пять лет ушло на то, чтобы «договориться» с виноградной лозой расти в грунте при суровом уральском климате, не закрываясь на зиму.

Уворот опрятного домика с хлебом-солью в руках гостей встречала улыбающаяся пара в ярких национальных костюмах. Большой крытый двор, вин-

ный погреб под крышей, столы и лавки — похоже, «октоберфест» и не думал заканчиваться. Нас пригласили в дом. Стол был уставлен национальными блюдами, вид которых взывал и манил. Хлеб из кукурузы, пироги с творогом и картошкой, блюда из баклажанов, мясные, рыбные блюда с удивительными соусами. Молдавская кухня обильна и разнообразна, изысканна и немыслима без бокала вина. Виноделие — это сердце молдавской культуры. Каждая семья здесь считает своим долгом растить виноград, делать и хранить вино.

Известно, что самый длинный погреб в мире расположен в Молдавии (более 200 км). И немудрено, ведь даже обычная средняя молдавская семья желает иметь в своих запасниках несколько бочек вина. Жора с Александрой, например, заготовили его в этом году более трех тонн (!). Вино делается вручную из молдавских сортов винограда.

Самым ценным (целебным) считается «Каберне». Что вам сказать? О вкусе не расскажешь. Настоящий гастрономический тур с дегустацией вин из лучших сортов винограда состоялся. Радушные хозяев просто зашкаливали. Выйдя из-за стола, мы примерили национальные костюмы, и уже трудно было отличить аутентичных носителей культуры от гостей. Все стало родными и близкими.

Обследовав винный погреб, устройство для получения виноградного жмыха, мы вышли на «плантации». За ними действительно была чудесная, почти южная Ницца. Жечь костер, слушать речи добрых и близких людей, смотреть на течение реки. Тепло и радость в душе надолго — следствие встречи с молдавской традицией, что может быть ценнее!? Посетив часовню недалеко от дома, мы двинулись в обратный путь, проехав через Нижнюю Синячиху и Алапаевск. **УС**

◀ Самые красивые наличники на улице Береговой. На этом старинном доме мы видим белые резные наличники, окаймляющие окна. Сверху и по бокам ажурный орнамент включает в себя солнце — символ богатства, радости и хорошей судьбы. Хозяева очень любят свой дом и украшают его, каждый год добавляют новые красочные детали

По Береговой гуляли, наличниками любовались

2022 год объявлен Годом народной культуры России. Заявленное направление даёт возможность погрузиться в атмосферу народного творчества, найти в современной жизни приметы старинного уклада жизни, посмотреть на местные ремесла и промыслы с новой стороны.

Вот и мы, школьная редакция «Переплёт», решили не ходить далеко за открытиями, а отыскать традиции народной культуры у себя под боком, а именно — прогуляться по улице Береговой уральского села Лая Свердловской области и посмотреть на старые деревенские дома. Идея возникла спонтанно: обсуждали в зуме, как раскрыть тему культурного наследия в школьной газете, планировали съездить в этнографический музей под открытым небом. Но дистант и запрет на посещение сыграли свою роль. Вдруг одна девочка отправляет в «беседу» фотографию: «А посмотрите, какой дом красивый напротив нашего?!»

Субботним днём, ближе к полдню, когда солнце вовсю уже гуляло по небесному полю, мы отправились на экскурсию. Улица Береговая в селе Лая — одна из самых старых и длинных. Она то тянется вдоль речки Лайка, то взбирается в горку. Нестабильная, не такая, как все! Что удивительно, именно на этой улице много старых, но ухоженных домов. Стены и окна во многих домах сохранили первозданную красоту. Как у дома когда-то прорубили окна, как украсили наличниками, так и стоят они с этими своими «глазами». Нынешние хозяева лишь поддерживают дом и окна в порядке.

Старые деревенские дома, палисадники, сирени да рябины, клумбы уга-

дывались под сугробами. А окна как горели на солнце, играя разной формой и цветом наличников! Наличник — слово деревенское, к дому привязанное. Украшение, которое находится на «личине» дома. Задумывался наличник как способ утепления дома, чтоб тепло из избы не выходило, а мороз сквозь щели между стеной и рубленным окном в дом не проникал. Но! Люди всегда одушевляют и украшают то, что находится рядом с ними, что окружает, радует глаз, отвлекает от работы.

Каких только узоров, геометрических фигур, орнаментов и символов мы не увидели на фасадах домов: волнистые линии, изображающие воду, ромбы и прямоугольники, квадраты и круги, фестоны, серёжки, башенки, знаки солнца (посолонь) как обереги жилища и символы плодородия.

Были и наличники с так называемым навершием, как будто с полкой. Были и окна особенно красивые, глаз

▶ Затворки ярко-оранжевых наличников окна этого дома украшены геометрическим орнаментом, состоящим из ритмически построенных прямоугольников. На навершиях, или кокошниках, мы видим белые ромбики с точками внутри — символ плодородия

Екатерина Степанова

Ученица 7 класса, редакция газеты «Переплёт», МАОУ СОШ № 24, пгт. Горноуральский, Свердловской области.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Фото Анны Ковалёвой
и Михаила Кочеткова

► Если посмотреть на наличник, сразу бросается в глаза полукруг. Поскольку наши предки делили сутки на светлое и тёмное время суток, этот полукруг показывает дневное время. Есть круги с точечками внутри, которые обозначают семена

◀ Многие наличники имеют геометрические фигуры: ромб, прямоугольник, круг, квадрат. Это было простым украшением, его можно было вырубить даже топором. Все фигуры несли определенный смысл. Например, ромб обозначал смену времён года, восход и заход солнца

▼ Напротив меня есть зелёный дом с интересными наличниками. Орнамент голубая цепочка, тюльпанчики сверху и снизу наличника, а наверху, или кокошнике, ромбики с точками внутри — символ плодородия

▲ Самый первый дом мне попался с очень старыми наличниками. Это были окна с двухстворчатыми ставнями. Домик самый старый на улице. И, как рассказывают старожилы улицы, первоначально все дома строились с такими ставнями. Лишь потом стали появляться наличники с деревянной резьбой

не отвести: растительные орнаменты, узоры, напоминающие лебединые шеи, змеек и лепестки цветов. На одном наличнике нашли даже миленьких зайчиков. Предположили, что у мастера дети маленькие были, вырезал для них.

Разговаривали с редкими жителями (на камеру говорить не соглашались), но о наличниках рассказывали с удовольствием. На вопрос, почему окна не меняете на новые современные, отвечали, что такие нравятся больше, чтут родительские дома, сохраняют традиции. Первые наличники были не с узорами, вырезанными из дерева, а со ставнями одно- или двухстворчатыми.

Какие наличники мы увидели? Рассказывает **Катя Степанова**, юная жительница улицы:

— Напротив меня есть зелёный дом с интересными наличниками. Орнамент в виде голубой цепочки, цветы в виде тюльпанчиков сверху наличника и снизу, а наверху (или кокошнике) есть ромбики с точками внутри. Это был знак плодородия (об этом прочитала в Интернете).

Бело-голубые наличники

Увидела на моей улице бело-голубые наличники. На них узоры ром-

бики, прямоугольнички, серёжки. Такой узор было проще выдолбить, потому что вырубался топором. А длина «сережён» указывала на гостеприимство хозяев.

С семенами и полукругом

На этом наличнике бросается в глаза полукруг. Наши предки делили сутки на светлое и тёмное время, этот полукруг показывает дневное время. Есть круги с точечками внутри, они обозначали семена — знак плодородия.

Наличники с балясинами

Этот дом окрашен яркими красками. Лишь у него одного есть на наличниках балясины и цветочки. Видно, что мастер с любовью и мастерством выгачивал эти детальки, которые украшают наличник. Чего тут только нет! Завитушки, напоминающие лебединые шеи, либо змеек, либо лепестки цветов. Змейки считались оберегом дома, защищали дом от грызунов. По бокам наличников — балясины — фигурные столбики. И красиво, и есть ощущение, что поддерживают окно, делают его устойчивым к непогоде. Вверху дома — деревянные подзоры в несколько рядов. А на торцах бревен сруба — резные деревянные узоры. Любит хозяин свой дом!

Самые красивые

На этом старом доме мы видим белые резные наличники, окаймляющие окна. Сверху и по бокам ажурный орнамент включает в себя изображение солнца, что символизирует богатство, радость и хорошую судьбу. Хозяин дома (дядя Серёжа Лисенко) вместе с женой каждый год крашат, ремонтируют дом, делают его краше и краше. И обрамление окон, и забор, и фронтон (причелье) дома — всё говорит о любви к красоте и уюту. Не все дома на улице Береговой украшены наличниками, есть и другие, обшитые современными материалами, без оригинальности. Но кому что нравится! Есть и такие, что в центре пластиковое окно, а по бокам всё-таки есть деревянное кружево. Есть купленное в магазине, декор, а есть и выполненное индивидуально.

Зима и сугробы, а также палисадники не давали нам подойти ближе к дому и рассмотреть наличники в деталях. Фотографировали на расстоянии нескольких метров вместе с веточками и листочками, иногда под углом, что было неудобно. К некоторым строениям даже тропинки не было, та-

► Наличники с балясинами. На улице есть самый красивый дом. Он один покрашен в яркие краски. Лишь у него одного есть на наличниках балясины и цветочки

▶ Даже пластиковые окна неплохо сочетаются с фигурными наличниками. Символы в виде ромбов и квадратов имеют значение земли, и хотя знаки аграрной символики самые простые, они самые распространённые и в наше время

◀ Окна с бело-голубыми наличниками. Увидела на моей улице бело-голубые наличники. На них узоры ромбики, прямоугольнички, серёжки

Нынешний год посвящен культурному наследию народов России. Мы выполняем миссию года, считаем, что наличники на окнах улицы Береговой села Лая можно считать местной достопримечательностью, народной культурой. Говорят, что на этой улице, в самом её начале, жил и творил мастер по окошккам и вообще резьбе по дереву. И это будет другая наша история. **✎**

◀ Красота наличников этого дома привлекает, заставляя обратить на них свой взор. Подобно глазам — зеркалам души, окна, обрамлённые наличниками, позволяют не просто взглянуть на здание, а окунуться в самые глубины этого дома. Волнообразные узоры в верхней и нижней части наличника, бегущие ручейки по его полочкам — это всё знаки воды, дарующей жизнь. По бокам резные узоры обозначают паханое поле и прорастающие почки листвы

кой дом используется как дача, а значит, только летом.

Что еще удивило? Одинаковых наличников не увидели. Все разные: и по фигурам-узорам, и по цвету. Наверное, сказывается происхождение самого села Лая: село обязано появлением Акинфию Демидову, а именно, двум железодельным заводам, возникшим на реке Лайка в XVIII веке. И первые поселенцы были из разных мест: выходцы с реки Керженец из Нижегородской области, переселенцы из Черниговской губернии, Алексеевской вотчины. Отсюда своеобразные дома и их украшения. Уральские наличники вобрали в себя множество традиций русских окон. Домов в селе, сохранившихся в неприкосновенности, конечно, не так много. И становится ещё меньше. Именно поэтому стоит изучать, фотографировать и описывать деревянный убор окна.

Аня Ковалева:

— Я живу в квартире. Вчера, когда мы ходили по Лае, мне жизнь в деревне показалась более интерес-

www.uralstalker.com

СПОРТИВНЫЙ ЦЕНТР Верх-Исетский

**ОТКРЫТ
НАБОР
В ДЕТСКИЕ
СЕКЦИИ**

БАССЕЙНЫ

ФИТНЕС-КЛУБ

СПОРТЗАЛЫ

УЛ.КИРОВА, 71

WWW.VIZSPORT.RU

Фактический воротила

После гражданской войны почти все заводы Урала требовали восстановления. Для анализа ситуации был создан специальный региональный управляющий орган «Уралпромбюро».

В его задачи входила и разработка проекта модернизации промышленности региона. Руководителем бюро был назначен Виталий Алексеевич Гассельблат, имеющий дореволюционный опыт руководства уральскими предприятиями.

Большевики понимали значение тяжёлой промышленности для развития и обороны страны. Без грамотных технических специалистов здесь было не обойтись. Уже в феврале 1919 года Гассельблат был назначен старшим инженером-металлургом особой Металлургической секции в Москве при Отделе металла Высшего Совета Народного Хозяйства РСФСР (ВСХН). Начались работы по составлению перспективных программ реорганизации и развития металлургических заводов Урала и других районов страны. В июле этого же года он был командирован в Екатеринбург в особую комиссию по восстановлению уральской промышленности и назначен главным инженером-консультантом бюро Отдела металла ВСНХ на Урале.

Началось детальное обследование заводов региона в Кыштыме, Сысерти,

Ревде, Шайтанке (Первоуральск), Калате (Кировград) и других.

Результаты обследования озвучивались им в докладах и публикациях в специальных изданиях. Ситуация была критическая. Например, на Верх-Исетском заводе, который был национализирован в 1917 году, производство резко упало. В середине 1919 г. завод стоял, оборудование почти всё было растащено, директор – бывший машинист паровоза Николай Давыдов и инженер Федор Андрианов пытались восстановить завод. Рабочие на заводе изготавливали из заводского металла посуду, вилы, топоры, грабли, зажигалки и обменивали на продукты в ближайших деревнях. В июне 1921 года была остановлена доменная печь на Северском заводе. Некоторое время Полевской завод проработал на имеющихся запасах чугуна. Затем был тоже остановлен и закрыт на длительную консервацию... В период с июня по октябрь 1921 г. на Урале не работало ни одной доменной печи, ни одного мартена и ни одного прокатного стана.

Вновь запускаемые металлургические заводы все еще работали по старой технологии, используя в качестве

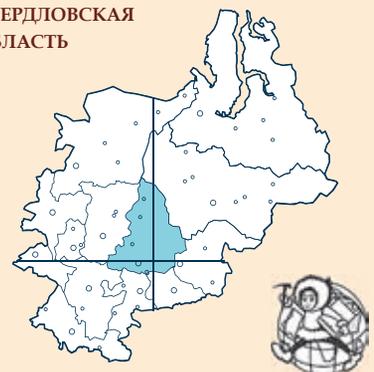
▲ Виталий Алексеевич Гассельблат

Борис Гассельблат

Учредитель и руководитель ООО «Екатеринбургская Проектно-Строительная Компания». Учился в УПИ на факультете «Технология машиностроения», лауреат Национальной премии «Признание».

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

▶ Аксель Эмиль Гассельблат, управляющий Белорецкого горного округа (Башкирия)

◀ Мандат ВСНХ

▲ Виталий с сестрами и братом.
Уфа, 1909 г.

топлива древесный уголь для плавки. Для производства нескольких тонн чугуна требовалась переработка сырья значительной территории лесных угодий. Это удорожало продукцию и замедляло процесс выплавки чугуна. Развитие уральской металлургии в тот период сдерживала медленная оборачиваемость оборотных средств. Медленность оборота средств обуславливалась самой технологией древесно-угольной металлургии. Заготовка леса, углежжение, транспорт – всё это задерживало средства на 1,5 года. Поэтому для Ураль-

ской металлургии очень важным вопросом стал переход с древесного угля на кокс. Гассельблат выступал в Москве с подробными аналитическими докладами по самым важным вопросам. Ленин интересовался этой работой. Характеризуя уральских специалистов в письме-записке руководителю Госплана Глебу Максимовичу Кржижановскому, он назвал Гассельблата «фактическим воротилой из Промбюро».

К концу 1923 года Уральская промышленность вышла из разрухи. Уралпромбюро ВСНХ было реорганизовано в Уральский Областной Совет Народного Хозяйства (УОСНХ). В.А. Гассельблат был введен членом Президиума УОСНХ, он развернул кипучую деятельность по крупному подъему промышленности Урала, под его руководством проводится точный учет всех ресурсов региона и разрабатывается предположение о строительстве крупных металлургических заводов на горе Магнитной и в Нижнем Тагиле или Кушве. Вся первая половина 1924 года была посвящена работам по внедрению доменной плавки на новом минеральном горючем. Первая доменная печь на сибирском коксе была «задута» 14 июня 1924 года на Нижне-Салдинском заводе, был получен первый коксовый чугун на Урале. Эта дата является для Урала исторической: отныне перед Уралом встают широкие перспективы использования его мощных месторождений богатой железной руды. Первая коксовая плавка на Урале считается началом создания новой уральской металлургии. Это был прорыв!

Заслуги уральского руководителя были оценены в Москве. В июне 1924 года он был назначен членом Правления Главного управления металлургической промышленности СССР (Главметалл). А в июле этого же года Гассельблат уже делал личный доклад Председателю ВСНХ СССР о со-

▲ Строительство завода в дореволюционной России (Ю. Урал). Углежоги

стоянии уральской промышленности. После смерти Ленина этот пост занимал «железный Феликс» (Ф.Э. Дзержинский).

Через полгода Гассельблат был командирован в Европу для знакомства с ведущими металлургическими и металлообрабатывающими заводами Германии, Англии, Чехословакии и Швеции от имени Президиума ВСНХ СССР и Уралоблсовнархоза. Кроме осмотра предприятий, он должен был выбрать лучшую систему рудообогатительной фабрики и аглофабрики (по переработке железной руды в агломерат для выплавки чугуна). Необходимо было договориться об их заказе, проектировке и установке у нас на Гороблагодатском руднике (г. Кушва). Он посетил более пятидесяти ведущих предприятий Европы. Отличное знание английского, немецкого и шведского языков облегчало ему общение со специалистами, изучение предприятий и формирование заказа двум шведским фирмам на поставки оборудования для фабрики магнитного обогащения и агломерации железных руд горы Благодати на Урале.

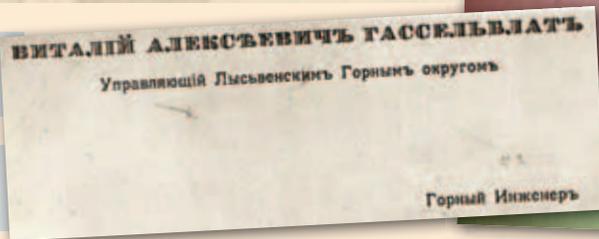
Естественно, что в Швеции ему легче всего было найти общий язык со специалистами и бизнесменами, так как он имел шведские корни. Его дед, швед Эмиль Фридрих Гассельблат (Hasselblat P. F. Emil), работал военным врачом с 1856 года в Вы-

▲ Виталий Гассельблат с женой Марией Дмитриевной. Уфа, 1906 г.

► Визитка Управляющего Лысьвенским горным округом

ПОСТАНОВЛЕНИЯ
5-й СЕССИИ
ТЕХНИЧЕСКОГО СОВЕТА
ГИПРОМЕЗА

14—17 АПРЕЛЯ 1928 ГОДА

ИЗДАНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ПО ПРОЕКТИРОВАНИЮ
НОВЫХ МЕТАЛЛОЗАВОДОВ
ЛЕНИНГРАД — 1928

▲ Издание Гипромеза (Государственного института по проектированию новых металлургических заводов)

борге, где за добросовестную службу был награжден орденом Святого Владимира IV степени, давшее право на возведение в дворянское достоинство Российской Империи, которое за него оформил его сын Аксель. Отец Аксель Эмиль Гассельблат уже стал российским подданным и был известным горным инженером на Южном Урале (с 1872 года на Тирлянском металлургическом заводе). Он женился на русской мещанке из Уфы Екатерине Чаушанской. Здесь, на реке Тирлян (бассейн р. Белой), в семье управляющего Белорецкого горного округа в марте 1879 года родился будущий «фактический воротила» и проектировщик новой уральской металлургии. Виталий Гассельблат закончил горный институт в Санкт-Петербурге, женился на молодой гимназистке из Уфы и начал работать с 1912 года сменным инженером на казенном металлургическом заводе в городе Сатка (Ю. Урал). Спустя год он уже был назначен управляющим этого завода, где по его проекту была построена эллипсоидная доменная печь на древесном угле. В 1916 году он был приглашен управляющим акционерного общества «Лысьвенский Горный Округ Наследников графа П.П. Шувалова» в Лысьву. Здесь он встретил

и 1917 год, когда новое «рабочее» руководство завода попросило его не покидать предприятие.

Так развивалась стремительная карьера нового «красного инженера» Урала. Судьбой было отмерено ему всего 12 лет активной профессиональной и творческой деятельности в новых условиях. Он отлично адаптировался к ним, не жалея о потерянной прислуге или конном экипаже, выделяемым ему горным управлением по старому договору (письму-приглашению). Результатом его работы стали проекты модернизации старых заводов и уникальные проекты новых, в том числе заводов-гигантов: Уралмашзавода, Вагоностроительного завода (Н. Тагил) и знаменитой Магнитки. Под его руководством велись проектные работы, обосновывалась необходимость их размещения именно на Урале, планировалось финансирование и внедрение.

В августе 1925 года было создано Уральское бюро по проектированию новых заводов и модернизации действующих — «Уралпроектбюро», главным инженером которого был

► Семья Гассельблат в Лысьве. Фото 1916 г.

▲ Символы Магнитки (из экспозиции заводского музея в городе Магнитогорске)

▶ Макет из экспозиции заводского музея в Магнитогорске

назначен Виталий Алексеевич Гассельблат. Если в 1920/21 годах объем промышленности Урала составлял 12% от уровня 1913 года, то в 1925/26 – уже 93%. В ноябре этого же года на основании его доклада Президиум Уральского Областного Совета Народного Хозяйства принял постановление о проектировании новых заводов на Урале: Магнитогорского металлургического, Уральского машиностроительного и Уральского вагоностроительного в Тагиле.

Для успешного выполнения этих задач требовалась координация усилий во всеююзном масштабе. Гассельблат сразу же поставил вопрос необходимости Верховного Всесоюзного Органа по проектированию новых заводов. По его предложению в феврале 1926 года был образован Всесоюзный орган Главметалла ВСНХ – Государственный институт по проектированию новых металлостроительных – Гипромез в городе Ленинграде. Уралпроектбюро с 1926 года получило статус филиала Всесоюзного Гипромеза и стало называться Уралгипромезом... В январе 1928 года в Деловом клубе (ныне здание филармо-

нии) в присутствии более ста уральских инженеров состоялся доклад главного инженера Уралгипромеза В.А. Гассельבלата о проекте Уральского машиностроительного завода.

Проект Уральского машиностроительного завода, включающий новую социальную инфраструктуру, разработанный Уралгипромезом, был рассмотрен в главном институте и 2 июня 1928 года утвержден начальником Главметалла ВСНХ СССР. Так было дано начало проекту создания Уралмашзавода, который в ходе реализации и внедрения увеличивал проектируемые мощности завода в несколько раз. В это же время Уралгипромез переходит к проектированию Нижне-Тагильского вагоностроительного завода

с ежегодным выпуском 12000 штук большегрузных вагонов и Магнитогорского металлургического завода с выплавкой чугуна в 40 млн тонн. В Деловом клубе города была организована выставка проекта Магнитогорского металлургического завода, с которой мог ознакомиться любой желающий. Проект завода состоял из 270 чертежей и диаграмм. Для составления проекта была изучена и использована новейшая на то время механика на лучших заводах Европы и Америки.

Крупнейшее месторождение железных руд на горе Магнитной было открыто еще в середине XVIII века. Особенностью крупнейшего месторождения было то, что добыча руды была возможна открытым способом. Окрестности горы Магнитной также были богаты другими полезными ископаемыми, необходимыми для строительства завода и производства: месторождениями известняка, доломитов, белой огнеупорной глины, красной глины и песка. Ежегодная выплавка чугуна по проекту составляла 656000 тонн, с возможностью

№ по пор. 35		№ инвент. 489	
1. Фамилия <u>Гассельблат</u>			
2. Имя <u>Виталий</u>		3. Отчество <u>Алексеевич</u>	
4. Пол <u>М</u>			
5. От какой Союз. нар. респ. обл. губ. нар. или организации <u>СССР, Уралгипромез</u>			
6. Возраст <u>50 лет</u>		7. Национальность <u>Русский</u>	
8. Образование <u>Высшее</u>			
9. Партийность в ства. <u>Безпартийный</u>			
10. Сигналы поощрения <u>Изнамен. награжден</u>			
11. Звание или квалификация <u>Главный инженер и зав. Магнитострой</u>			
12. Учреждение, предприятие, в котором работает <u>Магнитострой</u>			
13. В составе каких комитетов ЦК состоит ранее членом <u>высказан</u>			
14. В ЦК какой Союзной нар. респ. состоит членом <u>высказан</u>			
15. Почтовый адрес <u>Свердловск. Зн. Большевикого 8 кв. 5.</u>			
Дата заполнения анкеты <u>25 июля 1929</u>		Подпись <u>Вит. Гассельблат</u>	

▶ Мандат от Магнитостроя

► Группа инженеров на заводе в США

увеличения мощностей. Для производства готовой продукции завода планировалось использование неиспользуемых запасов кузнечных коксующихся углей. Планировался запуск четырёх доменных печей американского типа (дающих по 600 тонн чугуна в сутки), создание сталеплавильных цехов, мартеновского и прокатного цехов, включая вспомогательные. Всего на заводе устанавливается 1150 моторов и 200 моторов на руднике. Общая длина железнодорожных путей на заводе составит 93 км... Планируется 5977 рабочих и 1137 служащих, предусматривается высокая механизация, охрана труда, столовая, раздевалки, души, умывальники, предусматриваются между цехами тоннели. Искусственные насаждения. Поселок запроектирован по типу города-сада с канализацией и водопроводом на население до 20 000 чел. Построечная стоимость завода по первому варианту проекта составляла 124 370 000 рублей. 15 января 1929 года Совнарком СССР рассмотрел проект и утвердил по докладу т. Гассельблата решение о постройке Магнитогорского завода. Срок выпуска металла был назначен на 1 октября 1932 года. В июне 1929 года была построена железная дорога Каргалы — Магнитогорск протяжённостью 145 км. Развернулось бурное строительство Магнитостроя.

С этого же времени Гассельблат был назначен главным инженером и заместителем начальника Магнитостроя. Тогда же было принято решение на самом высоком уровне о приглашении иностранных специалистов

для использования заграничного опыта в проектировании и строительстве крупных металлургических заводов. С этой целью в начале 1930 года Гассельблат с группой инженеров командирован в Америку и Германию для окончательного решения некоторых проектных вопросов и закупки оборудования, в основном блюминга и другого, у фирмы Артур Мак-ки (США) и оборудования для Кузнечного металлургического завода у фирмы Френ в Германии. В Америке Гассельблат находился с 28 февраля по 1 августа 1930 года. Все задания командировки были выполнены.

В. А. Гассельблат вернулся на Урал в октябре 1930 года. В начале ноября его вызвали в Москву, где он был арестован по навету об участии в деятельности «контрреволюционной» Промпартии. Фабула обвинения так называемой Уралпромпартии во вредительстве была проста: используя служебное положение, вредили на своих постах по заданию врагов СССР. Перечень же «нанесенного вреда» занимал несколько стра-

ниц и захватывал обширную географию Урала. В августе 1931 года бывший главный инженер Магнитостроя был приговорен к расстрелу с заменой заключением в концлагерь сроком на 10 лет, где и умер в поселке Чибью (около Ухты на притоке Печоры) в январе 1932 года на 53-м году жизни.

Сохранились письма жене (по адресу Свердловск, ул. Малышева, 58) из заключения, а затем с этапирования через Усть-Ижму до концлагеря на реке Ухта. Сохранился дневник, где он отмечал маршрут передвижения, включая карту побережья Ледовитого океана, Печорской губы и лагерных посёлков по пути следования. Сохранилась и записка жене, чудом доставленная ей в конце 1930 года, где он просит не верить показаниям, данным им под известным ей давлением и психозом... В конце 1930 года были записаны показания Гассельблата, где он «признавал» вину. В самом начале ноября этого же года ему удалось передать Марии Дмитриевне записку, где он объяснял ей, что «никогда сознательно не вредил, ни в каких организациях не был, что все мои показания и показания против меня результат психоза, который ты поймешь».

Еще в советское время, в 1978 году, в Союзе металлургов поднимался вопрос об увековечении памяти выдающегося специалиста Виталия Гассельблата. В 1991 году он был полностью реабилитирован постановлением прокуратуры Свердловской области. Сегодня лишь в заводских музеях хранится память об этом замечательном специалисте. Наследие этого талантливого человека, так много создавшего для славы индустриального Урала, далеко не изучено. Память о нем не должна предать забвению...

◀ Письмо жене по адресу ул. Малышева, 58

«ПроЛес»

На II Форуме школьных лесничеств Урала «ПроЛес» лучшими стали ребята из Югры и Челябинской области

Примечательно, что такая ситуация сохраняется второй год подряд. Но обо всем по порядку.

30 сентября завершился Форум школьных лесничеств Урала «ПроЛЕС». Второй год он проходит на базе Уральского государственного лесотехнического университета при поддержке практически всех лесных ведомств УрФО, среди которых Департамент лесного хозяйства по Уральскому федеральному округу, органы управления лесным хозяйством субъектов УФО, Рослесинфорг, Рослесозащита, Уральская база авиационной охраны лесов и другие.

В этом году за право стать лучшими соревновались 9 команд школьных лесничеств: одна из ХМАО-Югры, по две из Челябинской области и ЯНАО и четыре из Свердловской области. К сожалению, на Форум не смогли приехать ребята из Курганской и Тюменской областей (их ждали с нетерпением, потому что в этих регионах очень сильные школьные лесничества, которые зани-

мают призовые места в различных всероссийских конкурсах).

Ребята соревновались в 12 номинациях, по результатам которых проводился общекомандный зачёт. Конкурс приветствий, фотографий, агитбригад, капитанов «Лесные эрудиты», «Зоология», «Дендрология», «Ботаника», «Защита леса», «Таксация», «Лесоведение», «Лесное семеноводство», «Экологический биатлон»... Но Форум — это не только соревнование и определение победителей — в первую очередь это возможность узнать что-то новое. Большая образовательная программа включала занятия по широкому спектру лесных дисциплин от преподавателей УГЛТУ и мастер-классы от организационных партнеров. Безусловно, благодарности получили и все руководители школьных лесничеств, которые готовили команды к соревнованиям.

Организаторы отметили, что уровень подготовки ребят значительно вырос. Зуфар Нагимов, директор Института леса и природопользования УГЛТУ, не сдерживая эмоций, отметил одну хрупкую челябинскую девушку, которая обошла всех на голову по таксации — «она отвечала на вопросы как студентка-отличница профильного направления».

В итоге первое место в общекомандном зачете Форума школьных лесничеств Урала «ПРОЛЕС» заняло школьное лесничество «Бурундучок» из Нижневартовска, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра. В прошлом году на аналогичном окружном Форуме они тоже были лидерами общего зачёта. Второе и третье места достались ребятам из Челябинской области: школьному лесничеству «Орден Феникса» из Миасса и команде «Лесной дозор» из села Миасское (в прошлом году второе и третье места также забрали челябинские юные лесничие, только это были другие команды — из Копейской школы и Сосновского района). **ES**

Анатолий КАПРАЛОВ.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**Михаил Бокачев**

Родился в 1952 году в Магаданской области; окончил Уральский государственный университет; работал егерем опытного хозяйства «Малый Исток». Работал с 2000 г. заместителем министра природных ресурсов Свердловской области, директором Департамента по охране животного мира.

Канюк

Если вы бывали в лесу, то наверняка на больших полянах или кромках полей слышали громкий, протяжный крик: «кьяаааа, кьяаааа».

Подняв голову, вы могли увидеть кружащего над полями хищника, который подолгу может парить, не махая крыльями.

Часто этого хищника называют ястребом. Это верно только отчасти. Эта птица входит в семейство ястребиных и род ястребов, но это не ястреб, а канюк, справедливо так названный за свой гнусавый крик. Другое его название — сарыч.

Канюк — хищная птица средних размеров, он заметно крупнее вороны. Его вес от 550 до 1300 грамм, размах крыльев может достигать 100-130 см. При этом самки у них крупнее самцов.

Весной птицы прилетают к местам гнездования обычно поодиночке либо парами, иногда в составе небольших групп. Пары формируются во второй половине весны и обычно быва-

ют постоянными. Гнездовой участок канюки используют много лет, зачастую, если их не беспокоят, занимают одно и то же гнездо. Чаще всего канюки строят свои жилища на хвойных или лиственных деревьях неподалеку от ствола на сравнительно большой высоте. Обычно гнездо располагается в развилке из утолщенных веток. Основание гнезда делается из толстых прутьев, дно укладывается шерстью, перьями и мхом.

Самка и самец строительством нового гнезда либо обустройством старого занимаются совместно. Самка обычно откладывает три-четыре яйца бледно-зеленого цвета с вкраплениями бурых пятен. Самка занимается на-

◀ Канюк в полете

▲ Самка канюка на гнезде

▲ Молодой канюк пробует крылья

▲ Птенец канюка

сизживанием, а самец — поиском пропитания для своей половинки. Но, по-видимому, иногда и самец может принимать участие в насиживании. Самка начинает насиживание с первого отложенного яйца, поэтому птенцы бывают разновозрастными. Это является важным приспособлением. В годы бескормицы, когда мышевидных грызунов (основного корма канюков) бывает мало, выживают первые, более крупные и сильные птенцы, а не гибнет весь выводок. Высиживание яиц протекает на протяжении примерно пяти недель, после чего на свет появляются птенцы с пухом беловато-серого цвета. Кормят птенцов и самец и самка совместно до тех пор, пока те не будут в состоя-

нии летать. В конце лета молодняк полностью крепчает и покидает родительское гнездо. Если по какой-либо причине первый выводок погиб, самка способна отложить вторую кладку за сезон. Молодые канюки приступают к размножению обычно в возрасте двух лет.

Канюк является представителем хищников, и рацион его питания практически полностью состоит из животной пищи. Излюбленным лакомством канюков являются полевки, крысы, суслики, иногда мелкие птицы и подобная живность. Иной раз ловят канюки и ящериц, и насекомых. В голодные годы канюки не брезгают и падалью. Но, когда мышевидных грызунов достаточно, канюки редко обращают внимание на другую добычу.

Охотятся канюки обычно на полях или на лесных полянах, летая высоко над землей, кружа и зорко высматривая добычу. Другой способ охоты — из засады, с ветки или иного возвышения. Заметив мышь или полевку, канюк молниеносно устремляется по направлению к земле, прижав свои крылья вплотную к туловищу. У самой земли он расправляет крылья и ловит добычу.

Осенняя миграция начинается в середине августа — сентябре. При перелете канюки могут сбиваться в большие стаи. Улетают канюки обычно недалеко — до ближайших бесснежных краев. Средняя продолжительность жизни канюков в естественных условиях составляет 20 и более лет, известны случаи, когда эти хищники в неволе доживали до 30 лет и более. **У**

После не очень удачной попытки погружения с аквалангом в карьере под Нижним Тагилом (об этом я уже писала в журнале) карьеры — совместное творение человека и природы — меня манят к себе только еще больше...

Черемшанские карьеры

Уральский никель, чистая вода и дикий чеснок

Южный Урал был одним из крупнейших поставщиков никеля при советской власти. Но относительно небольшие запасы и высокая интенсивность добычи сделали свое дело — залежи были все выкопаны. Сегодня на месте двух карьеров живописные глубокие впадины с удивительно прозрачной водой, одно из любимых мест «диких» туристов. Отправилась туда и наша дружная компания...

Эти выработанные карьеры находятся примерно в 10 километрах от Верхнего Уфалея в Челябинской области и называются Старо-и Ново-Черемшанскими.

Залежи были открыты еще до Первой мировой войны, по итогам разведки 1916 года их охарактеризовали как крупнейшее никелевое месторождение Урала. Но добычу организовали только в период индустриализации, после постройки в 1933 году Уфалейского никеле-

вого завода. Сначала руду добывали вручную, тачками свозили к дороге и на телегах везли на переработку. А через три года «злые Советы» построили узкоколейную железную дорогу, связавшую рудник и предприятие, которое, кстати, функционирует и сегодня.

Без «ГУЛАГовской темы», конечно, не обошлось, лагерь для рабочей силы на этом месте был. Но содержались в нем не враги народа, а пленные из стран «европейских партнеров» после Великой Отечественной войны! А обычные рабочие и специалисты жили в специально построенной деревне Черемшанке.

Все названия — и карьерам, и населенному пункту — дала одноименная гора (источник руды), на склонах которой буйно произрастает дикий чеснок.

Но вернемся к нашим искусственным озерам. «Старый» — обычной овальной формы, длиной с ки-

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Наталья Дудко

Редактор раздела «Встречный ветер», член Союза журналистов России.

лометр, шириной — метров 300. Он менее глубокий, зато больше по размеру водная гладь, а склоны заросли деревьями. «Новый» — более крупный, его глубина достигает 250 метров, а диаметр — около 1,5 километров. Поэтому его так любят дайверы. Расстояние между обоими водоемами около километра.

Поражают цвет воды — ярко-голубой, и её прозрачность — глубина её метров 10–15 точно. Этот фактор является еще одной причиной для дайверских тусовок. А Верхний Уфалей забирает отсюда воду для городского водопровода. Правда, не из самих карьеров, а из специальных скважин, пробуренных на их дне. Такое вот едине-

ние индустриала — прошлого и современного — с дикой красотой Южного Урала.

А вокруг народ ходит: любит, загорает, купается, камешки и монетки кидает в воду. Примета такая. Я туда, кстати, тоже бросила камень. Одну проблему ему нащептала и утопила. Вместе с проблемой.

— Ты что ль ведьма?! — полусерьезно спросил, глядя на мои странные манипуляции, приятель из нашей дружной компании, человек верующий, но вроде бы в мракобесии не замеченный. Да пусть думает, что хочет. Этому поверью не одна сотня лет, не дураками же наши предки были. Да и съездить туда я еще не раз планирую. **УГ**

Неизведанных мест много

Когда группа велотуристов повстречала Владислава на пути из родного Каменска-Уральского в Екатеринбург без «железного коня», то не поверила своим глазам. Владислав и без велосипеда?! Такое бывает крайне редко. Герой нашей публикации еще не просто велосипедист, а большой любитель и знаток истории Урала, краевед, исследователь, путешественник.

Не повторяй?..

Любовь к велосипеду появилась с детства, наверное, как у всех. Помню, я был очень молодой, лет восьми, если не меньше, и у меня был маленький велосипед. Как-то были с родителями в Екатеринбурге, увидел взрослых парней, которые на Плотинке на велосипедах по ступеням ездили. Приехав в Каменск, попробовал повторить. Естественно, мой «конь» не выдержал такой нагрузки, заднее колесо лопнуло, до-

мой шёл пешком... Прошли годы — и теперь я так же, как те парни, умею ездить!

Сначала катался на обычных великах. А дальше — пошло, пошло: появились более продвинутые по весу, по оборудованию. Ну а когда есть умения, есть хороший велосипед, то само собой — хочется ездить много и далеко.

Велосипед вообще — это увлечение круглый год: и зимой, и летом, и осенью, и весной. Вернее, велосипеды. Их

меняю в зависимости от сезона: подвеска, смазка, прочее. На зиму, например, я использую фэт-байк с толстыми колесами. Там уже нет амортизаторов, они замерзают.

Оптимальный транспорт

Велосипед, я считаю, оптимальный транспорт для путешествий, прогулок, для исследования и изучения новых мест. Дает возможность побывать там, где обычные туристы не бывали. Мне нравится именно такой формат путешествий.

Есть масса интересных локаций не где-то на краю земли, а здесь, рядом, но о них мало кто знает. Это только кажется, что все вокруг исследовано. На самом деле — нет. Бывало, что я находил места, которые несут потрясающую историческую ценность. А мы о них не знаем совсем! Я изучаю, собираю такие места — от кого-то услышал, нашел на карте, прочитал в книжке, в Интернете. Меня природа интересует и что-то вокруг города, какие-то местные достопримечательности. Или развалины. Например, когда-то был лагерь, но он перестал действовать. Нахожу это место, рисую маршрут. Можно ведь найти информацию о каком-либо природном памятнике, фото, координаты на карте, а на деле окажется, что координаты не совсем точные или место уже изменилось до неузнаваемости — заросло лесом, или затопило во время паводка, или, наоборот, озеро, болото обмелело, высохло, или на этом месте проложили дорогу и просто ничего уже нет.

Все новые сведения, новые снимки я тоже выкладываю в Интерне, делаюсь информацией с людьми. Я знаю, что неизученных мест еще очень и очень много — и «работы» мне хватит! Сходу всё и не вспомнишь, потому что это жизнь и она идет, её, как для отчёта не запоминаешь, а просто живёшь! Из последних примеров могу привести два болота под Каменском, которые обнаружил я. И это было интересно!

В такие места можно, конечно, добираться пешком, но это занимает много времени. Можно на транспорте — автомобиле, автобусе, поезде. Но вело-

сипед — это нечто оптимальное. Сел и поехал. Он и по габаритам проходит даже в труднодоступных местах. И вброд, если надо, можно с ним перейти. Да его, элементарно, можно на себе где угодно перенести!

Километров 120–140

Максимально за день я проезжал где-то километров 120–140, не помню уже. Но это не очень-то и важно. Ездить можно по-разному. Если, как я, кросс-кантри: подъемы, спуски, пересечёнка. Велосипедом приходится серьёзно управлять, поднимать его и всё такое... Все мышцы работают, и для организма это хорошо. Можно кататься легко и по несложным трассам.

Но, как бы вы ни катались, всегда помните о безопасности и о здоровье — своем и окружающих. Подобрать транспорт нужно такой, чтобы спина при езде не уставала и не болела, рукам было удобно. Сам велосипед должен быть лёгким и комфортным, например, если сильно устал или повредился, мог бы до дома довести его.

Сам катаюсь и советую всем надевать шлем. На пересечёнке он защитит от веток. Очки спасут от мух, от пыли. Перчатки — тоже от них есть толк. Кто ездит более агрессивно — тот использует наколенники. Хоть какую-то, но защите нужно иметь обязательно!

Сейчас очень много всяких велосообществ. Всегда можно найти компанию по душе, по интересам. Я, как правило, катаюсь один или с маленькими группами. Но готов всегда и всё помочь с маршрутом, с прогулкой, показать интересные места.

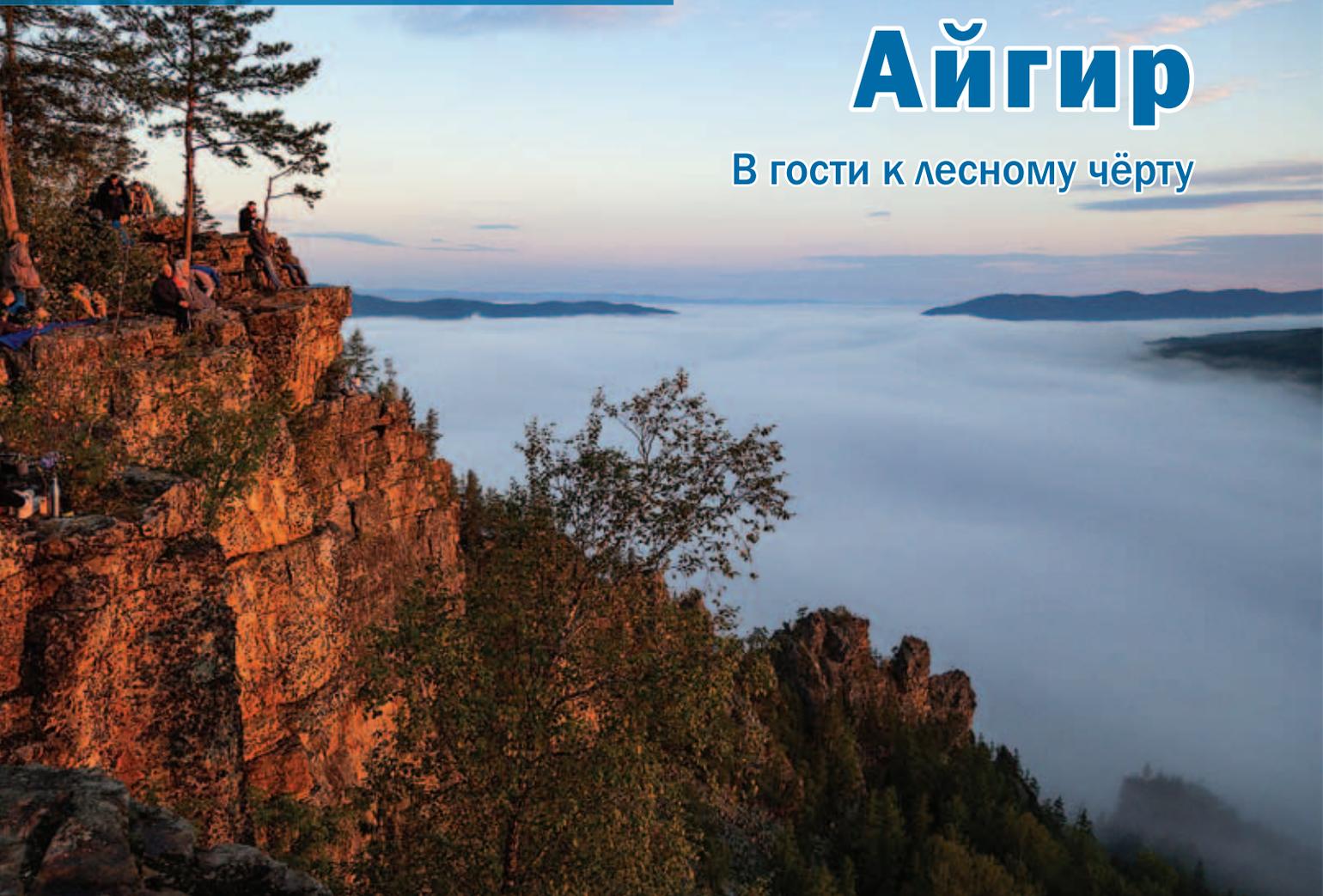
Главное — узнавать что-то новое

А вообще главная тема — это не велосипед, хотя да — все точно про меня сказали, что без велосипеда и шлема меня видят крайне редко. Я хочу узнавать что-то новое, исследовать какую-то местность! Её можно не только на колесах проезжать, но и пешком. Есть же места, куда просто на велосипеде не проехать. Ну, или же, например, дождь идет, зимой сильные морозы, поэтому я ещё и ходьбой занимаюсь, и пробежки совершаю, и на автомобиле путешествую. Главное — это активность! Бег, ходьба, велосипед — это ведь не только спорт. В первую очередь — отдых! И возможность провести время в интересных местах. А иногда и с интересными людьми, и в хорошей компании. **УС**

Владислав Балдин.
Записала Наталия ДУДКО.

Айгир

В гости к лесному чёрту

РЕСПУБЛИКА
БАШКОРТОСТАН

Поднявшись на высокую скалу, ты будешь наблюдать, как встаёт солнце, постепенно озаряя десятки километров вокруг, подсвечивая вершины гор и кроны деревьев на верхушках. А ниже гор стелется белый ковер облаков...

Чтобы увидеть эти красоты, совсем не обязательно ехать на Кавказ или ещё куда-то далеко и подниматься на тысячи метров, на Урале тоже есть такое место!

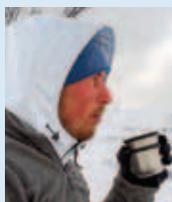
Начало пути — начало приключений

Собрав рюкзак и закупив продуктов на группу, мы отправились в путь. В городе уже темно, дорога предстоит длинная: сначала 8 часов на микроавтобусе, а дальше нас ждёт утренняя электричка. Других вариантов нет, посёлок Айгир находится в глуши, куда можно доехать только так, либо на внедорожнике по плохой дороге.

На удивление, водитель ехал очень быстро, и мы почти не просили его делать остановок, поэтому были на станции аж за 2 часа до прибытия электрич-

ки. Станция почти пустая. И только какой-то дедушка прогуливался по ней и приставал к сонным туристам с вопросами. Расположились на «сидушках» и постелили коврики на полу — поспим... Проснулся я от звуков, как мне показалось, пролетающего самолёта, звук повторялся каждые 5 секунд. Но я ошибся — это храпел один из наших туристов. Оказалось, что почти никто не спит, я встал и начал готовить завтрак на горелке. Опасаясь, что работники станции выгонят на улицу вместе с кашей, пришлось готовить на «тихом» огне, спрятавшись за рюкзаками.

На завтрак планировалась кукурузная каша, которая никак не хотела довариваться. И вот уже все проснулись и по очереди спрашивали у меня, когда мы будем есть. И даже электричка уже подала первый сигнал, что скоро от-

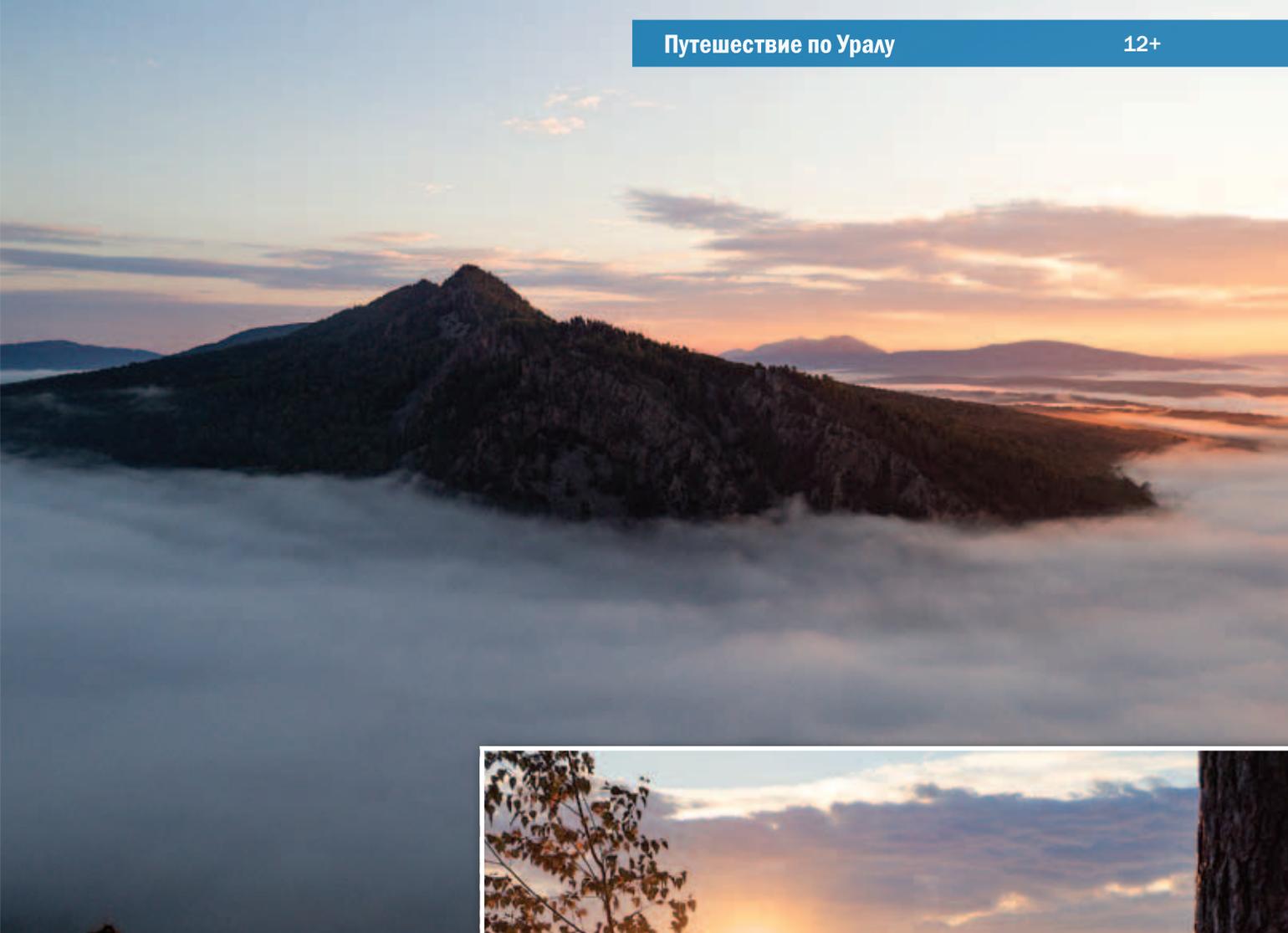

Павел Дорошенко

Любит приключения, путешествия, экстрим, в котором может управлять рисками, скоростью, силой и выносливостью. Путешествует там, где еще не бывал.

Фото автора

Уральский следопыт, ноябрь 2022

правление. Так что каша была вынуждена ехать с нами до Айгира.

Разместив свои вещи по полкам, заняли места в вагоне. Чуть больше часа — и мы на месте. На станции нам предстоит набрать воды по бутылкам и прочим ёмкостям, так как на вершине воды нет. Хотя раньше там бежал родник, но я предполагаю, что он появляется только после дождей, которых не было уже месяц, так что рассчитывать на воду не приходится.

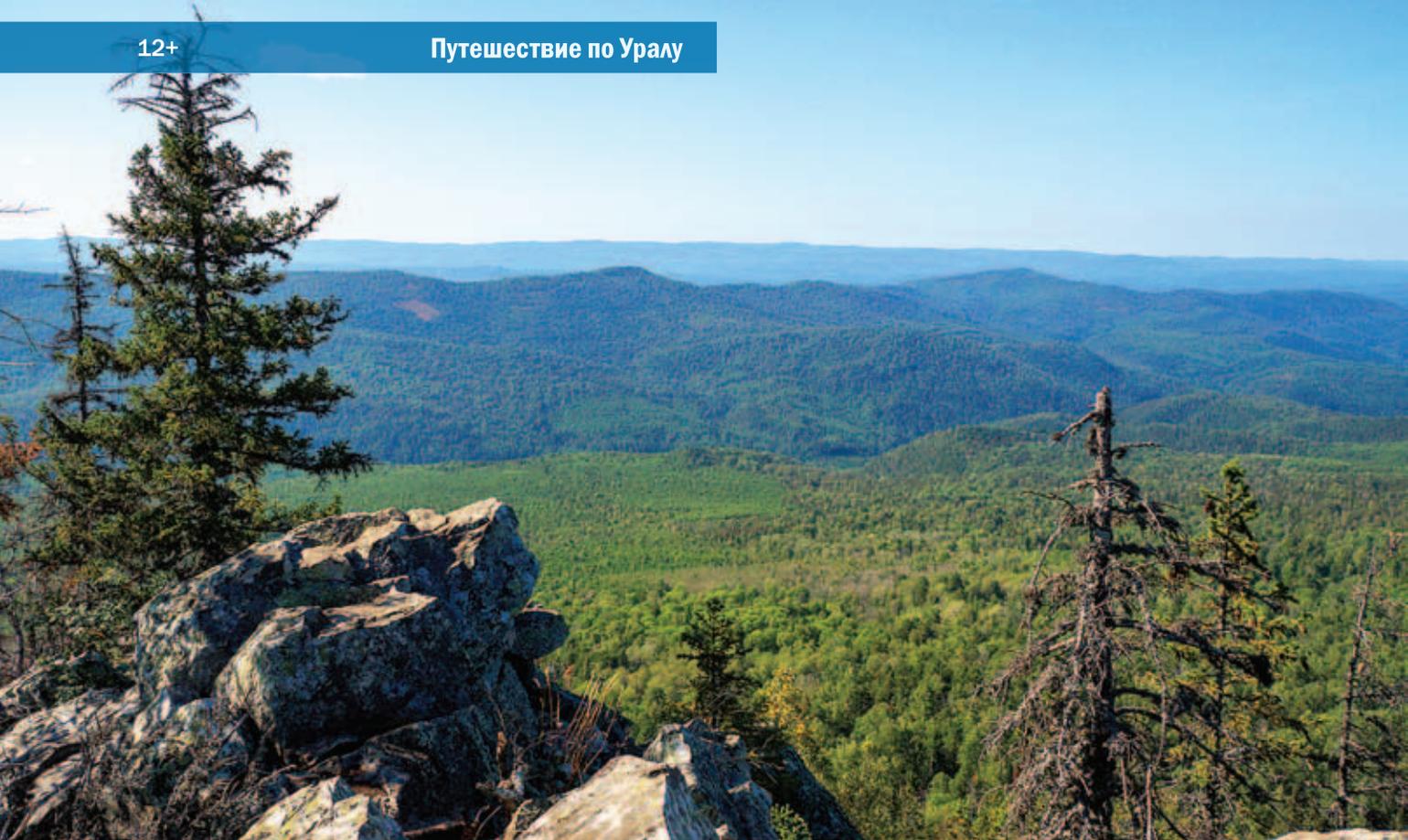
Ну вот каша с горем пополам была готова, я высypал в неё орехи и цукаты и нарезал яблоки. Плотно позавтракав, надели объёмные рюкзаки и отправились в путь. Дорога предстоит недлинная: пару километров вдоль железной дороги и ещё 800 метров крутой подъём в гору.

Зубы Шурале

На маршруте нас уже опередили группы, которые ночевали в турприюте, и мы не спеша шли, знакомились, играли в игры. Часть пути проходит по лесу мимо высоких деревьев, и вот уже слышно, как бурлит вода и деревья отступают в сторону — нам открывается вид на реку Мальй Инзёр.

www.uralstalker.com

Когда-то здесь устраивали соревнования и обучение рафтингу. Но несколько лет назад провели работы по укреплению берега для ж/д путей и пороги были разбиты. Сейчас здесь можно приехать с палаткой и разбить лагерь. Отсюда открывается и вершина Айгирских скал, они же называются Зубы Шурале. Вокруг горного массива расположен Южно-Уральский заповедник. Но наша цель выше, мы поднимемся на самый верх и будем ночевать там. Подходя к крутому подъему, пара девочек замешкалась с вопросом: «А нам точно туда?» Я их заверил, что точно и торопиться не стоит, идём в своём темпе — дорога займёт не больше часа.

И вот, наступая на корни деревьев и выступающие камни, держась за стволы и опираясь на трекинговые палки, мы медленно, но верно поднимались наверх. И уже через 40 минут добрались до скальной площадки, на которой расположены костровица. Мы поднялись ещё выше и выбрали себе самую большую площадку. Благо, что вторая электричка приехала на час позже нашей и самый большой поток туристов приехал именно на ней.

С площадки можно было видеть далёкие вершины, долины полей и лесов. Где-то там прячутся озёра и карьеры. Открыв карту на телефоне, мы стали смотреть, какие же горы видим отсюда. Прямо перед нами расположился Малый Ямантау, у подножия которого

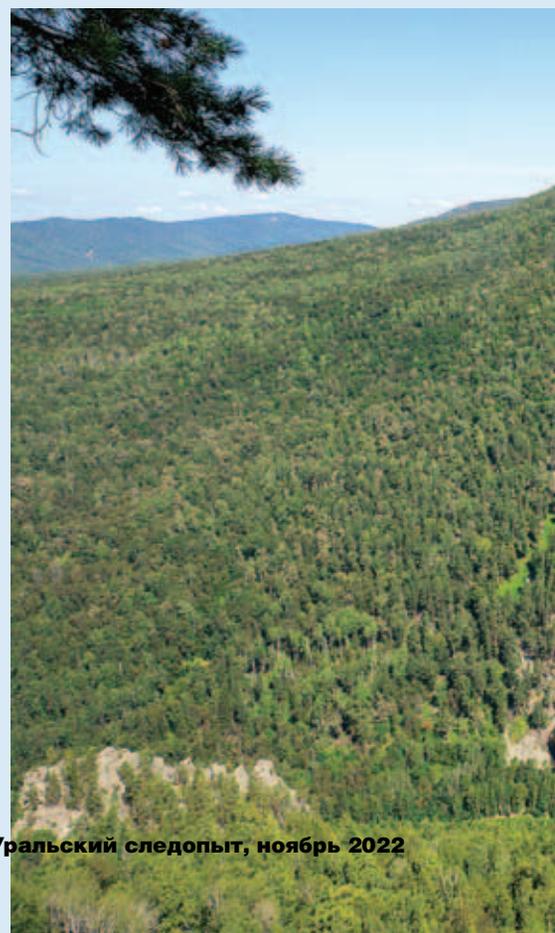
вьётся змеей река Малый Инзер. А главная изюминка — знаменитая скалистая вершина хребта Караташ, что в переводе означает «Чёрный камень». Скалы «сплотились» полукругом и нависают над пропастью метров на 40. С края обрыва видно, как люди, словно букашки, пробиваются через деревья, поднимаясь к нам на Зубы Шурале. Такое название Айгирские скалы получили из-за формы, они напоминают раскрытые «челюсти» Шурале — Лешего или Лесного черта из башкирских сказок. Мифический персонаж представляет собой низкорослое существо с длинными пальцами и рогом на лбу. А самое главное, что в сказках этот Леший опасен тем, что может защекотать человека до смерти. Сразу захотелось почитать башкирские сказки.

И еще легенда

Некоторые скальные образования напоминают орла с раскинутыми крыльями, поэтому их называют Орлиными. Туристы же предпочитают именовать их Айгирскими по названию реки, берущей начало на хребте Караташ. Слово же «айгир» в переводе с башкирского означает «жеребец». По легенде, вожак табуна прыгнул с этих самых скал, увозя стаю волков от кобыл с жеребятками.

Пока мы обедали, сюда набежали толпы туристов, которые приехали из Уфы — всем не терпится сделать красивые фотографии на открываю-

щейся панораме. А мы тем временем отправились на самую высокую точку хребта — пик Уфа. Тропа несложная, проходит по лесам и выходит на скальное образование, с которого видно примерно всё те же виды, но на этот раз панорама открывается во все стороны. Здесь мы решили разделить: часть

пошла в лагерь, а часть спустилась в посёлок набрать воды и искупаться в речке. На ужин у нас была паста с пармезаном, томатами, оливками и курицей. Ужин был шикарным, и всё это с видами на закат. Мы решили не сидеть допоздна, ведь нам вставать в 5 утра, чтобы встретить рассвет.

А ночью было «веселье» — приходили мыши, чтобы полакомиться нашими продуктами, поэтому я просыпался каждый час и гонял их, чтобы ничего не погрызли.

И вот наступило утро. Звон будильника раздался один за другим во всех палатках вокруг, я до последнего со-

противлялся и ждал, когда зазвонит мой. Открыв палатку, ты видишь белую реку облаков, из-за которой волнуются тёмные тени гор, солнце только начинает освещать небо за горизонтом, подойдя к краю скалы, кажется, что ты можешь наступить на густой туман, который не может подняться выше скал. Только вчера здесь были леса и река, и уже сегодня ты наблюдаешь совсем другие пейзажи, ради которых стоило сюда подниматься с рюкзаком.

И вот за кружечкой кофе, взяв вафельку в руку, устраиваешься поудобнее, начинаешь следить, как солнце медленно показывает свои первые лучи, облизывая вершины гор, одну за другой, и эти могучие темные великаны, уже не такие мрачные, открывают свои леса и скалы. Лучи скользят по вершинам деревьев и «золотом» пронизывают туманные вихри, вышедшие из берегов белой реки.

Так прошло часа 1,5, каждый погружился в свои мысли о бытии и красоте. Ну вот туман постепенно рассосался и взору снова открылся вид на реку. Собрав лагерь, мы отправились вниз, на берегу реки приготовили обед и, вдоволь накупавшись, обменялись впечатлениями. Дальше нас ждала долгая дорога домой.

Если ещё вчера новоиспечённые туристы не верили, что им придется не понятно ради чего подниматься в гору, то сегодня они просили меня взять их в следующий поход. **VC**

Дикие звери: друзья или враги?

Откровенно говоря, не очень хотелось готовить публикацию по этой теме — по простой причине, что давать советы как-то не по мне. Тем более, что сам еще постоянно учусь у бывалых таёжников. Но как бы то ни было, может быть, моя статья поможет начинающим туристам и путешественникам.

Чтобы быть поближе к читателю, скажу, что в молодости сам активно занимался туризмом, участвовал в туристических слётах, соревнованиях по летнему и зимнему спортивному ориентированию, немного знаком со скалолазанием.

Так вот, уважаемый турист, начнём воображаемое путешествие в мир дикой природы. Вопросы законодательства, снаряжения, выбора маршрутов, погодных условий и прочее заранее оставляю в стороне.

Врожденный страх

Тысячелетиями человек занимался охотой, и за этот период у диких зверей выработался врождённый страх перед человеком. Поэтому дикие звери в любом случае стараются избежать встречи с ним. Путешественники со спокойной душой могут идти по маршруту, ну, а если вы все же встретились с диким животным, постарайтесь скорее достать фотоаппарат, чтобы на память остались фотографии.

Летом звери обеспечены кормами (правда, конечно, бывают неурожайные годы) и, поверьте, животным совершенно нет нужды нападать на вас. Все происходит в точно

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Фото Михаила Бокачева

Сергей Зимин

С 2017 года работает в ФГБУ «Государственный природный заповедник «Вишерский». Окончил Вятскую сельскохозяйственную академию. Биолог-охотовед. Занимается изучением охотничье-промысловых млекопитающих.

Уральский следопыт, ноябрь 2022

сти до наоборот. Туристы чаще всего останавливаются на ночлег у костра. В этом случае вы можете быть уверенными, что запах дыма заставил большинство зверей покинуть прилегающую территорию.

Но так как все же известны случаи (даже трагические) нападения зверей на людей (абсолютное большинство из них связано с бурым медведем и волком), рассмотрим некоторые из причин. При этом хотелось бы отметить, что устоявшийся миф о нападении рыси на людей, видимо, надолго будет будоражить воображение впечатлительных людей. Если вы увидели рысь, то считайте, что вам крупно повезло, а если вы сделали фотографии этого красивейшего представителя рода кошачьих, я буду искренне вам завидовать.

По вине человека

Большинство из нападений зверей происходит по вине человека. Попытки погладить, заигрывать, неудачные выстрелы при охоте и прочие действия — вот что провоцирует диких зверей защищаться. Организация свалок, помоек (очень часто это явление встречается на лесных делянках, в нефтегазовой отрасли, золотодобыче и т.д.), непосредственная подкормка (в Интернете выложено множество кадров, как «сердобольные», а на самом деле безответственные люди дают медведям гущённое молоко, консервы, сладости), превращают зверей в попрошайек. У этих зверей кардинально изменилось поведение — зачем добывать пищу самостоятельно, когда тебе просто чего-нибудь подsunут люди. А потом зверь уже требует еду, пытается вырвать сумку и далее может нанести физические или психологические травмы человеку. Этот зверь уже «приговорен» к отстрелу, хотя он, по сути, ни в чем не виноват. Я считаю, что люди «совершили преступление» по отношению к нему.

Валентин Сергеевич Пажетнов, крупнейший специалист по бурым медведям в России, организовавший центр спасения медвежат-сирот в Центрально-Лесном заповеднике, рассказывал мне, что бурые медведи нападают на человека в четырех случаях:

- медведица с медвежатами. В этом случае необходимо обойти данный участок, оставаясь незамеченным, и ни коем случае не подходить к малышам;

- медведь-шатун. Голод лишил его страха перед человеком и не позволил ему залечь в берлогу. Чаще всего это

связано с неурожаем кормов, а также его физическим состоянием (травмы, болезни). В этом случае он подлежит отстрелу. Время года — поздняя осень или начало зимы;

- медведь у добычи. Это также очень опасная ситуация. Необходимо громко кричать, не бежать, при возможности залезть на дерево. Выстрел в воздух или применение пиротехники («фальшфейер») вам помогут на время отогнать зверя. Мне как-то пришлось оказаться в такой ситуации, когда весной по насту я буквально в 15 метрах столкнулся с медведем возле задавленного им лося. Бросив в него рюкзак, чем отвлек его внимание на первое время, я спрятался за деревьями. Громкой руганью медведь был отогнан. Но в дальнейшем, увидев, с чем было связано его агрессивное поведение, мне правда стало жутко;

- провоцирование человеком. Ситуации, указанные выше.

По своим законам

Что касается волков, то этот зверь всегда относился к врагу человека. Страдали домашние животные (скот, собаки) и гибли люди. Это именно тот зверь, который требует регулирования его численности (кроме особо охраняемых территорий). В зимнее время, когда волки сбиваются в стаи, они наиболее опасны. Если человек безоружен, шансов выжить у него, прямо скажем, немного (необходимо забраться на какую-нибудь высоту). Волк нападает только тогда, когда знает свою полную безнаказанность. Охота на волка по праву считается одним из самых трудных способов промысла, и этот зверь всегда вызывал у меня чувство уважения. Наибольший разгул волков происходит во время войн. Об этом звере лучше всего написал знаменитый охотник Павлов П.М. в своей монографии «Волк».

Что касается копытных, осенью во время гона самцы находятся в очень возбужденном состоянии, но и здесь нападение может произойти лишь при «провокации» человеком (неудачный выстрел при охоте). Хотя непосредственно о таких случаях мне неизвестно.

В целом же нужно просто понять, что дикие звери не друзья и не враги человеку. Они просто живут по своим законам и правилам, а человек, вторгаясь на их территорию как обычный гость, обязан уважительно относиться ко всему живому.

И последнее: я рекомендую носить с собой обычный фальшфейер, но хотелось бы, чтобы он никогда вам не пригодился. **УС**

Долгие горы

Не будите дракона

ОРЕНБУРГСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Дмитрий Жданов

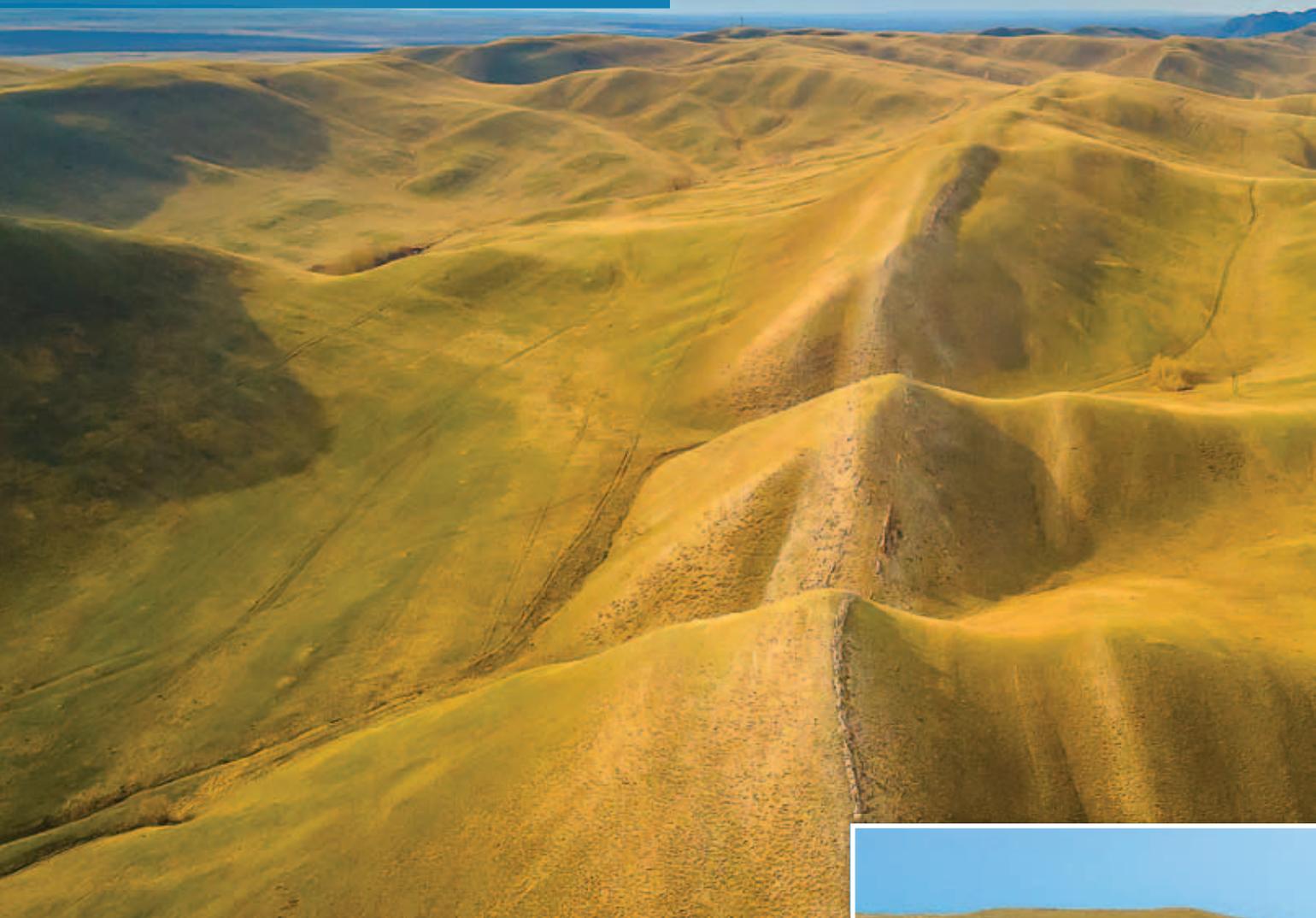
Мастер на промышленном транспорте. Увлекается фотографией. Любит путешествовать по Уралу.

Фото автора

Если вам вдруг наскучила уральская тайга с болотом, скальные останцы и курумник, выскальзывающий из-под ног, то есть на Урале место, где этого всего нет, но есть горы.

Встречный ветер

Перед Вами хребет Карамурунтау, более известный как Долгие горы, похожие на волны в море, степи. Плавные силуэты Долгих гор изредка разрезают небольшие ручьи и малочисленные деревья, уютящиеся в долинах гор около ручьев. Хребет находится на юге Оренбургской области возле трассы Оренбург – Орск.

Лучшее время для посещения Долгих гор – это вторая половина мая и начало июня. Потом жаркое степное солнце начинает выжигать траву до соломенного цвета, а немногочислен-

ные ручьи пересыхают. У меня получилось посетить это интересное место в конце апреля, когда молодая травка только проросла сквозь клочки пожелтевшей прошлогодней травы и проглянули первые цветы: прострел-раскрытый, адонис весенний. Из травы со свойственной осторожностью выглядывают сурки, потревоженные шагами, шуршат в траве юркие ящерицы. Прогретый весенний воздух обдувает степь.

Горы произвели на меня впечатление своей «плюшевостью», плавны-

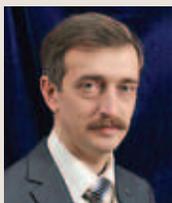
ми изгибами рельефа. Увидел и Спящего дракона — цепочку хребтов, напоминающую своим расположением заснувшее сказочное существо под покровом Оренбургской степи. Место, где спит «дракон», хорошо видно не только с высоты птичьего полёта, но и с вершин холмов. Открывающиеся виды достойны декораций для фильмов в стиле фэнтези. У «дракона» есть свои жертвы и украшения. Побывав в таких местах, хочется верить в сказки.

Конечно, Долгие горы достойны к посещению в любой сезон. Зимой окружающее предстанет перед вами в холодных чёрно-белых тонах, а в августе — сентябре здесь звёзды будут ближе, как нигде на Урале.

Долгие горы находятся на правом берегу реки Урал, в западной части Беляевского района Оренбургской области, в 135 км к востоку от города Оренбурга. Их разделяет трасса Оренбург — Орск, по которой и нужно добираться. **УО**

Перевал Песцовый, 2Б

Андрей Затонский

Доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой автоматизации технологических процессов Березниковского филиала Пермского национального исследовательского политехнического университета. Мастер спорта и инструктор международного класса по спортивному туризму, Заслуженный путешественник России.

КОМИ

Фото автора.

Походная карта Урала

Двойка Б на Урале — это совсем не двойка Б в крутых горах.

Крутые горы — они часто компактные — гора на горе, перевал на перевале. На Алтае от перевала Зелинского до перевала Мечта по прямой целых четыре километра, через долину — аж девять! До следующего, Эйнштейна, опять целых три!

На Урале перевал 2 Б — это не столько перевал, сколько подход. Не такая проблема пройти, как проташить по лесам и тундрам все эти верёвки и железки, без которых на скальном перевале неуютно. Других-то тут и нет, ледобуры с самосбросами вряд ли понадобятся.

А ещё проблема — этот перевал найти. Я целую книжку написал про перевалы Полярного и Приполярного Урала, собирал туда в перерыв 305+259=564 перевала. И только 16 из них имеют сложность 2 Б или около того. Причем четыре расположены на трехкилометровом отрезке хребта Оче-Нырды, ставшего в последнее время значительно доступнее для людей обеспеченных. А остальные разбросаны на 650-километровом хребте...

Однако для пешего похода 6 к.с. перевал 2 Б очень нужен, если не сказать — необходим. Такая уж методика оценки сложности. И лучше несколько перевалов, чтобы поход хоть как-то смотрелся потом на чемпионате рядом с алтайскими и якут-

скими шестёрками. Если, конечно, погода позволит эти перевалы пройти. А то будешь сидеть под ним в мокрой палатке с мокрыми верёвками в рюкзаке, вторую неделю подпитываемыми дождичком, и гневиться. Больше-то ничего не останется.

Одним из самых «сырых» наших походов была попытка в августе 2007 года прийти с Полярного на Приполярный Урал. Понятно, заявили шестёрку — километров-то хоть отбавляй — но погода внесла коррективы. Такая уж была та погода, что находили мы по пути и окоченевшего от холода оленёнка, и влетевшую в палатку погреться птичку (не согрелась, умерла через несколько минут), и чёртовы тучи на Скальной, куда все же пришлось лезть, чтоб хоть пятерку закрыть. А уж брод через Кожим после десятидневного дождя, двадцать четыре минуты глубже пояса, оказался достойным венцом путешествия. *Терновым*, не иначе.

Однако в междождевой паузе как-то увидели мы что-то интересное. Шли мы по восточной стороне хребта. Немного не доходя до Лемва-Иза, на ночь остановились неподалеку от озера Лымъя-То, весь вечер любовались красивыми чечевичными облаками. Понятно, утром ливало по полной программе, и лило,

лило, лило до самого Кожима и после, до самого вокзала. А ещё любовались мы каменной стенкой за озером с небольшим понижением. Добротная такая стенка, и в классификаторе её нет, не описана. Запомнили.

Планируя шестёрку в 2009 году, после прохождения которой мы стали чемпионами России, стенку вспомнили. Посмотрели, подумали. И решили хоть и на входе, хоть и с тяжёлым грузом попробовать по ней съехать.

Вот 2009 год погодой нас порадовал. Или огорчил в другую сторону, как хотите скажите. На *тринадцатый* день сплошной погоды (плюс 10, ветерок, ни мошки, ни комаров, ни пота) участники уже зверем посматривали, когда я предлагал ещё куда-нибудь залезть, «пока погода». Вот и на это седло мы вышли к «перекусному» времени очень ясного дня.

И посмотрели с него.

И вспомнили известную полную полярную лисичку. Да неоднократно, да вслух.

А вы думаете — почему перевал называется *Песцовый*, 2 Б?

Муторно с него было спускаться. Долго-долго одно и то же: разведка, провеска, рюкзаки, слезть, сдернуть. Разведка, провеска... Скалы, скалы, скалы. Тупики. Не, надо обратно: может, вон там всё же влево, а не вправо? А ведь вечерет уже...

Скальный участок, понятное дело, вывел на снежник. Крутой, зараза. И твёрдый, такое уж лето. Тут от лета вообще многое зависит. Например, в 2003 году под перевал

МГТ в Оче-Нырде можно было вприпрыжку по курумке пробежать, а в 2010 в то же время такие снега лежали, что чуть не по пояс пробивались. Так и тут: не угадаешь. Не угадали — «кошки» из-за единственного снежника в начале маршрута решили не тащить. Потом-то их хоть выкинь, а жалко. Ну, связали две верёвки, закрепили якорёк... Кое-как дотянулись во-он до того одинокого булыгана, за который можно придержаться. Потом ещё две...

Вдоль воды ковыляли уже под лунной. Так-то здесь светло достаточно, даже в начале августа, всё видно. Глазам, говорят, видно. Ногам, говорят, обидно. Гнутся ножки. И ручки. И палки того гляди гнуться вздумают... А ещё тащиться и тащиться, то по камням, то по загадочно нависающим над водой кусочкам снега... Красиво вокруг, жутко красиво. Жутко, в смысле «больше», чем красиво...

Огромные приполярные озёра — это же тоже вещь в себе.

В том же походе мы коллективно наблюдали, как в озере под перевалом Кристалл (2 Б, кстати, тоже) резвились двое странных водоплавающих животных. С УАЗик примерно размером каждое. Наблюдали в ясный день, утром, трезвые, головой не стукнутые. Вполне готовые побить мировой рекорд в беге по тундре и курумке, если *это* вдруг вздумает направиться в нашу сторону.

Но здесь мы никаких стражей озера не заинтересовали собой. И славно. *Бесконечная наша дорога, беспредельная наша нужда* бивака и палатки таки завершились. Вот бивак, вот палатка. Вот шмель-горыныч уютно фырчит под котелком. Вот за сияющей от луны озёрной гладью недобро щерится чёрная стенка со снежником под ней, напоминающим чудесный цветок.

Вот он, перевал Песцовый, один из многих перевалов, добавленных нами на походную карту Урала...

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www uralstalker.com

Ноябрь 2022

Аэлита

50

Законы Вселенной

ЮЛИЯ РУБИНШТЕЙН

Краб и бетельгейзе

50

67

Координаты чудес

ОЛЬГА ЦВЕТКОВА

Лепестки клевера

67

Краб и бетельгейзе

Юлия Рубинштейн

Родилась в г. Ижевске. Окончила Ижевский механический институт по специальности «ЭВМ» и аспирантуру ЛЭТИ (1994), кандидат технических наук. Живёт в г. Сосновый Бор, Ленинградская обл. Опубликовано десятка полтора рассказов в разных сборниках и журналах, десятка три стихов, роман и повесть. Участник и лауреат нескольких литконкурсов и бардовских фестивалей.

Петух был последний. Ощипанный, висел он вниз головой над очагом, над корчащимся хворостом, пожираемым змейками дымного пламени. Всего у Шептуна было двенадцать кур и вот этот петух. Двух он съел, одну пожертвовал монастырю, остальные висели в погребе. Другой живности на дворе не наблюдалось.

Следовало что-то придумать. Хотя его и называли Шептуном, но не звали ни попользовать кого, ни судьбу предсказать, ни поворожить на потерянное. Просто мирились с тем, что он ходит к роднику, всегда в заплатах халате, всегда с замотанной чем-то головой, всегда бормочет. Даже не знали — платит ли подати императору и в монастырь. Или сам монах, странник, а может, идолопоклонник. Нет, не странник. Торчит на одном месте, грядки и куры. И книги. А читает их, только когда нет солнца.

Шептун взял мышеловку, собрал с камней очага петушиный жир и густо намазал заскорузлым пальцем дощечку. Насторожил на ступеньках в погреб. На ночь остался в сенях — чутко дремал у наружной двери. Пробили полночь в монастыре. Холод пробирался сквозь отрепья — ночи после равноденствия ещё очень прохладны. Вот — глухой щелчок и писк.

Почти летя над землёй, в несколько скачков пересяк двор. Ладонь сама находит ею же и отполированную рукоятку ножа, отжимается скоба мышеловки — и мышь в руках, ещё трепещет. Назад, в сени, в дверь, вот и горшок. Точный взмах ножа — отлетела серенькая головка, упали капли крови на росток. Ещё день сосчитан звёздами. Росток прибывает на глазах, день ото дня, значит, всё идёт по предначертанному.

Мышеловка выручила и в следующую ночь, и ещё одну. На четвёртую ночь мышь не пришла. Тринадцать кур, три мыши — шестнадцать дней, половина указанного срока. Не сворачивай назад с полпути — не вернёшься.

Шептун сидел на пороге и думал, думал. Из оцепенения его вывел собачий брех. Удача! За глинобитную ограду полетела тушка мыши. Раздалось ворчание и хруст мелких косточек на зубах. Распах калитки — и тень на замахе пала коршуном вниз. Хлопнула дверь, и там, за ней, в полумраке, отлетела под ударом лохматая голова. Росток получил своё.

Ещё раз выручил Шептуна такой же отверженный людьми призрак мести. А потом у родника, ниже того места, где брали воду люди, там, где только дикие птицы садились напиться — там, валяясь на земле, в грязи и помёте, ловил он их силком из собранного вдоль дороги конского волоса. Пять раз попадались в силок птицы, пять раз отведал росток их крови. Пришлось вынести горшок наружу, на зады хижин-завалюхи, — треснул. То, что в нём росло, превосходило уже рост человека, возвышалось и над глиняным забором. Днём освещалось солнцем, во-преки указанному. Но тянулось и тянулось вверх, в мощи сплетающихся кожистых побегов, буро-красно-зелёных листьев, могучей сизой щетины по краям их. Крючковатые колючки торчали из щетины. Стоило подойти — сумрачно лопотали стебли и листья, гнулись, ища подошедшего, будто в его сторону дул ветер, колючки удлинялись, точно вынохивая. Корни доломали горшок и шли в сухую землю, буравя и рассаживая её. Трещины бежали под забор.

Ещё дважды Шептуну повезло: из трещин высовывались ящерицы. Им было пора, солнце жгло всё злее, дождей не шло, белёсый накал дневного неба набирал силу. Ящерицы искали воды. Удалось поймать обеих — не за хвост, а за тело. Обе нашли конец под неумолимым ножом. Заметил: когда приближался, неся издыхающую живность — довольно, ликующе хлопали бугристые листья, победно стучали друг о друга колючки. Что принесёт он им, когда звёзды

пойдут на следующий круг? Трещины — не сам ли набирающий силу питомец подсказывает, где надо искать? Сходил подальше за родник с мотыгой, нашёл и разрыл сусличью нору. Трёх малышей принёс, замотанных в полу халата. Ещё три дня растущий будет сыт.

Когда прошёл долгожданный дождь, и монастырских коз выгнали к роднику пасть, Шептун знал, что делать. То, что делали предки, когда в далёком пути застигало их безводье и голод. Протыкали ножом шкуру запасного коня и пили его кровь. Где на шее коня это место, знает и мальчишка. У козы — там же. Он дождался, пока пастух отвлечётся, перестанет пялиться на странника, то бормочущего молитвы, то опускающего взор в книгу. Пока он уйдёт за соседний бугор. Книгу — в платок за спину, нож — в рукав. Ближайшая коза коротко и истошно проблеяла, рот наполнился тёплым. Дошёл до калитки, плотно сжав губы. Растущий получил обычное, даже больше, чем в иные дни.

Но остался недоволен. Жёстко шелестели листья — «всю жизнь, всю жизнь, не часть, не часть». Отчётливо слышал Шептун эти слова. И на весах в собственном уме на чашу несвершённого положил сегодняшнее.

Чаша качалась перед закрытыми его глазами, когда он привычно размышлял перед очагом о завтрашнем дне. Завтра растёт из вчера, как трава из земли. Мало кому дано видеть завтра в совершенном виде, но ум делает видимым его произрастание.

Наклюнулось семя, видно, тогда, когда он заметил: стали портиться глаза. На ярком солнце не прочесть ни страницы в самой старой из бывших у него трёх книг. Одна о звёздах, другая о травах и деревьях, а в этой были всякие притчи, иные в стихах. И — не прочесть в лучшие, полуденные часы. Чистый жёлтый пергамент.

А потом заметил и другое. Открыл книгу в сенях. Всё видно. Вынес на солнце открытую. Жёлто и пусто, как в песках у солёных озёр. Снова занёс в сени. Медленно проступили знаки. Не глаза, значит, подводили.

Солнце делит небо с луной. Открыл книгу при луне. И опять — ушли знаки. Жёлто и пусто, как в песках у солёных озёр. Не один раз пробовал. При растущей и убывающей луне, при полной и только народившейся. Одно и то же.

Открывал её при свете очага, жирника, огненных часов в кумирне, прилепленной к стене монастыря. Знаки уходили и не возвращались. Пробовал их призвать, громко читая наизусть. Бесполезно. Лишь на рассвете и при вечерней заре, да ещё под холодной крышей, не согретой очагом, знаки дарили свою благосклонность. И однажды пришла мысль: а какую весть шлёт ему безлунное и бессолнечное небо? Самую первую страницу книги раскрыл Шептун. И ярко, серебряно просияли под верхней крышкой переплёта звёзды. Созвездие.

Стал листать книгу. Рисунок созвездия Дуби-Асхар прекрасно узнавался на каждой странице. Прямо по-верх написанного. В начале строк, там, куда попадала путеводная звезда, всегда указующая на полночь, Железный кол, Бейджи-Синь — вспыхивало серебряным: В... О... З...

Возьми...

Серебряная звёздная сетка стала меркнуть. Слишком темно, букв уже совсем не видно. Возьми — что и где надо взять?

Время шло, на грядках созрел урожай. Хоть и нищий, едва, впроголодь, хватит на зиму, но Шептун пожертвовал монастырю меру бобов. И был допущен за стены. Служка провёл его во внутреннюю кумирню. Постояв перед древними изваяниями, по-

шептав (пусть служка думает, что молитвы!), Шептун спросил:

— Скажи, на чём записать мысль, дарованную святым местом? Чтоб не покинула в суете?

Служка сунул ему кусок пергамента. На следующую ночь Шептун продолжал, записывая угольком из очага. Возьми земли с могилы младенца... И снова стало темно.

Ещё несколько рассветов минуло. Ледяных, зимних, с длинными лёгкими тенями на снегу от Железного кола. Ещё несколько слов прибавилось. Пока не заметил Шептун, что верхняя крышка переплёта обведена по всем трём обреза тончайшей, тоньше волоса, линией. Ни один монастырский писец не смог бы провести такую — очинить столь тонко хоть тростниковый калям, хоть перо перелётного гуся, не под силу рукам человеческим.

Перо — не под силу. А вот нож заточить до такой тонкости Шептун мог.

Луна стала полной, сошла на убыль и покинула небеса, когда он раскрыл крышку. Помогая себе не только ножом, но и составом из трав и выпаренного сто восемь раз рассола солёных озёр, настоящим на талой, отогретой у сердца воде — способен был этот состав размочить любой клей. И в безлунную, но звёздную ночь вынул заключённую меж двух дощечек пластину. Ярким серебром лучилась она при звёздном сиянии. Железный кол горел сверху. Неистовым досиня светом. Клал пластину на страницу — вспыхивала буква, что оказывалась под ним.

Возьми земли с могилы младенца, первой воды, упавшей весною с крыши, и золы ростков вьюнкаповители, соскобли ножом старого булата сей звёздной пыли, смешай и посади это семя в глиняный нерасписанный горшок, служивший до того разную службу. Каждый день, считанный звёзда-

ми, поливай посев живой кровью. Тридцать третий день даст великое.

Семя обнаружилось прямо под пластинкой. Напоминало тыквенное, но было расцвечено всеми цветами, от обычных в растительном царстве красных и оранжевых до редких синих и лиловых, встречающихся только в мире цветов и бабочек. Под кожистой, твёрдой оболочкой сухие мозолистые пальцы Шептуна ощутили налитое, жизнеспособное тело.

Посадить было несложно. Проследил, куда пошёл сосед с мотыгой — ночь накануне и предыдущую криком кричал у него в доме младенец, а тут стихло. Проследил и заметил маленький взрыхлённый бугорок в степи. Вот и земля. Зола повителя — ещё проще. Звёздная пыль — поскоблил книгочей пластинку с созвездием, дал опилкам упасть в землю. Поймать первую каплю воды, упавшую с крыши, когда стал таять снег, тоже задача для ученика, задача на наблюдение и терпение. Первая капля упала прямо в горшок. Больше с тех пор не отведывал Шептун горячего варева, хотя пожаловаться на голод не мог — копчёной курятины было в достатке, и мука из обжаренного ячменя ещё имелаась.

Наступал тридцатый день роста, обещанного книгой, и было ясно, что надлежит делать. У монастырского пастуха, как у всех, одно лицо и одна спина. Обрушился сзади удар — и тьма, а очнулся пастух с обмотанной чёрным лоскутом головой. Пока рвал и сдирал лоскут — ищисвищи. Коня нет. Взбежал на пригорок — не видать ничего и никого в просторе, только стадо будто чем-то напугано. А пересчитал скотины — так и есть, одного козлёнка не хватает.

Кровью козлёнка в этот день насытился растущий. Живою — точилась она под корни, покуда козлёнок не испустил дух. Ни шкурой его, ни мясом пользоваться Шептун не собирался — когда стемнело, перебрал-

ся через ограду и оставил убоину там, где начиналась тропа к роднику. А вернуться под свою крышу без помехи уже не вышло. Заступили путь монастырские стражи.

— Стой! Имя! Признавайся — ты козу свёл?

— Пускай дыхнёт, я молоко почую.

— Дыхни давай!

Шептун дыхнул. Козьим молоком не пахло. Тот, что хвалился учуять, обнюхал и руки Шептуна. Молоком не пахло.

— Кровью пахнет, — заявил наконец страж. — Веди домой.

Заглянули в завалуху данника и в погреб. Кур резал, коптил, вон висят, пояснил хозяин. Далеко собрался? Стражи мялись, наконец, один вцепился в руку неговорчивого. Тот отпрыгнул, распрямившись бамбуковым побегом. Лишь чиркнули ногти хватавшего по коже, выделанной временем, как седельная. Зашелестело во тьме: «ссюда, ссюда». Быстрей ласточки прынул Шептун под дерево, что нынче поливал кровью козлёнка. Застучали вокруг шипы — тр-тр-тра-та — марш идущего воинства маленьких неуязвимых бойцов. Ветра не было, но заплескались ветви с грозным свистом. Не подойти было к хозяину теперь. Стражи сделали несколько попыток, но каждая кончалась стоном боли и проклятьями. Ударил вдалеке полуночный гонг. Звёзды начали отсчёт нового дня. А стражи всё не выпускали Шептуна из убежища.

Шептун умел спать и стоя, прислонившись к опоре, но не решался. То, что охраняет его — не столб калитки, чесать об это бока — может быть сочтено за оскорбление. Стоял и наблюдал, что ещё предпримут стражи. Медленно текли звёзды вокруг Железного кола. Движения стражей делались всё рыхлей и неуверенней. Вот один сделал выпад, взмах посоха — и задёргался, как муха в паутине, кряхтя от боли. Крепко дер-

жали крючковатые колючки дерева! Сразу две ветви вцепились в руку посягателя и тянули эту руку вверх и вперёд, туда, где стоял признанный ими повелитель. По рукаву расплзались мокрые тёмные пятна. Со стуком упал посох на ссохшуюся глину двора, пойманный пытался тормозить каблуками, но расстояние между ним и Шептуном сокращалось, а в шелесте ветвей слышался теперь мясной, хрящевой хруст. И книжник понял. Нож распорол горло полувисящего. Колючки тут же отпустили, и последнюю свою минуту оплошавший страж провёл в руках Шептуна у ствола дерева, орошая его соком жизни. А потом, как опустевший бурдюк, ополз к подножию.

Шептун перевёл дух и услышал дробный топот удирающего стражника, оставшегося в одиночестве. Теперь ветви дерева шелестели в невообразимой высоте. Плеском и клёкотом летящей на полночь гусиной стаи доносился их голос. Пока беглец подымет тревогу, пока настоятель совершит необходимые обряды, пока... — пройдёт немало времени. Он уложил мертвеца вдоль стены хижины, там, куда солнце не заглядывало, сложил как надо его руки и ноги, закрыл лицо полкой халата. И предался отдыху. Сегодня растущий получил пищу, о новой позаботиться будет пора с новым ударом полуночного гонга.

Однако отдыхать долго не пришлось. Земля, к которой обращено было правое ухо Шептуна, низким гулом дала знать: идут. Лязг металла слышался в том гуле, тяжкая поступь многих обутих в тяжёлые сапоги ног и клочущая в глотках мечь. Уже не за козлёнка — за собрата. То есть за право питаться подачью с округи, проводя месяцы летнего зноя в тени курмирен.

Солнце выжигало небосвод добела, как сковородку перед укладкой во вьюк. Но встав, Шептун его не увидел. Дом и двор полностью укрывало пятни-

стым шатром. Густые сумерки стояли под его сенью, осторожно приходилось ступать, иначе нога могла угодить в ров, проникающий в землю до сердца тьмы её. Рвы бежали от дерева к ограде, поглощая её по частям. Издали казался шатёр не то горой — бурые валуны, зелёные заросли, сизый ковыль, не то спящим драконом — бурая шкура, зелёная щетина, сизый дым из ноздрей. Поэтому идущие карать тоже не увидели ни Шептуна, ни его дома. Лишь калитку в обвалившейся глинобитной стене. И о том, что они рядом, догадался хозяин калитки лишь по неразборчивым возгласам. Точно из далёкого далёка донеслось обрывками: во имя Неба... нечестивец... триста воплощений — и ещё что-то, что Шептун уже не трудился разбирать.

Воду он запас вчера. Полную круглую тыкву воды. Еды не было: погребница раскололась, ушло всё в чрево земное. Неважно. Завтрашний день и послезавтрашний. И явится Великое.

Он не молился. К чему кричать о своём ничтожестве, если есть книги со строгим описанием того, что и как именно надо сделать — и что получится. Нужно это — действуй. Нужно другое — собирай сведения и ищи, опираясь на них. От малого к Великому.

К полуночному гонгу воды в тыкке убыло на треть. Рвов во дворе, напротив, прибывало. Выходить становилось всё труднее и опасней. Малую нужду Шептун справил, стоя на пороге. Он не видит монастырских усмирителей — значит, и они его не видят, а если увидят, будет то же, что вчера. Оскорбил он их взоры или нет. Видно, растущий сам знает, где взять ему пищу, Шептун при нём теперь вроде волка-загонщика в стае. Звон гонга шлёл над краем, каждый удар, разлетаясь искрами, обращался в созвездие Дуби-Асхар и синим пронзал тьму грядущего. Но не являлось из этой тьмы никого, в ком текла бы живая кровь.

Ночь теперь не отличалась от дня. Ни темнотой, ни прохладой. Зелёноржавые сумерки всё более бурели, багровели, наливались жаром. С порога едва виден был ствол дерева, весь точно из перевитых змей или исполинских повителей. Каждая толщиной с ногу Шептуна или даже со всё его тело. Их покрывала броня зазубренных щетин и колючек, то крючковатых, то подобных стилетам. Деревянных ли на ощупь? Не сказать уже, от ствола дышало огненно, как от угольев очага, не подпуская вплотную. Он знал, что сумеет подойти настолько, чтобы, полоснув по горлу очередной твари, брызнувшей струёй окропить своего грозного питомца. Но не ближе. Только где взять такой вот живой бурдюк, источник, жизни которого предназначено перелиться в жизнь созревающего Великого? И сколько ещё у него времени? Солнца и звёзд не видно, огненных часов нет. Лишь он сам, мерою времени и места, добра и зла. И, приблизившись насколько мог, он черкнул ножом левое запястье насколько.

Кровь ударила. Почти не видел — ощутил. Взмахнул рукой, чтобы капли долетели до ствола. Послышалось шипение. Слегка замутило, зыбкая волна слабости прошла по ногам, но он знал границу опасности, и лишь выждав два-три десятка ударов сердца, перетянул руку полосой ткани, отрезанной от полы халата. Шипение сменилось постепенно убаготорённым шелестом чудовищной листвы: «хх-рр-шшо... хх-рр-шшо...».

Полуночный гонг разбудил его. Рука не болела, лишь сердце билось как будто сразу в двух местах — одно в груди, другое в запястье. И хотелось пить. Он осушил и бросил за порог тыкву, ибо с пустыми руками встают перед лицом Великого.

Наточил нож — на ощупь, совсем темно стало в хижине. Вышел на порог. И там не светлее. Лишь отдель-

ные ржавые сполохи, тени света пробегают по стволу, по свивающимся древесным вервиям, точно каждое дрожит в усилении пропустить через себя некое густое вещество, сокращается, проталкивая комки. Еле разобрал: сдвинута, краем упирается в землю крыша его халупёнки. Так толсто стало дерево. И земли во дворе не стало — лишь разбегаются корни, сплетаются, горбятся, выпирают там и сям, заполняют своей массой всё видимое во мраке.

Кожу на лице стянуло словно невидимым пламенем. Так бывает, если бросить в очаг смолистый корень можжевельника — жарче всего он горит, розовым, неярким, но палящим огнём. А сейчас такой же жар шёл от дерева. И будто всё тело Шептуна съёжилось на нём, стало лёгким, высохло, как упавшая в самый сильный мороз птица высыхает к весне в комок перьев, лучших перьев для письма.

Высохло — этого нельзя было допустить. Влага ещё нужна. И пока не ушла вся — сорвал повязку с запястья и снова черкнул ножом. Боль — обычная, несильная, трепыхнулась пойманной птицей и замерла. Зашипела кровь на щетинах и шипах, заплескало, засвистало наверху. И впились крюки колючек. Всюду. В руки, рёбра, спину, лодыжки. Подхватило, скрутило, как сам, бывало, скручивал халат, постирав в озере дождевой воды. Где сейчас та вода... Сухим жаром будто заткнуло глотку, задавило крик. Руки тянуло вверх и в стороны, стонали на разрыв жилы. Ноги вырывало из суставов в стороны и вниз. И гудело тело, испаряясь, трескалась и рвалась кожа, не будучи более в силах вместить то, что было его плотью, а теперь удлинилось, вытягивалось силой неодолимой. Трижды и трижды трескалась на клочке, равном пальцу. Истекала кровью. И все соки, что были ещё внутри, устремились наружу — он чувствовал, как по ногам течёт жидкое и густое, разъедает трещины солью тела.

Спазма сжала желудок, он захлёбывался отвратительной жижей. Но сильнее всего был жар, словно сверху, от головы, шла по жилам вся теплота солнца, выжигая изнутри мышцы и кости. От очень сильной боли, Шептун знал, человек лишается чувств, и в этом его спасение — если бы душа не могла скрыться на время в преддверие тьмы и перебыть там самое худое, то разорвалось бы сердце. Однако его душа не желала благодетельного бесчувствия, и сердце тоже каким-то тёмным духом не останавливалось, не лопалось в клочки. Весь мир стал болью, чёрноокрасной, ревущей, как туча песка во время урагана, и не было ни пощады, ни даже голоса для жалобы.

Монастырские усмирители еле могли приблизиться к оgrade хижины Шептуна — та исходила зноем, как грудa кирпича после обжига. За ней творилось невиданное. Клубился мрак, словно извергаясь оттуда, как свет изливается из очага или светильника. Складывался в фигуру могучего дерева. Со стволом, точно сплетённым из многих толстых, змееподобных стволов. Что — змееподобных! Если бы были такие змеи, то пришлось бы признать, что старые сказки о драконах эльтаннинах — правда. А иногда было видно только бурую крону, ниспадавшую до земли, взволнованно живущую без ветра собственной опасной жизнью. От ограды бежали трещины, в них проваливались и исчезали ящерицы, суслики, конь начальника отряда вместе с перемётными сумами тоже канул в тачую — и ни ржанья, ни храпа, никакого либо звука.

Начальник после этого пришёл в ярость, обрушил копьём часть оградy, и саманные обломки рухнули во тьму. Низкий грохот их падения, на пределе слуха, нехорошо отдался у некоторых стражников в коленях. Оковало колени как свинцом, перестали они гнуться. И пошли разговоры о том, что-де, если там такой жар и дым, так ослушник сам задохнётся, и поделом.

Начальник пришёл в ещё большую ярость и пронзил копьём одного болтуна, оказавшегося ближе всего. Перебросил тело через оградy. Кануло в огонь и мрак. Разговоры стихли.

А на второй день стояния перед хижинoй крамольника, уже только так называли Шептуна меж собой монастырские, стемнело совсем, до крошечной черноты. И раздался страшный гул, от которого у людей пошла кровь из носа, а некоторые упали на колени, ибо они перестали держать. Во тьме лишь иногда удавалось различить стремящуюся на глазах вверх крону дерева, извивающиеся побеги, налитые рдяным железом, сплетённые в чудовищный ствол — а одним из побегов было человеческое тело. Истощённое, одетое в лохмотья халата, что рвались на глазах и спадали с него, а руки и ноги влетались, закручивались вместе со змеящимися верёвками, волокнами, составлявшими исполинский ствол, становились его частью. Корни тоже удлинялись на глазах, ползли во все стороны, обрушивая землю куда-то внутрь самой себя. Кто мог бежать, кинулись в стороны, но грохот и обвал достигали.

Добежать до монастыря удалось менее чем полдюжине стражей. А через какое-то время туда ощупью добрался гонец с требованием немедленного ответа, не пострадало ли от ниспешшего с небес дыма собранное в качестве подати — но нашёл одни обгорелые остовы зданий. Все гонги сплавились в подобие медных голов с кристаллической кожурой. В капликорольки слилась и свинцовая черепица. Растрескались яростно пышущие стены, когда истлели, обратились даже не в уголь, а в тончайшую сажу деревянные перекрытия. Уцелело лишь двое затворников, находившихся в преддвериях Прыжка Льва в Великую Пустоту — и только по глиняной трубе, выведенной в бывшие покои настоятеля, мог слышать их гонец.

— Ход зёрен света и тепла отведён тигром земного праха по разумению своему, и лишь льву чёрного простора дана сила действовать, — услышал он, прежде чем частицы его собственного тела вовлеклись, посредством жара, во всеобщий круговорот.

Аномалия была здесь. Причём не только магнитная, гравитационная и радиационная одновременно, но и аномалия альбеда. Такого не описывал ни один учебник, ни одна монография. Аэрофотосъёмка регистрировала тёмное, почти чёрное пятно — под определёнными углами такой эффект даёт вода. Озеро или болото. Но в неприметной долине между двух хребтов, заросших редкостной тайгой, не было даже родника.

Савостин вновь и вновь складывал карты — здесь! Вот оно, это пятно, вот мензульный столик, вот его координаты. С точностью до десяти секунд дуги большого круга. До двухсот примерно метров. Куда уж точнее.

Доползти сюда пешком от Чуйского тракта, почти от Ташанты, само по себе приключение. Неделя пути. По ночам дьявольски холодно, здесь за две тысячи над балтийским нулём, две с половиной, может быть. И переть на себе весь поисковый металллом удовольствие ниже среднего. А ещё жратва, карабины, котелок и прочее. Но дороги хотя бы для вездехода здесь нет. Поэтому нет и палатки — только шалаши. И спальники облегчённые, и Чорос, который знает все здешние травы, дичь и рыбу. И заменил своим знанием две трети жратвы по весу — крупа гораздо легче консервов.

Савостин ещё раз сложил карты со снимками. Взял снимки месячной давности и весенние, по только что сбежавшему половодью. Совершенно одинаково.

Одинаково... Весной и летом, в половодье и...

Почему ж родник не попался? Вода хотя бы для чая. Как Чорос без чая, местного, солёного, с копчёным салом? А ведь не пустыня. Трава. Жухлая, август, но...

Оказывается, он смотрит прямо на Чороса. Ему в висок, в мясистую скулу. Тот полуобернулся, кивнул:

— Сегодня бомба не ищем, вода ищем? Да. Внутри.

И потопал по ломкой, хрусткой траве каблуком.

— А близко?

— Сажень пяток, однако.

Первые, от кого Чорос научился русскому языку, были сектанты-беловодцы. И странный это был русский. С «самарским русским» геофизика Савостина имевший мало общего. Вместо метров — сажени, вместо килограммов — фунты и пуды.

Савостин с изумлением увидел, как Чорос прошёл десяток шагов, внимательно глядя под ноги, лёг на землю и приложил к ней ухо. Переполз метра на три, послушал там. Развернулся на сто восемьдесят градусов, головой туда, где были ноги — и в таком положении послушал.

— Речка, — сказал, не поднимаясь. — Водопад, однако.

— Копать давай? — полуспросил Савостин.

Пусто было в голове. Никак не ухватить было за хвост эту многопараметрическую аномалию. Места, где раньше хранилось оружие массового поражения, обычно узнавались по развалинам построек — кроме, разумеется, всех видов геофизической съёмки. Тут не было ничего.

— Тол есть? Лопата не пробьёшь.

— Как так?

— Труба. Каменный. Не пробьёшь.

Каменная труба — опера какая-то. Не счесть алмазов в каменных пещерах. О! Что он сказал?

— Пещера, что ль? Дак подо всей долиной, или...

А не видно снаружи... Вон кустик...

Выпаливал несвязное, а в голове точно фары приближались, разгоняя мутную мглу — и наконец выстроилось: не во всю ж долину эта труба, то есть пещера, растения откуда-то же берут воду! Трещины, протечки в трубе. Вон там пятно более сочной, более зелёной травы...

Уже темнело, а они с Чоросом копали и копали. Один уставал — лопату брал другой, а сменившийся шёл с топором наверх. Приносил одну жердь и несколько сосновых веток для шалаша. И снова копал. Почва была щебниста, хрустела и скрежетала под лопатой. Когда ушли на глубину больше роста человека, пришлось прерваться. Дальше нужен кто-то, кто будет стоять наверху и выбрасывать землю из ведра. Ужин — консервы и полфляжки воды. Завтрак — галеты и по глотку. Шурф медленно углублялся. Фляжка Чороса к вечеру опустела, как ни экономили. Ночью разостлали на земле майки и полотенца, утром из них удалось выжать почти кружку воды. Ура! Позавтракали, запивая галеты. Побродив по долине, Чорос нашёл какие-то листья:

— Жуй, меньше воды уйдёт.

Листья оказались кисловаты, и правда, перебили жажду.

Шурф углублялся. Уже не пили — только смачивали губы, жевали чоросовы листья. Есть не хотелось. Жажда совсем заглушила голод. Даже не слезились глаза, когда туда попадала земля. Молчали, — надо было держать рот закрытым, беречь последнюю влагу в горле: когда сомкнётся глотка всухую и не сможет проглотить — это будет конец. Болели глаза, потому что веки скребли по глазным яблокам с противным «хррр». Савостин — его черёд был стоять наверху — не уверен был, что видит Чороса в глубокой яме, что вообще что-то видит. Даже хвост верёвки, на которой болталось ве-

дро — вот, только что в руках держал! — даже он куда-то исчез.

Э! Как так исчез!

И снизу, словно эхом его мысли, донеслось:

— Э... э... э...

Должен был быть плеск, но плеска не было. Савостин схватил запасную верёвку, привязал на ощупь к жерди, выдернутой из шалаша, кинул жердь поперёк шурфа и полез. Почти свалился, цепляя сапогами стенки. Верёвка кончилась, а дна не было. Было что-то округлое, выпуклое, он схватился в охапку — и его понесло по спирали. Нет, по какой-то другой кривой. Вниз, но не прямо, не вертикально. Будто ехал по перилам, но завязанным лихими узлами. Да нет, не может быть перил, это от жажды мерещится, институт вспомнил, там последний... нет, крайний раз, крайний, не последний, ещё не закопали! — дурачился так. В пятки жёстко поддало, он не удержался на ногах и растянулся.

И некоторое время валялся, пока не сообразил, что лежит на мокром. Мокрое! Можно сосать! Какие-то капли влаги попадали в горло, доходили до скорёжившихся от безводья внутренностей. Стонал. Или кто-то рядом стонал. Наконец оказался в силах оторваться от мокрого песка и поднять голову. Чороса не было. Был сумрак, еле-еле брезжил в нём луч сверху, из жерла шурфа, и в этом еле серёньком свете начальник поисковой группы был один.

Один, ни шороха возле, вот только стон...

И ещё это, похожее на перила, на спираль, на узлы — нет, не на то и не на другое. Что-то дикарски мощное, плетёное из гнутых труб толщиной с человека. И эти трубы стонали.

Савостин встал. Его зашатало, и он опёрся на трубы. Снова опустился на колени и начал сосать песок. Заставил себя оторваться. Где Чорос? Обошёл вокруг ви-

той конструкции, перебирая руками. Это, что ли, он говорил, каменная труба? Под ноги попало дермаминовое ведро. Короткая лопата для рытья шурфов. Сам-то напарник где?

А вот эта вещь точно чужая.

Чашка, нет, пиала. Без ручки. Испачканная... Чем? Провёл пальцем, понюхал — пахнет чем-то съедобным, лизнул — сладко. И в ней... У них такой штуки точно не было. Огарок свечки! Понюхал и его. Пахло цветами. Или духами.

И всё время этот стон. Постучал по трубам. Нет, не трубы. Потому что не полые. Плотное внутри, сплетённая из стержней толщиной в мужское тело геометрическая форма.

Ноги заплелись — упал, опять пососал мокрое. Башка соображала всё лучше и лучше. Вот только стон мешал. Из этого подземелья ведь придётся вылезать. А как? Наверно, так, как тот, кто принёс пиалу. И свечку. Свечка ведь горела прежде, чем потухнуть. Нагар есть. И стеарин, или из чего она там, таким узором сплавлен — если бы уронили, как он ведро уронил, отбилося бы, помялось. Какого вообще размера пещера? Позвал негромко — «ау». Понеслись такие многосложные отзвуки, что стало ясней ясного: огромная, целое метро. Потеряешься. Как Чорос.

А кстати, все стержни плотные? Или всётаки трубы есть? Может, в трубу упал и стонет там? Снова застучал подряд. Плотная. Плотная. Камень. Камень. А вот — вроде тоже не пустая, а стон усилился. Там!

Обхлопал карманы. Зажигалка! Огонёк выхватил из сумрака ноги. Изваянные из камня босые ноги, ступни, пальцы которых сливались с поверхностью каменного ствола, плавно переходили в подобие ветвей. Бездумно провёл пальцем по чему-то похожему на кость лодыжки с его голову величиной — раздался негромкий, но полный боли вой.

Явно издаваемый живым существом. Рука отдрюнулась сама.

Чорос — не может быть. Тут всё из камня, камню нечем чувствовать. Это воображение разыгралось. Заняться делом, искать — и всё будет тип-топ. Добраться до стенки пещеры. Сделал два шага в сторону от каменной фигуры. Свет наверху исчез, темнота пала кромешная. Поспешно щёлкнул зажигалкой. Нет, нельзя! Кончится газ — и каюк. Всё же успел увидеть обширную пустоту вокруг. Стен скудный язычок пламени из тьмы не выхватил.

Вернулся, взял в руки верёвку, привязанную к ведру. Натянул. Можно, если не усердствовать. Не сдвигать с места ведро. Отошёл на всю её длину, метров десять. Опять щёлкнул зажигалкой. Вон где стена! В каких-то прихотливых узорах. Ну, да, здесь же сочится вода, она и постаралась. Чорос слышал даже водопад. К нему и пошёл?

Геофизик вернулся к каменным ногам и вновь поаукал. Только эхо. Подождал. Нет, никто не отзывается. И водопада не слышно. У Чороса слух острее. Если он пошёл к водопаду, тогда кто же стонет?

Стоп. Не о том думаешь, Гошка! Это же статуя. Ноги, вырезанные на камне. И тут кто-то бывает, свечки жжёт, сладости из пиалы пьёт. Чороса — они? Что они с ним сделали, где он... Дрожь нетерпения свела мышцы в ком жаркой готовности — бежать, драться. Опять замер, прислушался. Нет, только однообразный, выедающий мозги стон. Похоже, из статуи.

Мысли бились какими-то толчками, по штуке падали в пустую голову. Взял пиалу, насосал из песка воды, сплёвывая в неё. Полную. Вылил наземь. Куда потечёт? Водопад — в противоположной стороне, наверно. Уходит куда-то ниже, то, что удаётся высосать из песка — остатки, брызги от него, что ль. Руки уже отвязывали от ведра верёвку, расплетали. Две верёвки. Рас-

плести на нитки одну. Вторая-то понадобится — нужна хоть одна, способная удержать его вес. Помогал себе складным ножом. Получился клубок в несколько десятков метров. Уже не нуль. Пошёл «вверх по течению».

Приблизились, обступили стены. Раз, другой наткнулся. Когда бечёвка кончилась, и решился щёлкнуть ещё раз зажигалкой — он стоял в коридоре шириной метра полтора, высотой метра четыре. Казалось, что впереди стены сближаются, а свод потолка понижается. Хотя это могли быть шалости перспективы. Боковых ходов не было, и Савостин решился. Аккуратно положил верёвку, подошёл к левой стене, так же аккуратно поставил пиалу. Снова щёлкнул зажигалкой — сверился с компасом, компас всегда был в кармане. Ход шёл точно на юг. Вряд ли случайно. Побрёл, ведя левой рукой по мокрому камню.

Тьма давила на глаза. То и дело мелькали цветные пятна, прочерки, как в неисправном мониторе. Чудились то какие-то башни, деревья, то мёртвый или умирающий Чорос. Савостин тряс головой, отгоняя навязчивое — и вновь брёл, медленно, везя левой ногой по полу — здесь пол пещеры был уже не песчаный со щебнем, а сплошной каменный. Часто задевал правую стену — так сузился ход. Изо всех сил крепился, чтоб не зажечь зажигалку ради взгляда на часы. Что даст ему время? Надо найти Чороса, а там и водопад, а там и... Кажется, эта аномалия — не хранилище устаревшего, протухшего оружия, подлежащего вывозу силами войск ООН, и не бункер управления боевыми дронами. Статуя, пиала и свечка — не из той оперы.

Стон, звучащий в ушах всё время, начал меняться. Теперь явственно различались интонации, на которые могло быть способно только разумное существо. Разок

уже было — когда погладил каменную ногу. Он замер. Звуки приближались. Спереди. С юга. Кто-то шёл навстречу.

— Ау? — позвал он.

И понял, что видит. На камень легли отсветы. Еле заметные, но набиравшие силу. Жёлтые. Будто от лампочки накаливания, какие сохранились только по складам и бункерам. Звук приближался. Голос поющего без слов.

По глазам ударило с ослепительной силой. Звезда, сошедшая в подземелье. Хотя всего-то это был дрожащий огонёк свечи, укреплённой на островерхой шапке.

— Чорос? Там?

Поющий не удостоил ответом. А Савостину было некуда податься, чтоб хотя бы уступить дорогу — так непреклонно шёл навстречу этот человек в жёлтом плаще, украшенном живыми цветами. Не видит? А тогда зачем ему свет? Приблизился вплотную, не сбавляя шага — взметнулся плащ, ударило, взорвалась под ложечкой словно граната, и упал на глаза мрак. Когда поисковик отдышался, было опять темно.

А верёвка-то!

Поспешил назад. Теперь грёб правой ногой. Там, где стоит пиала, начинается верёвка. Без верёвки не выбраться... Паника прыгала в рёбрах, колотила маленькими кулачками по черепу изнутри. Вдруг воорвалось: а Чорос? Стало стыдно. Пиалы не попадалось. Но на верёвку наступил, когда снова увидел отсветы.

Неизвестный сидел на собственных пятках, коленями на мокром песке, и пел. Теперь — со словами, но языка Савостин не знал. Кажется, это был язык Чороса. Или похожий. Песня сливалась в двухгололье со стоном, шедшим из статуи. Между поющим и статуей на песке стояла пиала, кажется, та самая. И кувшин.

Как ни странно, пришло облегчение. Железная уверенность: на песке не Чорос, и в статуе стонет не Чорос. Очень уж было несовместимо это пение с повседневным поведением напарника, техника поисковой экспедиции ООН по обезвреживанию ОМП, Чороса Аргымаева. И геофизик подошёл ближе:

— Здравствуйте! Hello! Чорос?

Незнакомец опять не удостоил его ни единым движением. Видимо, обряд с пиалой и кувшином был для него самодовлеющ. Савостин ждал. Всё как бы исчезало постепенно: мокрая спецовка-энцефалитка, тяжёлые сапоги, усталые ноги, проблеск света далеко вверху, странный певец, каменная статуя-дерево... Нет, оно-то как раз осталось, оно и было песней, сплетались между собой и со звуками мелодии каменные стволы его, и ноги того, кто был тут со времён незапамятных, и Савостин, его дыхание, взгляд, мысли. Хотел встряхнуться — этак недолго и уснуть стоя, кто его знает, может быть, в свечке на шапке подмешано спайса какого-нибудь... стаффа... чем пахнет-то, обнюхался уже... А там светит звезда, и вокруг неё расходится прана знания и преобразования, но энергию разящую дерево из семени знания на Землю не допустит. Дичь какая. Похоже, проснуться-таки удалось, потому что пришелец совершенно наяву налил из кувшина в пиалу, отпил сам и протянул Савостину не оставляющим сомнения жестом.

Только что ударил, в коридоре, и вот. И вообще — посторонний, сектант, чёрт те кто.

Хотя будь это Чорос, он бы очень обиделся.

Или его земляк. Почему — чёрт-те кто? Человек или — дьявол задери, провались все эти условности! Уже провалился. И продолжать? Тьфу.

Решительно преодолел три шага, отделявших его от незнакомца, взял из рук его пиалу и отхлебнул. Очень непривычный вкус, но сладко. Похоже, козье

молоко, и что-то ещё добавлено. Вернул пиалу, тот плеснул на камень статуи, а потом снял со своей шапки свечку, опустил пиалу на песок и поставил свечку внутрь, прямо в молоко. И, посмотрев на Савостина, сделал жест, также не оставлявший сомнений: иди со мной.

На миру и смерть красна, мелькнуло в мозгу. Пропал человек, Чорос пропал — кто, как не люди, помогут его найти. Подземный ход был нескончаем. Некоторую часть его пришлось идти в крутой подъём, против бушующей, бывшей в лодыжки воды — у Савостина в сапоги не залилось, а во что обут спутник, он так и не увидел. Под водой были камни. Бульжники. И приходилось в абсолютной темноте, хватаясь за мокрые стены, ощупью ступать по ним, рискуя каждую минуту оскользнуться и грохнуться головой об камни в ледяной поток. Потом спутник сказал что-то предостерегающее и остановился. Вода рокотала — вот теперь водопад был рядом. По ногам било камнями, в лицо летели брызги. На миг подземелье озарилось вспышкой — это провожатый высек искру огнём. В двух метрах перед путниками колебалась занавесь воды, низвергавшейся откуда-то изпод неизмеримо высокого свода. Он успел увидеть карниз, огибающий чашу водопада по краю.

Достал зажигалку. Если уж не на такую крайность, так на лешего она вообще. Мальый в плаще шёл невозмутимо, явно зная на ощупь каждую пядь камня. Савостин ступил на мокрый и скользкий карниз. Камни шатались под ногами, огонёк дрожал, но он преодолел вслед за плащом метров пять над пропастью, поглощавшей часть воды водопада. За карнизом был такой же идущий в гору подземный ход, как тот, между статуей и водопадом, только сухой. Он окончился в крохотной круглой на ощупь каморке. Рука незнакомца сильно толкнула в плечо — назад и вниз, и Са-

востин упал. Шорох плаща подсказал, что провожа- тый лезет куда-то вверх. Мешать ему глупо, только он может вывести отсюда. И Савостин снова щёлкнул за- жигалкой — да, тот полз по круто наклонному ходу вроде горлышка очень большого кувшина, без всяких ступенек, без верёвок, просто на животе по шершавой поверхности. Вот обрез горлышка — мелькнул силь- ный, почти ослепительный свет — и всё, опустилась какая-то крышка, раздалось «пумм!», говорящее о гер- метичности запора.

Вскочил было с полу, даже крикнул «эй, там», да что уж теперь. Вот это попал.

Некоторое время стоял, прислонясь к стене. В горах, в тайге, у чёрта на рогах, даже под землёй — сам себе хозяин, и потому — помоги себе сам, тогда чья угодно помощь впрок. А под замком? Что можно сделать в ка- менной клетке, где даже шагу не ступить?

Чороса, видно, тоже в такую же засунули.

А ведь сюда же как-то вошли? Снова в ход пошла за- жигалка. Да, вот — заложенный плитой проём. Ког- да заложили? Почему не увидел и не услышал? По- трогал — больше всего похоже на глину, обожжён- ную глину. Постучал костяшками. Глухо. Как в тан- ке. В полу есть отверстие. Понятно. Из него даже слег- ка тянет сквозняком. И ничем не пахнет. Тоже вполне вписывается — если здесь такие подземные пустоты. Попробовал одолеть горлышко. Таки да, по шерша- вому не скользко. Круглая плита закрывает отверстие плотно. Водил и водил пальцами, уже на ощупь. Отко- лолась и с сухим скоком полетела вниз крошка глины. Ну, раз ты крошишься... Пошарил по карманам. Вот и складной ножик.

Намгбу сидел перед светильником и всё слышал. Не ушами, конечно. Если смотреть на фитилёк точ- но в том месте, где начинается пламя, где невиди- мая часть пламени переходит в видимую, то начина-

ешь чувствовать эхо того, что чувствует дух поглоти- теля. Этому он учился много лет подряд. Сроки исте- кали, исчисленное звёздами подходило к концу. Кото- рый должен стать новым началом, ибо истинной, со- вершенной пустоты нет в мире вещей — конец пре- бывания в одном воплощении есть новое воплощение. Одиннадцать тысяч дней пребывания в потоке силы, лепящей твердь из пустоты, за каждое пролитие жи- вой крови. Выдержать боль, рождаемую столь мощ- ным усилием растяжения, можно только обладая ка- менным телом и не обладая сердцем, о чём позаботи- лись те, кто направляет ход зёрен тепла и света. Мож- но смягчить эту боль вестью грядущего освобожде- ния — возлиянием напитка из молока и мёда, насто- енного на первых ростках шамбалы. Ежедневно он но- сил поглотителю этот напиток. Возливал его с пением мантры призывания на землю праведности. В нынеш- нем своём воплощении он отмолил уже три пролития живой крови, а до того делал это же, находясь в дру- гом теле.

Он слышал стоны поглотителя. Уже несколько де- сятков дней, считанных звёздами, тот не только сто- нал не смолкая, но и присоединял свой голос к пению Намгбу. Обратившись мыслями к настоятелю хий- да, пожелав ему в душе долгой жизни, услышал под- тверждение своей догадки: грядёт обещанное.

Зачем те, кто направляет ход зёрен, прислали чу- жих — пока не знал. Один чужой был поглощён водо- падом — Намгбу прочитал его мысли, полные стрем- ления к воде — следовательно, обрёл искомое. Другой чужой совершил с ним вместе одно возлияние. Прав- да, вначале чуть не помешал должному. Но в итоге сам вошёл в преддверие Прыжка Льва в Великую Пу- стоту — следовательно, так проложена была линия его судьбы. Вопросив духов: нужна ли новому избранно- му телесная пища? — Намгбу получил ответ: нет, ибо

он не стремится к покою, дух его не сыт совершённым в нынешнем облике. Следовательно, бесполезно насыщать тело, ибо у несытых по природе горло делается тоньше волоса, обрекая их на муки голода в течение четырёх тысяч лет, считанных звёздами.

Консервный нож почти источился о глину, фактически кирпич — это Савостин знал на ощупь. Он проковырял в плите, запиравшей его узилище, выемку, где помещался кулак и полруки до локтя. Сколько ещё осталось — не знал. Еды нет. Воды нет. Без воды человек может суток пять-шесть. И всё, амба. Пока шурф копали, убедился, что не слишком вынослив по этой части. Значит, надо торопиться, сколь можно. Ковырял непрерывно, лишь изредка отдыхал лёжа на дне круглой своей тюрьмы, из горлышка сползал, если задрёмывал прямо у работы. Выковыриваемую крошку сметал вниз, в отверстие. Самая тонкая пыль забивалась в нос, в глаза, коркой вставала в горле и где-то ниже. Корка трескалась, выступала кровь. Она тоже ссыхалась в корку и воняла. В жизни не доводилось Савостину нюхать более мерзкого запаха. Отвращение стояло в горле колом — хуже жажды, нарастающей слабости и муторной пустоты в коленках — он знал, это страх. И тогда стискивал зубы, и снова долбил и скрёб проклятую глину.

И настал момент, когда нож пробил что-то — и чуть не выпал из руки. Савостин заорал — «а-а-а!» — но горло перехватило, он мучительно закашлялся. Солёная кровь и кирпичная пыль вязли на зубах и забивали дыхание. Наконец совладал с кашлем и сколько-то лежал в изнеможении, стараясь не отрубиться и не сползти вниз. Вряд ли бы смог снова подняться.

Долбить, долбить, ещё, ещё. Рука ушла в дыру по локоть. Острые края ломались под пальцами. Высунуть руку наружу и ощупать. Верёвка! Захватил

и потянул. Изо всех сил. Верёвка шла сверху, и похоже, на ней висело что-то тяжёлое. Втянул внутрь петлю, взялся обеими руками и налёг всем весом. Усилия были впрок, петля вытягивалась всё глубже в камеру. Вдруг Савостин осознал, что ноги его висят свободно. Плита в днище огромного кувшина, оказавшегося для него ловушкой, отошла куда-то. И мало того, снизу идёт свет.

Чуть не заорал снова, но вовремя сообразил, что нельзя. И отпускать верёвку нельзя, пока не выпростаешься из кувшина весь. Тянул, тянул, тянул, упираясь плечами и ногами в стенки. И опускался всё ниже. Пока не увидел ослепительное сияние и не ощутил ногами твердь. Только тогда выпустил из рук верёвку — и услышал над головой глухой удар: пумм! А сам, не в силах устоять прямо, осел наземь и очутился лицом к лицу с кем-то, сидящим скрестив ноги.

Похоже, сидящий его не видел. Закрыв глаза, слегка раскачивался перед плоской, в которой плавал горящий фитилёк. Савостин некоторое время привыкал к свету, потом рассмотрел совсем молодое лицо, без бороды и усов. Бритая голова, жёлтый плащ, не то в заплатках, не то в каких-то нашивках. И рядом кувшин. Длинный, узкогорлый, с ручкой. Схватил, себя не помня. Булькает! Выхлебал залпом — необыкновенно вкусное! Кое-как встал, и в это время сидящий очнулся. Чёрные узкие глаза распахнулись в поллица, дёрнулся рот, но парень тут же овладел собой и заговорил не то запел, глядя сквозь стоявшего перед ним. Молится, понял поисковик. Стараясь, чтоб не вышло грубо, взял малого за плечо и слегка потряс:

— Пошли наружу. К людям.

Теперь горло повиновалось, и можно было говорить.

Тот смолк и поднял голову, но не понимал. Савостин показал на плоску, потом на парня. Тот догадал-

ся, взял плоску и протянул Савостину. Поисковик покачал головой и заперебирал пальцами — «пойдём». Вот тут черноглазый понял. Пошли — он впереди, Савостин сзади.

В это время Намгбу услышал страх ученика, призывавшего мир к беспокойному духу затворника. И почувал, как душа ученика исчезла куда-то из управляемой им духовной сферы. Послал свою душу вдогонку за нею — но нигде в доступных тонкому зрению трёх ближайших к материальному миру оболочках она не обнаруживалась. Вдобавок ощутил брешь в собственной оболочке тонкого тела. Что-то угрожало спокойствию самого Намгбу. Рука привычно нащупала чётки, где бусины из слоновой кости чередовались с янтарными и агатовыми. В уме столь же размеренно-обыкновенно поплыл текст молитв, призывающих мир. Сыпалась дробь мгновений, иссушающих, изнашивающих плоть, близился конец его земного срока, вечная карусель во-площений продолжалась.

Фитилёк в плошке освещал лишь стены и пол из цельного, грубо тёсаного камня, но не путь и его цель — надежда была лишь на то, что вожатый помнит, как попал сюда сам. Тот мурлыкал под нос прихотливые мелодии с непонятными словами, потом нащупал руку Савостина и потащил его за собой. Проход был узок, обоими боками приходилось отирать стены. Прошли несколько поворотов, миновали входы в такие же узкие щели, два или три раза проход расширялся в нишу, где стояла статуя или висел пучок сухих цветов. Ход привёл к тяжелой кованой двери. Преодолев её под скрип петель, они очутились на площади, мощёной квадратными плитами, среди поистине циклопических зданий. Свет бил и терзал глаза. Сверху нависал обрывистый, скалистый, бурооранжевый от лучей низкого солнца гребень горы, вонзавшийся в фиолетовое небо. Его мощь скрадывала мас-

штаб, делала постройки зрительно скромнее, но даже меньший из трёх окаймлявших площадь флигелей этого исполинского замка раз в тридцать превосходил рост человека. Вот этого бритоголового парня. Ростом он с один тёсаный каменный блок. Таких блоков в стене штук тридцать по высоте. На родине, в той же Самаре, это была бы десятиэтажка.

Перед глазами Савостина зарябили точки и чёрточки — очень уж отвык от света. Переждал, пока зрение заработает. Вожатый не торопился.

Теперь бросилось в глаза, что стены построек куда темнее скал, взмётывающихся в небо — и не потому, что там, наверху, больше солнца. Как будто закопчены пожаром. Верх стен местами разрушен. Похож на скальный гребень. Тот — хлестало дождями, морозами, жёстким излучением миллионы лет. И не изгладило. Эти стены — может быть, сотни лет подвергались тому же самому. А отремонтировать некому. Ну, кто здесь ещё есть, кроме запершего глиняную ловушку и вот этого парня?

Они пересекли площадь и вошли в такую же дверь, из какой вышли. Ручка была в виде языка, свисавшего из пасти змеи — нет, не змея то была, а змей. Дракон, извивающийся чешуйчатыми кольцами. Чешуя казалась оплавленной. Оплавлены, полустёрты были и черты лица, и фигура сидевшего на драконе всадника. Да и ручку словно измяло — лишь бронзовый блеск, наведённый руками, иногда берущимися за неё, говорил об обитаемости места.

За дверью был зал, тускло освещённый окошком под самым потолком и такой же масляной плоской, как у бритого парня. Кажется, опять галерея статуй. Дальше этого зала их не пустили. Такой же молодой и бритый, в таком же латаном плаще, прямо брат-близнец, шагнул навстречу и произнёс повелительную фразу. После короткого разговора исчез и вновь

возник с чашкой и лепёшкой в руках. Еда! Оказывается, Савостин был зверски голоден. Сжевал лепёшку, не разобрав вкуса, выхлебал чашку единым глотком — кажется, это был местный жирный и солёный чай. Горячий, аж слёзы брызнули. Но после него тело стало лучше слушаться.

— Лацаб ждёт, — сказал «близнец». И добавил, поманив рукой: — Зюда.

Савостин понял: сюда. «Ждёт» — тоже было понятно. Кто ждёт — выяснится по месту.

После каких-то запутанных тёмных коридоров он очутился в комнатке, увешанной цветными, расписными тканями, совсем без окна, освещённой свечами, горевшими необыкновенно пахуче. В углу сидел, собравшись в комок, сморщенный старичок. А рядом, прямо на полу, была устроена постель, и на ней, запрокинув голову, спал Чорос.

Водопад остался позади, и порядок движения процесса восстановился. Во главе шёл лацаб — правая рука настоятеля монастыряхийда, тот самый сморщенный старичок. Это он услышал предсмертный ужас Чороса, падающего в бездну вместе с дикой, бешеной водой. Яростно борясь за жизнь, сибиряк сумел зацепиться за камень в крошечной тьме, заползти в пещеру ниже уровнем, отдышаться. А потом лацаб целые сутки жёг курения и призывал долгую жизнь тому, кто избран принести весть — и призывы эти достигли внутреннего слуха бедствующего, и он полз и полз по никем не хоженым уже тысячу лет норам и щелям, пока не встретил служку, посланного лацабом. Только тут последние силы покинули техника поисковой экспедиции — но уже там, куда не пускают смерть просто так. Теперь оба члена поисковой группы, перепоясанные синими шарфами, символизирующими небо и разум, шли за Намгбу, который держался от лацаба в двух или трёх шагах и делал привыч-

ное — нёс приношение из молока и мёда. А позади поисковиков шли два послушника с гирляндами цветов и пели мантры.

Намгбу, скрестив ноги, сел перед каменным столом, на котором Савостин заметил изваяние, и возлил напиток. Поставил свечку в пиалу. Поплыл благовонный дым. Колыхались в дыму стены пещеры,плыли, искажались лица и тела стоящих вокруг. Сливались в двухголосие стон, идущий из камня, и песнопение. Потом присоединился третий голос. Низкий, слышимый даже не ушами, а костями, коленями, хребтиной. Дрожь пронизала геофизика, ноги сами сорвались с места... куда? — нет, это подбросило, оторвало от земли силою самой земли. Столп из многих витых стволов дрожал и расседался, сыпались камни, и вдруг Чорос крикнул:

— Человек! Упадёт!

И стремглав кинулся вперёд. Басовый гул Земли перешёл в грохот, столп рассыпался окончательно, Чорос стоял среди обломков и держал почти что на руках человека. Савостин перемахнул грудю камней одним прыжком и подхватил бессильное тело. От него пахло скотным двором, терпким потом, дымом и травами. До того резко, что выедало глаза. Открылся беззубый рот и прохрипел какие-то слова. Сбоку раздался стон лацаба — полузасыпанный камнями, ветхий монах нашёл-таки силы привстать и ответить ясной, звонкой фразой. Чорос дёрнул головой в сторону начальника и сказал:

— Говорит, деревом звезду снял с неба. Тебя выбрал, тебе семечко дерева.

Пречистенка оправдывала своё название — снег падал действительно пречистый. Плавно снижаясь, голубоватый, крупновырезной. Как диковинная небесная листва в листопад. Савостин сидел в рядах для приглашённых гостей и слушал. Докладывали здесь,

в рериховском центре, только что восстановленном по случаю столетия памяти Николая Константиновича, те, кто разбирался. А он, среди таких же, имеющих отношение, но сбоку — слушал.

Над кафедрой висела карта звёздного неба Северного полушария. Только что некто возбуждённый, словно фехтуя указкой с неведомым противником где-то в Тельце, вывалил на слушателей охапку цифр, относившихся к сверхновой SN 1054, к Крабовидной туманности. Перемежая астрономию с чтением отрывков текста почти что на родном языке Чороса.

Книгу, из которой были выписки, Савостин видел. Там, в обгорелых стенах под оранжево-кирпичными скалами и фиолетовым небом. Почти чёрный, очень тёмно-бурый кожаный переплёт, выдавший на своём веку — своих более чем двенадцати веках, говорил лацаб, сморщенный старичок по имени Болсан — пожары, нашествия, расклейки, клейки, руки многих читателей. Болсан знал по-русски десяток бытовых фраз, не больше. Понимал его только Чорос. И как мог, переводил.

Выходило, что в тысяча пятьсот девяносто седьмом году — это уже в Москве Савостин узнал, что от тибетского счёта Болсана нужно отнять пятьсот сорок три года, тогда получится 1054-й год новой эры — человек, которого выбрали где-то там, далеко, посадил в соседней долине семечко дерева. Дерево выросло — и в урочный день проглотило, Чорос сказал именно так, весь жар огня, который зажгли — тут техник опять долго подбирал слово, но в конце концов решился и выдохнул: духи, то есть черти. Где-то там, не на Земле. Однако, чтобы вырасти, оно вначале проглотило того, кто выращивал. Сделало своей частью.

А в других краях, например, в стране жёлтого царя, огонь в небе было видно днём. Ярче солнца го-

рел! И люди убивали людей, и были болезни, и высохла вода в реках.

— Жёлтый — китайский, что ли? — спросил Савостин у товарища по маршруту. Слово «китайский» Болсан, оказывается, знал — и закивал.

— Итак, — возвысил голос докладчик, — нашей группой был исследован переплёт данного манускрипта. При рентгеновском просвечивании внутри была обнаружена металлическая пластина с отверстиями, расположение которых соответствует расположению звёзд в созвездии Малой Медведицы. Изображение созвездия ориентировано: Полярная звезда находится сверху пластины. Получив разрешение на вскрытие переплёта, мы извлекли пластину и в ультрафиолетовых лучах сфотографировали в нижней её части ещё одно изображение созвездия, не чеканенное, а травленое и простым глазом в обычном видимом свете незаметное...

Рядом с картой появилась увеличенная фотография. Действительно. Вот указка коснулась карты — Орион, вот фотография — тот же контур. Орион, и точно. Одна звезда словно бы выделена. На современной карте — Бетельгейзе.

Вот к чему он про сверхновую, про Крабовидную заправлял, подумал Савостин. Там — тысячу лет назад, а сейчас от этой ждут такого же взрыва.

— Кроме того, — продолжал докладчик, — наряду с пластиной был обнаружен объект предположительно растительного происхождения, скорее всего — зерно. Сейчас оно передано в Ботанический институт имени Комарова на предмет установления видовой принадлежности, а также определения всхожести...

Савостин глянул в окно. Снег прекратился. Вызвездило. Орион висел над крышами, и Бетельгейзе бархатно переливалась красно-оранжевым. **□**

Лепестки клевера

Ольга Цветкова

Родилась в Ярославле. Окончила школу с углублённым изучением английского языка, а в дальнейшем — Ярославский Государственный Технический университет по специальности «химик-технолог» с красным дипломом. Первое время работала в конструкторском отделе на Ярославском шинном заводе, потом кардинально сменила род деятельности. Поработала журналистом в корпоративной газете, копирайтером, SMM-специалистом. Сейчас работает специалистом по маркетингу в IT-сфере. Серьёзно занялась писательством с 2013 года. Публикуется в различных сборниках и журналах. Помимо рассказов в жанрах фэнтези и фантастики, написаны два романа. За мужем с 2010 года, в 2015 году родился сын. Постоянный участник различных сетевых литературных конкурсов и отборов.

Однажды ей приснилось, что она умеет летать, и Клевер шагнула из окна. Папа говорил, что именно тогда пропала память и появились эти уродские шрамы на спине. Папа говорил, что они очень красивые, и любил смотреть на них.

Уродские.

— Клевер, девочка, иди ко мне.

Она ненавидела идти. Получалось всегда так медленно, вместо ноги вечно поднималась рука. А ещё эти вездесущие углы, все плечи в синяках. Больно.

Сначала всегда стоило пошевелить мизинцем на правой ступне, так легче начать. Потом на левой, снова на правой... Не запутаться в подоле.

— Иду, — Клевер понадеялась, что папа услышит её хрип.

После утреннего чая язык приклеивался к нёбу намертво. Почему папа улыбался, когда пил чай? Она едва сдерживала рвоту от горечи. Гадский чай.

— Вот так, моя счастливая девочка, молодец! — Папа поднялся навстречу.

Дверной косяк не дал ей попятиться. Клевер больно стукнулась затылком.

Папа приблизился, погладил по щеке двумя пальцами.

Кожа на его руках была бледно-розовой, как ветчина, которую он за завтраком клал на тост. Клевер иногда представляла, будто он случайно откусывает себе палец. Бледно-розовый. Совсем не такой, как её собственные — смуглые, отдающие зеленцой. Папа не был похож на неё настолько сильно, насколько вообще могут быть непохожи люди.

Он резко развернул её спиной к себе так, что лоб звонко ударился о стену. Бам! И ещё несколько «бам» раскатилось внутри головы. Но стоять так, с опорой, стало легче, серый узор на обоях почти не плыл. Клевер упёрлась ещё и ладонями. А потом в нос ударил му-

скусный запах его духов и лопатки свело судорогой. Папа её коснулся.

Это было легко, просто дёрнуть завязки широкой шнуровки на сорочке, и его ладони легли на спину. Безошибочно нашли длинные шрамы.

— Какая ты красивая, дай на тебя посмотреть.

Он прижимался и отстранялся, дышал тяжело в спину. Клевер привыкла терпеть это. Противно, когда касаются эти ветчинные пальцы, и тягуче от чего-то несбывшегося, что должно быть не так и не с ним. И не здесь.

Папа раздел её и уложил на кушетку лицом вниз. Клевер повернула голову и вяло отметила, что он уже успел снять штаны, и короткий член дурацко болтается между ногами.

— Отвернись!

Она не хотела, там было нечем дышать, но папа без усилий вжал её лицо в тощую подушку.

— Вот так, руки сюда. Не шевелись. — Клевер услышала медленно отдаляющиеся шаги. Слишком медленные, будто он в любой момент был готов подскочить и поправить плохо лежащий палец, — не шевелись, не шевелись, вот так.

Сопение. Шорох. В голове так мутно, что даже лёжа кажется, будто кушетка под грудью куда-то уплывает...

— Я кому сказал, не шевелись!

Держать руки за головой совершенно невозможно.

— Не шевелись, дрянь!

Клевер слышала, как папа сорвался с места. Он оказался близко слишком быстро и почему-то — с чайником. Чай уже был холодный. Холодный и оттого мерзкий вдвойне. Папа схватил за волосы, задрал ей голову.

— Почему ты не можешь просто замереть? — Едкая дрянь полилась в горло до захлёба. — Разве это сложно? Просто не шевелиться.

«Хватит, хватит, хва...» — у Клевер не получалось кричать, она только булькала через кашель. Попыта-

лась отстраниться, вырваться, но даже одной рукой он держал её легко, как тряпичную куклу. От вязкой горечи желудок скакнул к горлу.

Её вырвало фонтаном. И снова — до рези в животе, до боли в груди. Она залила и пол из старого дерева, и рубашку папы. Чудом не попала на него самого. Пусть подавится своим чаем!

— Сука, дрянь! Всё испортила!

Он растопырил руки — наверное, чтобы не коснуться блевотины — и вылетел из комнаты. У Клевер не осталось сил, чтобы бояться его возвращения.

Почему-то в голове стало так светло и ясно, будто солнце разогнало густой и душный туман. И как легко было поднять руку и пошевелить каждым пальцем в нужном порядке. Словно та на-самом-деле принадлежала ей.

Клевер вся принадлежала себе.

Она поднялась, шатаясь, но теперь — от слабости, а не от мути в мозгах. Комната такая чёткая, почти острая. С мозаикой книжных переплётов на полках, рассеянным голубоватым светом, огромным шкафом с тонированным стеклом. За ним чернело что-то — высокое, до самого потолка.

Ноги снова стали ватными, и сердце заколотилось под самым горлом.

В этой комнате, в этом месте — больше быть нельзя! Клевер бросила быстрый взгляд на жуткий шкаф — будто кто-то вот-вот выпрыгнет оттуда. Пока голова может думать, пока руки и ноги подчиняются, пока нет больше чая. Пока папа не вернулся.

В глубине коридора слышался шум воды. Сколько времени надо, чтобы отмыть блевотину? Не настолько много, чтобы искать карточку, которой папа открывал входную дверь. А пытаться выбить десять сантиметров металла — конечно, глупость. Хотя сей-

час даже расколоть о них голову казалось лучшей идеей, чем просто остаться.

Окно.

Его не было смысла запереть, ведь за ним только облака. Клевер иногда смотрела через стекло на город — яркие точки аэромобилей, нитки улиц, заплетённые в мерцающую сеть. Всё это настолько далеко внизу, что даже падать будешь целых две вечности.

Чтобы выжить, понадобится слишком много удач, даже у папы столько не найдётся. А он был чертовски везучий убудок.

Клевер вцепилась в тонкую ручку, дёрнула изо всех сил вверх. У окна открывалась только маленькая секция, в которую и ребёнок бы едва пролез, но Клевер была тонкой и, оказывается, гибкой. Она выбралась на узкий, в четверть стопы карниз, и ледяной ветер хлестнул пощёчиной. Внизу не было ничего, только блестящие стёкла, отвесно уходящие в бесконечность.

Клевер шагнула.

* * *

В ушах засвистело, холод уколол кожу. Падение слишком быстрое — вниз, вниз, вниз.

Но страха почему-то не было. Наоборот. Слишком уж хорошо для той, кого сейчас размажет о землю. Или ещё быстрее — о крышу аэромобиля. Стёкла, стёкла, стёкла. Стёкла с отражением неба.

Вдруг ветер сменился. Вместо холодного, рвущего во все стороны — горячая, мощная тяга. Будто включили огромный пылесос.

Клевер резко втянуло в широкий зазор в стене.

Она упала боком на что-то шершавое. Панели на стене закрылись обратно и стало темно. Только вдали перемигивались красные и зелёные огоньки.

То, на чём лежала Клевер, неожиданно пришло в движение и потащило её к огонькам. Она испуга-

лась, только когда услышала металлический лязг, будто сотни ножей клацали друг об друга. И звук этот неумолимо приближался. Клац, клац. Что там? Переработка брошенного из окна мусора? Но она не мусор!

Клевер дёрнулась в сторону, ударилась обо что-то плечом и головой. Поползла, спотыкаясь, в другую сторону. По её телу скользнул кислотно-зелёный луч.

— Я живая!

Она крикнула, ни на что не надеясь — если бы здесь были люди, сами бы уже заметили ошибку. И тут раздался протяжный сигнал, движение прекратилось. Зажёгся свет.

Клевер увидела ту чудовищную махину, которая перестала наконец клацать. Внутри не оказалось ножей — только здоровый пресс, за которым уходили вдаль чёрные недра трубы.

Сама Клевер лежала на широкой ленте, а ударилась, видимо, о высокую раму сзади. Там же, где по ней скользнул луч.

Она резво соскочила на каменный пол. Ещё не хватало, чтобы кто-то пришёл сюда, стал спрашивать, почему откуда-то свалилась голая девица. Только куда идти? Клевер огляделась — почти всё длинное помещение занимали трубы, механизмы... А потом она заметила лестницу в углу. Над ней — крохотная комнатка, освещённая жёлтым светом. А внутри — экраны, стул... Клевер метнулась туда.

Дальняя дверь в комнатке наверняка вела наружу, но пришлось задержаться на минуту. На крючках висели засаленные рабочие комбинезоны. Грязно-жёлтые, огромные, но это была одежда. Лучше, чем ничего. Клевер влезла в самый маленький комбинезон из трёх, а потом дёрнулась к двери.

За ней был коридор. И свобода.

* * *

Клевер долго бежала, не разбирая дороги, почти не глядя. Город слился в месиво звуков, красок, огней. Она хотела спрятаться, забиться куда-нибудь, где папа точно её не найдёт. Но улицы казались выпилёнными из цельного блестящего куска. Витрины магазинов сплавлялись с широкими окнами кафе, дверями гостиниц, кинотеатров, а потом обрывались на широкие проспекты с бешеным током аэромобилей на много ярусов вверх.

В одну из дверей Клевер даже попыталась войти, но на неё обернулись решительно все, даже камеры. Наверное, голой она бы привлекала и то меньше внимания, чем в этой стрёмной робе.

И снова бежать, пока лёгкие не начали гореть. Дом папы был уже так далеко, но Клевер не могла заставить себя остановиться, перестать видеть в каждом бледном лице — его. Эти глаза навькате, вечно блестящий лоб, тонкогубый широкий рот.

К ночи она могла только упрямо брести, останавливаясь после каждого шага. Город уже переменялся почти до неузнаваемости, а Клевер всё равно оглядывалась, выискивая огромный стеклянный дом, из окна которого шагнула.

Здесь торговали мясом прямо на улице, и запах шёл такой, что казалось, можно откусить воздух и наестся. Живот заурчал, напоминая, что в нём нет даже чая. Но лучше уж сдохнуть от голода, чем вернуться.

Клевер тихо скользнула в тёмный проулок — там-то папа точно не будет искать. Шаг за шагом двигалась вглубь. Вдалеке над крыльцом тускло светила грязная лампа. А между крыльцом и Клевер, на границе света, кто-то возился. Кто-то небольшой, так что можно было не убегать. Даже подойти чуть ближе.

Девушка. Она сидела на корточках, отчего длинная майка задралась до задницы. Ботинки на платформе,

ме, зелёные гольфы выше колен, чёрная куртка. Клевер хотела бы носить что-то подобное, а не бесформенную робу, в которой она напоминала тощую курицу в мешке.

Девушка что-то сосредоточенно вертела в пальцах, унизанных кольцами на все фаланги. Кошелёк? Только теперь Клевер разглядела, что тёмная куча под ногами девушки была человеком. Мужчиной, валявшимся на боку в странной позе.

Клевер молча наблюдала. На девушке была забавная вязаная шапка зелёного цвета. Когда она съезжала на глаза, та поправляла её сгибом запястья.

Наверное, Клевер смотрела слишком громко. Девушка вдруг резко, как зверёк, обернулась. Мгновение ярко накрашенные глаза смотрели с ужасом, а потом девушка прищурилась и скривила губы:

— Чего смотришь? Это не я его грохнула, он тут уже валялся, когда я пришла.

— Мне вообще без разницы.

— Ну и вали тогда отсюда. — Она отвернулась и продолжила рыться в очевидно пустом кошельке.

Клевер осталась на месте. Не из упрямства, просто, остановившись, она поняла, что больше не может сделать и шага. Ноги снова чужие и непослушные, почти как дома, только теперь голова оставалась ясной. Да и эта девушка не казалась опасной, следить за ней было даже интересно. Она отбросила кошелёк и полезла в задний карман штанов мужчины. Снова оглянулась:

— Так и будешь пялиться?

— Ага, — кивнула Клевер. — Валить мне всё равно некуда.

Девушка посмотрела на неё внимательнее.

— Тогда хоть помоги, эта туша капец тяжёлая.

Она начала переворачивать мужика, демонстративно пытаясь. Клевер приблизилась, чуть приостановив-

шись в паре шагов — ещё можно убежать, если что. Хотя кого она обманывала.

Девушка с силой пихнула тело, Клевер встала рядом и тоже принялась толкать. Вместе они быстро перевернули мужика, и тот с протяжным храпом шлёпнулся спиной на асфальт. Живой всё же... Девушка стала шарить в его нагрудных карманах и, не глядя на Клевер, спросила:

— Ты какая-то странная, из выроdkов что ли?

— Нет, — отозвалась Клевер, хотя и не знала, кто это такие. Наверное.

— А откуда здесь?

— Не знаю.

Девушка оставила карманы мужика в покое:

— Гадство, похоже, уже обобрали... Деньги есть?

— Нет.

— Хреново. Хоть как зовут тебя, знаешь?

Клевер засомневалась, стоит ли называть имя, но мужик совсем притих, а эта девушка... Кажется, у неё хватает своих проблем, раз уж пытается огрaбить уже огрaбленных людей.

— Клевер.

— Это чё, имя такое? Потому что ты зелёная? Ну хоть не Морковь. Ладно, меня Карп зовут. — Она с силой дунула на чёлку и закатила глаза. — Не смей это комментировать, поняла? Мои родители — идиоты. Верующие идиоты, которые трахаются в пост. Но сама-то я нормальная! А вот ты по-любому странная. И уши острые. Хотя для выроdkа и правда слишком красивая.

Клевер не любила, когда её называли красивой. Когда папа называл. Но от этой девчонки, Карп, слышать было приятно. Она сказала это так просто, будто ей ничего не надо. Клевер почти собралась улыбнуться, как вдруг...

Незаметное движение. Только успела дрогнуть мышца плеча. Но Клевер прочитала, что дальше. Ры-

вок руки, тусклый блик далёкой лампы на лезвии. Она метнулась вперёд. Перехватила руку мужчины в сантиметре от горла Карп.

Он оказался сильным. Почти как папа. Клевер едва удерживала его запястье, не давая нанести удар. Карп несколько мгновений тупо пялилась на нож. А потом вдруг очнулась, тоже схватила руку мужчины и толкнула. Тот попытался дожать второй рукой, но они уже налегли вместе, отвернули от себя лезвие.

Возня на асфальте. Клевер не поняла, кто из них это сделал. Может, она, может — обе, но лезвие ткнуло что-то мягкое. И бороться стало легко.

Они разом отстранились, Карп закрыла лицо руками. Ненадолго. Когда она убрала ладони, то казалась спокойной, даже слишком.

— Мы ведь не хотели, так? — спросила она. Голос почти не дрожал. — Он... Он напал сам. И нас никто не видел, да? Надо просто уходить отсюда и всё. Никто никогда не узнает, что это мы, верно? Ты ведь никому не расскажешь, подруга?

Подруга... У Клевер никогда их не было, кажется. А кто у неё вообще был, кроме папы? Она решительно помотала головой. Не расскажет.

— Ну у тебя и реакция, — продолжала болтать Карп, поднимаясь на ноги. — Ты ведь меня спасла, да? Как ты его! Валим отсюда! Ох, чёрт!

Она споткнулась о ногу мужика, едва удержалась, со свистом втянула воздух. Его ботинок отлетел в сторону, и из него что-то выпало на асфальт.

— Твою ж мать! — восторженно выругалась Карп. — Зацени!

Она подняла с земли тонкую пачку купюр. Пересчитала, подскочила к Клевер и изо всех сил хлопнула её по плечу.

— Ни хрена себе! Ха! Немного воняют потнярой, да и насрать! Знаешь, мне никогда не везло.

Ни с парнями, ни с чем, даже с именем, а тут два раза подряд! Ладно, давай же, теперь точно валим отсюда!

Ещё минут пять назад Клевер казалось, что её ноги больше не способны на подвиги, но Карп дёрнула её за руку, и она снова бежала, бежала, бежала.

* * *

Ей нравилось, как сидели новые джинсы, на которых дыр было больше, чем ткани. Нравилось, как Мик, или как там звали этого рыжего парня, стягивал их вместе с трусами до середины бёдер. Тёрся о её задницу. Шептал в затылок:

— Какая ты классная, Клэр.

Карп сказала, чтобы она не представлялась как Клевер. «Во-первых, это странно! А странное запоминают». Она была права, и всё же во время секса хотелось слышать своё настоящее имя. «Во-вторых, ты же ни хрена не помнишь, может, это вообще не твоё настоящее имя? Вдруг старый пердун наврал?»

Горячие руки забралась под полосатую футболку, гладили везде, добрались до лопаток. Рыжий на несколько секунд замер. Наткнулся на шрамы.

Клевер тоже застыла, стало холодно и страшно до тошноты. Но Мик не стал их щупать, отправился дальше, крепко обхватил грудь.

Снова горячо и хотелось по-кошачьи похотливо тереться о его готовый член.

Секс — это отлично. Секс — это лучшее, что бывает в жизни.

Секс и магазины. Да.

Да, да, да. Она глухо вскрикнула, сцепив зубы. Натянула джинсы, едва рыжий успел высунуть из неё своё солидное хозяйство.

— Эй, а пообниматься? — возмутился он, поправляя форму крупье.

— В кабинке туалета? Шутник. — Клевер усмехнулась, застёгивая ширинку. Она и так сказала Карп, что просто пошла пописать, а сама застряла тут минут на двадцать. — Ну всё, давай уже! Если ещё надумаешь, мы тут с подругой постоянно бываем.

На прощанье Клевер прихватила Рыжего за промежуток и убежала в зал казино.

Карп уже заметно нервничала.

— Эй, ты куда пропала, я уже спустила половину вчерашнего выигрыша! Без тебя вообще непруха, — возмутилась она. — И чего это ты такая... Такая!

— Я? Обычная я. Давай уже, запускай! Нам нужны деньги!

Карп дёрнула рычаг однорукого бандита.

Это казино им подходило. Не слишком пафосное, скорее даже задрипанное какое-то. Официантки — из вырожденков. Теперь-то Клевер знала, кто это такие и почему Карп всё же отказалась от мысли, что Клевер — одна из них.

Низкорослые уродцы — кто во что горазд. Горбы, кривые острые зубы, болезненно-зелёная кожа. В приличные места их не пускали даже мойщиками посуды. Карп говорила, что они даже живут в своём вырожденном гетто.

Официантка с разноцветными глазами — один больше, другой меньше — уже третий раз проходила мимо, оглядывалась.

— Ты чего тут трёшься? — Карп отвлеклась от мелькания цветных картинок в окошечках.

Девка из вырожденков тут же исчезла за рядами автоматов. Клевер проводила её взглядом и принялась скучающе рассматривать посетителей. Пялиться на однорукого бандита давно надоело. Они с Карп уже играли тут сто раз, и всегда выпадали три одинаковых картинки. Но только если крутила Карп. И только если рядом была Клевер.

Папе тоже всегда везло.

— Хобба! — от торжествующего выкрика Карп Клевер чуть не подскочила.

«Бандит» остановился на трёх лимонах. Звонко посыпались монеты.

Они играли осторожно, не лезли в рулетку или покер с большими ставками, чтобы им мягко не намекнули, что пора свалить и больше не показываться. Или чтоб тупо не прибили за углом. Но на тряпки, жратву и веселье — хватало.

— Ну что, ещё разок?

Клевер предложила сама. Ей иногда казалось, что Карп, вот эта хамка и оторва — стесняется. Будто за каждую маленькую и большую удачу, что ей перепала, Клевер вырывала из себя по куску мяса. Но ведь ей это ничего не стоило. Даже усилий. Точнее, она вообще ничего для этого не делала, да и забрать везение не могла, даже если бы захотела. Они и выяснили-то это вместе с Карп, когда удача стала слишком уж подозрительной.

— Давай последний и хватит на сегодня.

Пока крутились барабаны, Клевер скучающе оглядывала зал. Какие всё же разные тут люди... Тётки с засаленными волосами, проводящие ритуал над каждой опущенной в аппарат монеткой, пьяные, малолетки и пьяные малолетки. Какого-то приличного народу тут и быть не могло, поэтому трое широкоплечих мужчин в тёмно-серых костюмах Клевер насторожили. А ещё у них были зелёные галстуки.

Откуда-то появилась официантка-выродок и показала пальцем в зал. Прямо туда, на тот автомат, где сидели они с Карп. Или прямо на них?

— Сваливаем! — Клевер резко дёрнула подругу за руку, так что та едва не свалилась со стула.

Карп не спрашивала. У неё была звериная чуйка. Под звон выигранных монет они, не оглядываясь, ки-

нулись к боковому выходу для персонала. Возня позади подсказала, что побег заметили. Только бы успеть первыми выскочить на улицу... Там подворотни, знакомые до последнего дрянного граффити на стене.

Дверь была заперта.

Клевер дёрнула изо всех сил — не поддаётся. Они обернулись. Их нагоняли, и только хаотично рассыпанные по залу столы и автоматы мешали настигнуть их за пару секунд.

— Отойди, — кто-то вдруг оказался рядом.

Клевер не рванула в сторону, только потому, что узнала голос. Так же — из-за спины. Только обстоятельства в прошлый раз были куда приятнее.

Рыжий приложил карту сотрудника, и дверь мгновенно открылась. Они вывалились на улицу — почему-то все трое.

— Прыгайте, подвезу, — резко, по-деловому велел Мик.

Выбирать и раздумывать им на самом-то деле не приходилось. Теперь уже и знакомые проулки не спасут, когда никакой форы нет.

Рыжий завёл свою развалюху с третьего раза. Их не схватили лишь потому, что зелёным галстукам пришлось сообщать, куда делись беглянки.

— Ну и кто это ещё такие, вашу мать, — выругалась Карп, откидываясь на обтрёпанное сиденье.

— Эй, дамы, не выражайтесь в моём авто.

Карп только сейчас взгляделась в лицо рыжего и принялась нервно поправлять свою вязаную шапочку.

— Это люди папы, — отозвалась Клевер. — Он... Как-то нашёл меня.

* * *

Аэромобиль с открытой крышей — это чистый кайф. Почти как магазины, как секс. Почти то же самое, что лететь.

За рулём сидела Карп и управляла сама — не доверяла автопилоту. А Клевер не до конца доверяла ей, потому что на взлёте они чуть не снесли рекламный щит, но потом расслабилась. Ветер трепал волосы, бился о стёкла новеньких солнечных очков, которые стоили как половина всей машины рыжего.

Клевер почти забыла про тот случай в казино. Они и правда откровенно рисковали — постоянно зависали в одном и том же месте, сама Клевер даже не пыталась прикрыть заострённые уши, намазаться автозагаром или на худой конец пройтись по лицу тональником. Расслабилась.

— Знаешь, что я думаю? — Клевер опустила очки на кончик носа и зажмурилась, когда ветер резанул по глазам. — Нам надо уже перестать играть по мелочи. Мы как те воры профи, которые вместо того, чтобы ограбить банк, шмонают карманы.

Карп резко потянула руль, и аэромобиль рванул вверх, к последним этажам высоток.

— Слишком опасно, — отозвалась она. — Никому мы не сдались, пока выигрываем по мелочи. Да и то, разве это мелочь? Купили тачку, живём по-королевски. А полезем выше — будут проблемы, нафиг оно надо.

— «Нафиг»? Серьёзно? — Клевер ухмыльнулась, и только тычок от Карп заставил её спрятать улыбочку. — Ладно, слушай, ну сколько мы так будем? Я подумала, что можно сделать всё быстро. Один день — собрать джекпоты в нескольких казино и свалить из города.

Здесь, в верхних ярусах воздушных трасс, почти никого не было. И уж точно никого — в открытых аэромобилях. Холодно до икоты. Но почему-то даже приятно, хотя Карп, коротко стукнув зубами, сразу закрыла крышу.

— Давай ещё выше? — в порыве неожиданного азарта попросила Клевер.

— Нельзя.

Они добрались до крыш небоскрёбов. Клевер никогда не видела ничего выше папиного окна. А ей вдруг захотелось. Так сильно, как ничего и никогда.

— Почему? Думаешь, машина не выдержит? Да брось, нам же везёт!

— Нет, не поэтому. Там территория крылатых. Если к ним хоть на краешек сунуться, потом костей не соберёшь. Короче, ну нафиг это проверять.

Опять это «нафиг», чего это она стала такая приличная? Но про крылатых было интереснее.

— Они чо, прям правда с крыльями? — Клевер прыгнула к лобовому стеклу, будто сейчас на капот приземлится одно из этих существ.

— Ну да, блин, как бы они ещё летали.

— Ну, типа, как мы? — хихикнула Клевер.

— Дурочка! Они реально летают. На крыльях.

Я близко их, конечно, не видала, да никто почти не видал, но... А-а-а!

— Что?

— Смотри, летит, вон! Чёрт... или это птица просто? Короче полетели отсюда, вот вообще не хочу с ними встречаться, мало у нас геморроя.

Карп развернула аэромобиль и полетела вниз, к мельтешащему потоку машин. Лишь бы не вышло, как с тем рекламным щитом... Но они на удивление плавно влились в струю.

— Не знаю, я бы посмотрела, — мечтательно сказала Клевер, жадно вдыхая воздух, рванувшийся через зазор в крыше.

— Иди да посмотри, — хмыкнула Карп. — Вон на выродков. Говорят, они такие уроды, потому что их мамки ложились под крылатых.

— Понятно...

Нет, выродки ей совсем не нравились. Если крылатые хоть немного походили на них, то... Жаль, Кле-

вер всё чаще снилось, будто она летает. И настоящие летающие существа были бы красивой мечтой, но...

— Так ты подумала насчёт большого куша? — перевела она тему.

— Мне это не нравится, хотя... Может, я правда слишком привыкла жить, как грязь? Мне даже в этих шмотках, этой машине как-то... Не знаю, будто я преступница и дышу в долг. А то, что предлагаешь ты — это вот прям сразу стать... Такой же, как этот твой папочка, хозяйничать в пентхаусе... Но ведь мне ничто не помешает выкинуть бабки и снова пойти грабить алкашей? Ну, если вдруг станет как-то слишком неловко?

— Тогда отдашь всё мне!

— Ладно, чёрт с тобой! Всегда думала, что это я тебя втягиваю во всякое дерьмо... — Карп покачала головой. — Ладно, и когда идём, куда?

— Да хоть сейчас, а что? Мы же не грабить отправляемся. Две честные девушки имеют право просто прийти в казино и сорвать джекпот, разве нет?

Клевер невинно похлопала ресницами. Карп рассмееялась и поставила наконец машину на автопилот.

— Так, ладно, давай посмотрим, где у нас самые сочные призы...

Она уткнулась в телефон. Клевер показалось, что на экране мелькнула фотка рыжего, но чего бы ему там делать? В ожидании она откинулась на сиденье, выкрутила громкость радио и принялась во весь голос подпевать.

— Во, смотри! Офигеть джекпот, это ж точно полжизни можно жить, как короли. Правда, вот прям столько дают? Казино «Талисман удачи», и угадай, что там у них за лого?!

Клевер усмехнулась. Интересно, два клевера притянут ещё больше удачи или оттолкнут?

— Это судьба, я считаю! — Карп приобняла Клевер за плечи. Это было... приятно и тепло. — Ну что, тогда туда отправляемся?

— Давай оставим его напоследок, раз судьба?

* * *

Вообще, выигрыша из первых трёх казино хватило бы за глаза, но разгоревшийся азарт невозможно было потушить. Тем более они уже настроились на «Талисман удачи».

— Всё, он точно последний! — пообещала за обеих Карп.

Больно он был клёвый, ну ещё бы, такое бабло в вонючей конуре не выдают. Клевер накинула на голову капюшон мешковатой толстовки, чтобы ушки и кожа не притягивали лишних взглядов. Карп, верная своей майке чуть ниже задницы и зелёным гольфам, шагала рядом.

Последний. Прийти, выиграть, наслаждаться жизнью где-нибудь подальше отсюда.

— Вам нельзя, — грубо остановил их охранник в лоснящемся костюме и рубашке настолько белой, что аж глаза слепило.

— В смысле? — возмутилась Карп. — Мы, может, и малышки-милашки, но нам уже есть восемнадцать. Документы показать?

Клевер понадеялась, что хотя бы у самой Карп они есть.

— Одежда, — охранник коротко указал взглядом на их прикиды. — Это приличное место, наши гости не будут рады видеть вас. Их это беспокоит. А мы бы не хотели, чтобы они беспокоились.

— А... м-м... — Карп глянула на себя, будто впервые видела.

Вообще-то им ничего не стоило буквально перейти дорогу — шикарный «Барбара и Ральф» сверкал витри-

нами прямо напротив — и перестать огорчать нежных гостей «Талисмана». Но сама Клевер упрямо не хотела избавляться от джинс, из дыр на которых сияли колени. И подруга, кажется, считала так же.

— Так жаль, что вам не нравится мой наряд, — непривычно милым девчачьим тоном проговорила она. — Может, без него понравится больше?

Карп беззастенчиво задрала майку до подбородка, лифчики она принципиально не носила. Охранники дружно уставились на её почти мальчишескую грудь. Сиськи-то они наверняка видели, так что скорее от удивления — от дамочек в бриллиантовых колье не дождёшься стриптиза. Вот в дешёвых барах, где Клевер и Карп любили прогуливать мелкие выигрыши, охрану не проймёшь, даже если снимешь трусы.

Один из охранников перевёл взгляд на Клевер, всмотрелся в затенённое капюшоном лицо. Вторую что ли порцию просит? Она тоже нахально потянула вверх толстовку.

— Ну что, нравится? — бросила с напускным вызовом, а сама понадеялась, что её кожа в сумерках не такая уж зелёная.

Клевер подняла глаза вверх, чтобы не смотреть в лицо охранника. Половину неба закрывали стволы небоскрёбов, а вторую — рой аэромобилей. Но всё равно там, наверху, было хорошо...

— Идём, блин! — Карп дёрнула её за рукав. От неожиданности Клевер выпустила толстовку, и та снова накрыла тело. — Уснула что ли? Пошли, а то передумают.

Всё ещё удивляясь, что их пустили благодаря такому дешёвому трюку, Клевер вошла в казино вслед за Карп.

Огромный зал напоминал здоровенный изумрудный аквариум с драгоценными рыбами. На фоне дамочек в струящихся блестящих платьях они с Карп и правда смотрелись как ржавые гайки на прилавке с золоты-

ми кольцами. В отличие от дешёвых казино, тут никто не торопился сбежать с деньгами после выигрыша, все движения неспешны, будто сквозь толщу воды.

Зелёные стёкла множили искры света от спускающихся каскадом люстр, и кожа всех до единого посетителей отливала зеленцой. Клевер могла бы не бояться разгуливать тут даже гольшом. Она с облегчением стянула капюшон и тряхнула волосами.

— Ну что, по-быстрому, в рулетку? — спросила Карп, сгребая купленные фишки.

Они прошли мимо покерных столов с красивым зелёным сукном — аж погладить захотелось. В покер они не играли. Клевер и вовсе не умела, а Карп говорила, что одной удачи мало. Так что остановились на рулетке.

— На чёрное или на красное? — спросила Клевер.

— Не, если быстро, надо на число. — Карп крепко стиснула её ладонь. Шепнула: — На удачу! — А потом громко объявила: — Всё на семёрку.

Крупье и те гости, что оказались поблизости, уставились на них. Ещё бы, две непонятные девичьи с кучей фишек делают самоубийственную ставку. Через сплетённые пальцы Клевер чувствовала, что в этот раз даже Карп волнуется. Сомневается. Они рисковали всем, что заработали до этого...

Колесо рулетки закрутилось. Быстро разнёсшиеся по залу слухи собрали вокруг толпу, и все, как приклеенные, следили, как бешено мелькают красные и чёрные клетки. Сливаются в одну бесконечную полосу...

— Мне вчера приснился странный сон.

— Ты вот прям сейчас хочешь мне об этом рассказать? — Карп напряжённо следила за тем, как белый шарик летит по кругу.

— Да. Я боюсь забыть, и сейчас-то случайно вспомнила. Но это что-то очень важное! Там было такое странное место, и тоже зеленоватый свет, и были люди.

А ещё — какие-то... другие люди. Они носили большие плащи.

Вращение рулетки стало замедляться. Шарик запрыгал по ячейкам. Прыг, прыг...

— И во сне я увидела слово «Инфинити». Ты когда-нибудь слышала о таком месте?

Карп не ответила. Только неопределённо мотнула головой. Всё её внимание занимал шарик, который прыгал всё медленнее и медленнее. Она почти легла на стол, чтобы быть ближе к колесу. До заветной семёрки ещё было так далеко. Слишком далеко. Некоторые зрители уже начали расходиться, посчитав шоу оконченным.

Прыг. Двадцать девять. Совсем рядом, остался малюсенький прыжок в соседнюю ячейку... Но шарик замер. Карп стиснула пальцы Клевер так, что та аж пискнула от боли. Колесо едва заметно качнулось...

Прыг.

И шарик оказался на семёрке. Несколько секунд было так тихо, что Клевер слышала собственное частое дыхание. А потом поднялся шёпот — сначала неверящий, потом удивлённый. Вырос до возгласов, которые перекрыл дикий восторженный визг Карп.

Пока они принимали поздравления и завистливые взгляды, через толпу пробрался невысокий мужчина в смокинге. Он был бы почти красивым, если бы не съехавший набок нос, будто этого человека часто били по лицу. И вообще выглядел он таким строгим, что Клевер решила — сейчас точно выставит их обеих из казино. Грязных оборванок, которые и выиграли-то наверняка благодаря мошенничеству. Хотя тут-то он был бы прав, конечно. Однако мужчина сказал совсем другое:

— Поздравляю вас, леди. В нашем казино есть небольшая традиция, надеюсь, вы не будете против её поддержать?

Голос у него оказался приятным, каким-то даже умиротворяющим. Клевер и Карп дружно молчали. Ни одну из них ещё никогда не называли «леди», да и вообще... Они-то планировали свалить побыстрее, а тут столько внимания.

— О, не волнуйтесь, ничего такого, всего лишь мелочь. Наш хозяин всегда лично поздравляет тех, кто сорвал банк. Это ненадолго, а мы пока подготовим ваш выигрыш.

— Ага, и многие от вашего хозяина возвращались? — фыркнула Карп.

— Вы слишком плохо о нас думаете, леди. — Мужчина усмехнулся, будто она была ребёнком, брякнувшим глупость. — Посмотрите вокруг: этому казино уже полвека, сюда приходят знаменитости. Позвольте себе порадоваться от души.

Карп вопросительно глянула на Клевер. Будто она не удачу приносила, а предвидела будущее. Ей тоже казалось странным куда-то там идти, с другой стороны, было бы куда проще проследить и грохнуть их за углом, чем на глазах у кучи посетителей приглашать к хозяину. И Клевер кивнула.

Их провели через весь зал к стеклянному лифту такого же изумрудно-зелёного цвета, как всё вокруг.

— Надеюсь, там в кабинете не огромная живая голова, — пробормотала Карп еле слышно.

Она глазела по сторонам, явно впечатлённая этим сияющим коридором из дорогой жизни. Вдоль их пути стояли охранники, точно красивые статуи — даже похожи все. Может, Карп и правда боялась настолько сильных перемен? Клевер-то была хорошо знакома с роскошью. Правда, сама являлась скорее частью интерьера.

— Прощу вас, леди! — И провожатый распахнул высокие двери из шоколадно-коричневого лакированного дерева.

Они сделали шаг внутрь и...

Взгляд зацепился за взгляд. Клевер ещё даже не успела всмотреться в лицо, а уже мерзко заныло между лопатками, и ноги отказались сделать даже маленький шагок назад. Как он нашёл... Карп стояла в нагловатой позе, даже не понимая, что происходит. Пока.

— Ну, здравствуй, Клевер, девочка.

Дверь за спиной со щелчком закрылась.

— Это что, он, да? Я так и думала, что ловушка, сука, — замельтешила Карп.

У Клевер не нашлось сил ответить. Папа словно обдал какой-то странной властью над её телом, что оно разом цепенело. Клевер могла лишь смотреть. Кабинет такой большой и почти пустой. Только огромный стол, за которым сидел папа. Так спокойно, будто всё происходящее — самое естественное, что только могло быть. Окна за его спиной забраны металлическими жалюзи. Справа от двери — бронзовая крылатая девушка на малахитовом постаменте. А рядом со столом, будто ещё одна статуэтка, только большая — неподвижный громила-охранник в зелёном галстуке. Всего один, не считая того, со сломанным носом, который привёл их с Карп. Но больше-то и не надо против пары безоружных девчонок. Ах да, там же ещё полный коридор охраны...

— Нас куча народу видела! — выпалила Карп. — А ещё друзья знают, где мы! Вы нам ничего не сделаете.

— Вам, милая леди, — папа улыбнулся краешком губ, — абсолютно ничего. Вы прямо сейчас можете идти. Прошу вас. Внизу уже ждёт ваш выигрыш. Если не сходить с ума, его вам хватит жизнью на девять, как у кошки.

— То есть... — задумавшись, проговорила Карп, — я могу вот просто так оставить её тут, — она кивнула

на Клевер, — а сама уйти? И вы мне ничего не сделаете? Прямо по чесноку?

Клевер резко обернулась. Как?! Вот так просто она готова?.. Хотя какой у Карп выбор, наверное, так лучше всего. Но, несмотря на правильность, внутри саднило и жгло. Они ведь ничего друг другу не должны, ничего.

— Разумеется, даю вам слово. Уж простите за прямо-ту, но вы ничего не стоите. А деньги... Ну, будем считать это платой за то, что вы присмотрели за моей драгоценной девочкой.

И теперь он заберёт её. Домой. Где будет туман в голове, жуткий шкаф с тонированным стеклом и чай. Очень много чая. Клевер метнула взгляд на закрытые окна, и даже глубоких частых вдохов стало мало, чтобы надыхаться.

— Звучит честно... А ещё, — протянула Карп, — капец, как подло. Так что иди-ка ты на хер, дядя!

Кажется, папа не особенно удивился, удивилась Клевер. Ей нестерпимо захотелось обнять Карп. Хотя бы просто стиснуть её руку. Но она всё ещё боялась шевельнуться. Вдруг Карп сама прынула к ней и произнесла одними губами:

— Сейчас бы очень пригодилось немного удачи.

Слова сработали как заклинание. Не прошло и пяти секунд, как комнату заполнил густой вой сигнализации. Папа выругался.

— Эд, иди проверь, что там.

Он кивнул мужчине с переломанным носом, и тот, словно собака, получившая команду, кинулся к двери. Провёл картой — щелчок. В коридоре уже слышался топот множества ног. Клевер успела только краем глаза глянуть в приоткрытую дверь. Охранники отклеились от стен и бежали к лифту. А потом дверь снова щёлкнула, закрываясь.

Кто-то позвонил.

— Ограбление?! Сука...

Оставшийся охранник пристально следил за Клевер. Что толку, даже если бы они оказались быстрее, дверь-то закрыта...

— Они что сделали? — багровея, выпрашивал папа.

Клевер пыталась слушать, но до неё долетал только гул мужского голоса. Но потом она сама увидела. Свет моргнул дважды, металлические жалюзи на окнах поехали вверх. Электронный замок позади щёлкнул. Взломали систему безопасности?

Папа подскочил в кресле, упёр руки в стол.

— Убей девку, Клевер вези домой, — рявкнул оставшемуся охраннику.

— Сейчас! — резко выкрикнула Карп.

И Клевер проснулась. Карп толкнула дверь, охранник полез в кобуру, дёрнул рукоять пистолета. Но подруга была быстрее. Рванула на себя статуэтку с крылатой девушкой, не глядя, швырнула за спину. Глухой неприятный удар. Грохот тела об пол, ор папы.

— Везёт же мне! — Карп невинно пожал плечами.

Они вывалились в коридор. Почти пустой, только там, у лифтов стояли трое в костюмах. В руках — пистолеты. Клевер и Карп побежали вдоль стены, надеясь, что их не увидят. Зря. Кто-то выстрелил, за ним начали стрелять остальные. Они целились только в Карп, Клевер не сомневалась. Но той слишком везло, чтобы хоть одна пуля попала.

— Сюда! — Карп дёрнула Клевер в рукав коридора.

Там — дальше — лестница вниз. Мимо пробежала стайка перепуганных крупье. Но им не было дела до каких-то там девиц.

— Как же наш выигрыш?! — задыхаясь от бега, выпалила Клевер.

Карп неумолимо тащила её за собой:

— Пох, ещё выиграем!

* * *

Не выиграем...

Клевер тупо смотрела в окно, отщипывая заусенцы вокруг ногтей. Два пальца уже кровили.

— Я дура, — тихо проговорила она.

Карп валялась на незастеленной кровати и катала по прикроватному столику игральную кость. Каждый раз выпадала шестёрка, и она радовалась, как ребёнок. Будто у неё суперсила какая-то. Но после слов Клевер бросила игру и села по-турецки:

— Да брось, кто мог знать?

— Я могла. Должна была! Он же держал меня у себя... Все эти деньги. Да, чёрт возьми, конечно, он знал, что везёт ему не просто так. А мы своими выигрышами ему как сигнальные ракеты запускали.

Клевер не знала даже, отчего злилась больше. Что не подумала и так легко попала в ловушку или что снова стала слабой. Будто и не было побега, всего этого с Карп — не было. Всё такая же безвольная, принадлежащая ему полностью. Клевер больно дёрнула заусенец и сунула палец в рот.

— Ну теперь мы учёные! Больше не будем так палиться, аккуратно где-нибудь, понемножку. Нам ведь нормально жилось до этого всего, ну?

— Не, — Клевер потрясла головой, — он всё равно меня найдёт. Надо уехать подальше. В другой город. И как можно скорее! Только вот ещё что, помнишь там, в казино, я тебе говорила, что мне приснилось? Про то место, «Инфинити»? Это не сон, оно настоящее, я вспомнила его... я там бывала. Это что-то важное для меня, я уверена... Покоя не даёт. Думаю, мне стоит увидеть его снова. Подождёшь, ладно? А потом — уезжаем! Надо билеты купить, вещей у нас немного...

Клевер остановилась, заметив, что Карп не смотрит на неё. Опустила голову и как-то виновато перекатывала кубик по столу. Будто её тягостно слушать и стыд-

но перебить. Клевер тоже опустила глаза и глубоко втянула воздух. Что не так? Вслух спрашивать не стала, но Карп, конечно, и так поняла. Ещё раз бросила кубик, как-то слишком резко и громко, а потом накрыла его ладонью.

— Слушай... Я... Короче, я не могу вот так взять и свалить. Мы с тобой... Ну, то есть ты же знаешь, я за тебя горой. Просто тут кое-что... Блин, мне сейчас идти надо, давай я вернусь и мы всё обсудим, ладно?

Клевер пожалала плечами. Ей не нравилось обрывать разговор вот так, тем более, когда вообще непонятно, что сейчас такое произошло. Но и цепляться, дёргать за рукав — не хотелось тем более. Карп ведь не бросает её в конце концов, вернётся и расскажет.

Вернётся... Куда она вообще собралась? Почему не расскажет, не позовёт с собой?

— Карп... — Клевер резко мотнула головой, мол, нет, ничего.

Они не должны ходить только вместе, как приклеенные, верно? Не надо быть приставучей, это всегда раздражает. И всё же раньше всё делали вместе, а теперь... Особенно с побегом. Клевер не сомневалась даже, что Карп сразу согласится. И уехать, и поглазеть на «Инфинити», это ж загадка, какое-то таинственное место из сна. Разве не круто? Попасть в новые неприятности... вместе.

Хотя, может, так оно и лучше? Это место было странным даже по смутным воспоминаниям. Кто знает, что там такое важное, может, лучше встретить это одной. Да! И Карп как раз удачно ушла, не увяжется. Клевер быстро влезла в свои драные джинсы, толстовку. Конечно, найти клуб будет непросто, без адреса-то... Но она так ярко вспомнила набережную, где река ширилась вдаль настолько, что не видно противоположного берега. Доки, заборы, склады... Гудки кораблей.

Взять такси, описать водителю... А потом рассказать Карп о своих приключениях!

Клевер выбежала из дверей отеля и застыла. Их с Карп автомобиль всё ещё стоял у тротуара, внутри кто-то был. Двое. Клевер шагнула в сторону, чтобы сразу рвануть в подворотни, если вдруг... Но никто не выходил, даже и не собирался. Макушка Карп в зелёной шапочке и, вплотную к ней, — рыжая шевелюра.

Клевер так и стояла, глядя, как они там целуются. Значит, Карп и дальше будет уходить... Всё чаще. Надо бы, наверное, порадоваться, так ведь делают хорошие подруги? Порадоваться за Карп. Вместо этого хотелось куда-нибудь убежать, спрятаться, зарыться. Но Клевер никак не могла перестать пялиться.

Вдруг эти двое оторвались друг от друга и сбежать стало поздно.

А может, Клевер и сама хотела, чтоб её увидели?

— Клев... Клэр?... — Карп опустила стекло. — А мы... э-э... Ты же помнишь Мика?

Конечно, она помнила Мика. И его член в себе тоже помнила. Правда, этого, наверное, озвучивать всё же не стоило, так что она просто кивнула.

— Ну, в общем, мы это...

— Мы теперь типа вместе, — разрешил он неловкость.

— Ага, ясно. Ну, развлекайтесь. — Клевер постаралась не выдать голосом обиду. — И я пойду... развлекаюсь.

— Это куда? — настороженно спросила Карп.

— Какая разница?

«Ты мне тоже не сообщила» — так и рвалось с языка, но Клевер сдержалась. Вместо этого отвела взгляд, потому что знала — он сразу всё выдаст. И выдал.

— В то самое «Инфинити»? — прищурилась Карп. — Ну блин, я же просила подождать меня, мы бы поговорили позже...

— Я не хочу позже. Мне надо — сейчас.

И Клевер зашагала по тротуару. Она узнает, что там в этом чёртовом клубе. Хотя бы просто назло. Всем.

— Ай, да ну тебя, — донеслось до неё слева. Из открытого окна догнавшей её машины торчала голова Карп. — Садись, блин. Мик, ты же не против? Её нельзя отпускать туда одну.

Рыжий усмехнулся:

— Не против ли я влезть с вами в очередную задницу? О, нет, конечно, как я могу!

Клевер не смогла сдержать улыбки. Вот придурки! Как только она плюхнулась на заднее сиденье, Мик рванул с места.

Сразу стало легко. Будто досада, накотившее одиночество — остались где-то там, внизу. А ещё, теперь не надо было непонятно кому объяснять, куда и зачем ей надо.

Они немного попутали над водой, а потом Клевер, почти наполовину высунувшись из машины, тыкнула в темноту:

— Там!

Место для машины нашлось с трудом, тут будто и вовсе не планировались какие-то там люди. Может, зря она тащит сюда друзей, подвергая опасности не только себя, но и их? Однако память подсказывала — люди бывали там...

Над серой панелью двери, сливавшейся со стеной, висел глаз камеры. Клевер откинула капюшон толстовки, прямо посмотрела на красный огонёк и зачем-то оскалилась.

Дверь отъехала в сторону, и тут же их окатило оглушительным грохотом музыки. В бледном зеленоватом свете кожа Клевер стала настолько заметно отличаться от человеческой, что Мик уставился на неё во все глаза. Ну конечно, в кабинке туалета он явно смотрел на что-то другое.

Нет уж, Карп об этом точно знать не нужно... В конце концов, было же очевидно, что она не останется рядом навсегда. Хотя Клевер, если честно, надеялась.

— Телефоны! — Охранник на входе протянул руку ладонью вверх.

Переглянувшись, Карп и Мик сдали свои. Клевер замешкалась, но у неё почему-то и не потребовали, только как-то подозрительно покосились за спину.

«Инфинити» с виду напоминал обычный бар со столиками, выпивкой, допотопным музыкальным автоматом, который наверняка не работал. Разве что в обычных барах не было кабинок и там все не оборачивались, стояло тебе зайти.

Малоодетые девушки, немного парней, а ещё какие-то люди в огромных тёмных плащах, под которыми легко можно было спрятать целое второе тело. Смотрели в основном они.

Клевер шагнула в зал, быстро переводя взгляд с лица на лицо. У многих они прятались в тени капюшонов, но не у всех. И те, кто сидел с непокрытой головой, выглядели...

— Мать-перемать! — воскликнула Карп и покосилась на Мика. — Ничего себе! Они же... Они же — ты!

Вообще Карп всегда как-то легко относилась к особенностям Клевер. После первой встречи и не упоминала, будто это прыщ на носу или дурацкая причёска. Но теперь...

Люди в плащах были так же остроухи, их кожа отчётливо отливала зеленой, и Клевер могла поклясться, что, открой они рот, там обнаружатся удлинённые клычки.

Из дальней кабинки выбрался парень с взъерошенными волосами, а за ним — зеленокожая девушка. Она расправила плащ, видимо, собираясь его накинуть на плечи, и Клевер увидела, что было у той сзади.

Как же... Клевер невольно обняла себя, дёргаными движениями ощупывая пальцами спину. Будто

сияясь найти там такие же огромные, чёрные, с зелёными прожилками крылья. Нежно трепещущие при ходьбе, но такие надёжные и сильные — в небе. Но Клевер знала, что не найдёт. Больше никогда не найдёт!

Там только два грубых шрама.

Потому что...

Она резко развернулась, слёзы обожгли глаза.

Я помню, помню, помню!

Карп попыталась её удержать, но Клевер вырвалась, пролетела через дверь, на прощание мигнувшую глазком камеры. Пронеслась мимо заборов и высоких ржавых контейнеров. Ветер бил в лицо, будто в стремительном полёте, но нет. Земля каждый раз больно отдавала в подошвы. Клевер бежала, бежала. Так бегут для разгона, чтобы потом...

Клевер врезалась ладонями в перила набережной.

Она могла взлетать над чёрной водой. Высоко, выше трасс аэромобилей, туда, где стегает кожу ледяной ветер, где нет ни стен, ни крыш — только небо. Могла, когда были крылья. А теперь она только и делала, что бежала, бежала, бежала. Отовсюду. От всех, от себя.

Пора было остановиться.

Папа ведь никогда не уничтожил бы их, так? Только не такую редкость...

И теперь Клевер знала, что было в том большом пугающем тонированном шкафу. Больше она бояться не станет.

* * *

— И чо, вы прям туда ходили потрахаться с людьми? — Карп поморщилась. — Не, я не против потрахаться, но как-то это... Извращуно.

— Ну, значит, я извращенка.

— Да я всегда догадывалась, — хохотнула Карп. — Когда ещё узнала, что ты Клевер.

Было ли у неё тогда другое имя? До папы, до «Инфинити», в котором он наверняка её и поймал. Если бы она только снова могла летать, то вспомнила бы всё-всё до конца.

— А я-то всё гадала, откуда выродки берутся, если вы где-то там на небе и людей вообще на дух не переносите. Слушай, а если у крылатой будет ребёнок от мужика-человека, она его тоже что ли бросит?

— Ну, он же не умеет летать...

Почему-то сейчас всё это казалось дичью. Наверное, слишком зыбкой была память о прошлом, а жизнь с Карп — слишком настоящей.

Но скоро это закончится. Нельзя забывать и расслабляться. Думать, будто всё снова так, как и прежде. Теперь был Мик, а ещё — были крылья, которые нужно забрать.

— Я могу попросить тебя о помощи? Вас с Миком, — спросила Клевер. — На прощанье.

— Но...

— Не надо, ну к чему это? Ты же сама понимаешь. И я понимаю. Но попросить должна, мне без вас никак.

Лучше вот так, сейчас распрощаться, чем быть третьей лишней, которая медленно, но верно ототрётся сама собой. Карп попыталась что-то там сказать против, но Клевер сжала ей руку, посмотрела в лицо, и та сдалась:

— Конечно, подруга... да и Мик не откажет, он, кажется, такой же долбанутый, как я.

Они засмеялись, и Клевер так остро и больно кольнуло — она будет отчаянно скучать по Карп.

— Тогда слушай. Мне нужно, чтобы ты снова сыграла. Где хочешь — ставки на скачках, казино, лотерея. Много и громко. Папа придёт туда за мной, сам, я уверена. Но меня там не будет.

— Но без тебя мне не выиграть, я не понимаю...

— Выиграть.

Клевер заранее поморщилась. Но это надо было сделать. Не только ради плана, это, можно сказать, подарок на память, ведь так?

Не глядя на Карп, чтобы та не прочла в глазах раньше времени, Клевер шагнула к десертному столику. Между тарелками с пирожными и фруктами нащупала ножик, крепко схватилась за рукоять.

Какой он маленький... Справится ли?

Клевер собрала пальцы левой руки в кулак, высвободив мизинец.

— Что ты?!..

Возглас Карп затерялся во вспышке оглушительной боли.

Резал ли папа крылья по живому, пока она была в сознании? Можно ли забыть от боли всю свою жизнь?

Как же много крови... Вместе с Карп они как-то смогли её остановить. Держа у кровящей кисти пачку салфеток, Клевер села на кровать.

— Дура! — ругалась Карп. — Что ты вообще...

— Так надо, — едва разлепляя ссохшиеся губы, произнесла Клевер. — Надо так. Не парься, я в порядке. Вот, возьми его.

Она кивнула на маленький бледный обрубок, оставшийся на столе. Карп не двинулась с места, только вздрогнула, едва туда глянув.

— Пожалуйста, Карп, возьми...

* * *

Если сильно не приглядываться, то зелёный галстук на Мике смотрелся почти так же, как у охранников папы. Да и кто будет приглядываться, когда им ведут желанную добычу? Клевер с рыжим выждали, чтобы Карп успела пошуметь в городе. Было тревожно за неё, но что могло случиться с той, кому во всём везёт?

К вечеру они появились перед дверями папиной квартиры.

— Босс велел доставить её домой, — сказал Мик охранникам у двери, грубовато толкнув Клевер в спину.

— А сам он где?

— Он мне не докладывает. Велено только привезти девочку.

Клевер напряглась, она надеялась, что её возвращению будут слишком рады, чтобы задавать вопросы.

— Без приказа босса...

— Слушай, — совершенно искренне возмущился Мик, — давай тогда, свяжись с ним, наверняка он занимается какой-нибудь бесполезной фигнёй и будет рад ответить на все твои вопросы. А вообще, знаешь что?

И рыжий больно схватил Клевер за запястье и поволок по коридору, подталкивая вперёд:

— Давай, вали отсюда, этот добрый дядя считает, что ты не нужна.

— Стой, придурок, давай заводи. — Охранник открыл дверь, и Клевер постаралась, чтобы на лице отразился испуг, а не облегчение.

Мик втолкнул её в квартиру; знакомый запах чистоты, папиных мускусных духов, чая. Она едва не метнулась назад, но ткнулась лопатками в грудь рыжего.

— Это точно надо?

— Да, — спустя десять мгновений отозвалась Клевер. — А теперь давай отсюда.

— А как ты уйдёшь? — спохватился Мик.

— У меня уже есть рабочая схема, — усмехнулась она и понадеялась, что после её побега папа не замуровал окно. — Береги Карп. И удачи.

Клевер осталась одна. Она не сомневалась, что Мик там что-нибудь придумает. А ей предстояло забрать крылья.

Она чётко знала, куда идти, но всё равно медлила. Каждый шаг — душное воспоминание, следы пальцев на шрамах почти осязаемы. И нечем дышать.

Клевер удержалась за косяк и тут же отдернула руку — как ошпарило.

Она же обещала себе — больше никакого страха!

Дальше до зала — двадцать пять решительных шагов. Громада шкафа. Там, внутри, прячется не страшное. Тень за тонированными стёклами — её. Пусть и отнятые, но крылья — это часть самой Клевер. Нельзя оставлять их здесь, у него.

Клевер дернула створки, они поддались, но открыть их полностью не успела.

— Сама вернулась? Неужели моя девочка соскучилась?

Клевер не обернулась, ей достаточно было голоса. Она вслушивалась в шорох его одежды, лёгкое шарканье подошвы по паркету. Папа был один. Он всегда показывал ей, что сильнее...

— Я очень огорчился, когда вместо тебя нашёл твою подружку.

Клевер вздрогнула. Из-за Карп, а ещё — из-за того, что слышала шаг. Ближе.

— Так жаль, что она сбежала... Как ты это сделала? Хотя, кажется, я знаю...

Видно ли у неё из-за спины перебинтованную руку? Ещё два шага. Запах духов стал острее.

— Так хорошо, что ты пришла сама. Мне не терпится коснуться тебя. Будь умницей, закрой шкаф, тебе это не нужно больше.

Клевер через одежду, через воздух, разделяющий их, чувствовала, как папа протягивает к ней руку. Как шевелятся в предвкушении пальцы.

Слабость накатила неожиданно. Так, что Клевер едва удержалась на ногах. Нет, не сейчас! Она должна. Она сильнее! Она — не он!

Даже без крыльев.

Клевер развернулась с нечеловеческой скоростью. Поднырнула ему под руки. Сбила с ног, навалив-

шись всем весом. Пальцы сами нашли шею — потную под подбородком, толстую. Ей не обхватить целиком. Но это и не нужно.

Большие пальцы нащупали адамово яблоко.

Папа задергался под ней, ругнулся. Его руки схватили запястья Клевер. Но она уже захватила пальцами кадык — сверху и снизу.

Папа пытался отодрать от себя её руки. Зря. Только помог. Она дернула пальцами в разные стороны. Что-то сдвинулось внутри. Папа протяжно захрипел.

Клевер с минуту сидела на нём верхом, не убирая рук. Такое странное чувство, когда что-то упругое и живое становится безвольным. Ей не нравилось.

Она встала, с силой отёрла руки о джинсы. Открыла шкаф. Да, они были там. Большие и чёрные, с блёкло-зелёными прожилками, которые когда-то горели изумрудами.

Мёртвые и безвольные.

А что она ждала, что они наполнятся сиянием и прирастут к спине, как в сказке? Смешно.

Клевер сдернула их с крючков и потащила к окну.

Только бы систему отлова мусора не отключили...

* * *

Она шла на запад прямо по тротуару, не таясь. Под ошалелыми взглядами прохожих волокла за собой мёртвые крылья. Они плаксиво шуршали по асфальту и были чертовски тяжёлыми. Люди оборачивались и перешёптывались. Клевер было плевать. Какая теперь разница, если она никогда больше не сможет летать? Но зато теперь Клевер принадлежала сама себе. Целиком и полностью. Не считая, правда, маленького кусочка... Но её мизинец теперь был именно там, где надо. Ведь мы всегда отдаём часть себя тем, кого любим.

Спорим, ещё никто не делал это настолько буквально? **У**